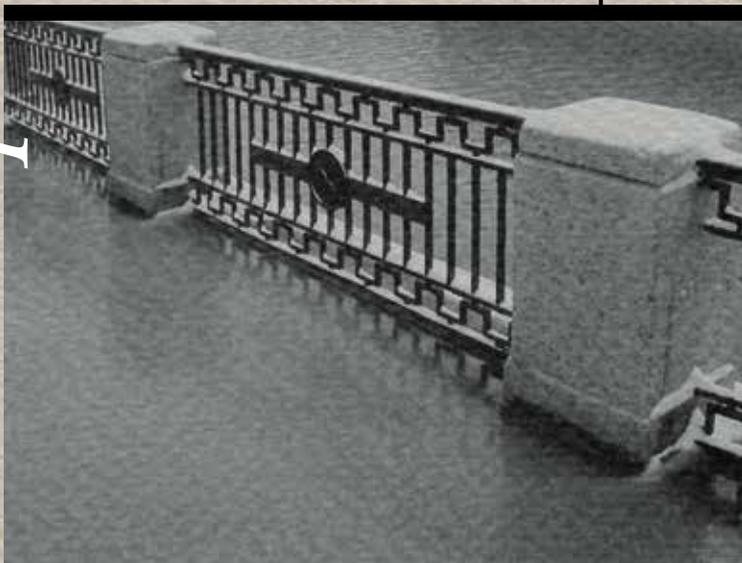

Общая тетрадь

ВЕСТНИК ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

№ 1 (96)

2 0 2 5

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

№ 1 (96)

Рига 2025

**Издание выходит
раз в квартал**

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертес (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Литературный редактор *А. Заматаева*

Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 1 (96) 2025

К читателю
Владимир Рыжков 5

Тема номера

Будущее подождет
Андреас Буммель 7

Король Дональд и новые правые
Фредрик Эрикссон 12

Конец прогресса?
Джозеф Стиглиц 18

Опыт истории

**История России как незаконченное движение
от азиатской традиции к модерну**
Константин Мерзлякин 21

**Почему у Горбачева не получилось?
Опыт перестройки и современность**
Алексей Гусев 43

Нас ждут мрачные времена
Василий Жарков 61

Гражданское общество

Борьба за демократию
Хакан Алтынай, Лисбет Пилегаардт 70

Колонизация

История, которая возвращается
Максим Курников 84

Ташкент в торговом и промышленном отношении
Владимир Кузнецов 97

Наш анонс

Пост-Россия
Вадим Штепа 109

Книги

Нормальная аномалия 113
Андрей Симбирцев

Контрапункт 117
Максим Горюнов

Nota bene

Schengen is alive – шенген жив! К 40-летию Шенгенских соглашений 125
Зелимхан Яхиханов

Угроза «Темного просвещения» 128
Александр Морозов

К читателю

*Владимир Рыжков,
выпускник Школы
гражданского просвещения
1993 года*

В начале 1990-х двое выходцев из советской и российской интеллигенции, носители гуманистических идеалов русской культуры и идей европейского Просвещения, затеяли невиданное. А именно создание Школы просвещения для молодой российской политической элиты, которой предстояло строить новую демократическую Россию. Эти двое были Елена Немировская и Юрий Сенокосов, во многом вдохновленные идеями своего близкого друга — философа Мераба Мамардашвили.

И вот небольшой круг молодых людей впервые собрался в Москве, чтобы слушать мировых звезд философской и политической мысли.

Среди первых учеников был и я — начинающий политик из Сибири, с Алтая. Все мы были безгласны и невежественны. Не владели языком современной политической науки и современной философии, плохо понимали современный нам мир. Язык нашего мышления был усвоенный в советских университетах язык истории КПСС, научного коммунизма и марксистской диалектики. Другого мы не знали и знать не могли. Первые годы ученики были способны понять едва ли треть из того, что с ними обсуждали выдающиеся эксперты Школы. Со временем пропасть между нами стиралась. Менялись мы сами, менялась и освобождалась Россия. Слушатели Школы и страна трудно осваивали ценности свободы, права, демократии, терпимости. Учились следовать кантовскому девизу Школы: «Имей мужество использовать свой разум!»

Когда в 2000-е старый режим взял верх и принялся громить свободу, Школа попала под удар одной из первых. Новые-старые начальники нутром чуяли, что ценности свободы, права и достоинства личности, важнейшие в работе Школы, смертельно опасны для успеха их проекта ресоветизации и нового закабаления России.

Кто-то из учеников Школы выбрал карьеру в новой власти. Кто-то ушел из публичной в частную жизнь. Многие вынуждены были уехать. Сама Школа эмигрировала и запрещена в России, но продолжает в меру возможностей продолжать начатое.

На данный момент общественное дело Школы и ее учеников проиграно. Свобода в России погублена. Однако усилия и свершения Школы не были напрасными. Тысячи человек прошли ее семинары. Многие освоили идеи и язык свободы. И никто из них, даже те, кто в наши дни участвует в организации войны, насилия и погубления свободы, не может оправдаться незнанием. Никто не может сказать теперь: «А я не знал». Всякий теперь прекрасно знает, что делает. Ведь Школа научила всех без исключения главному: ясно отличать зло от добра, ложь от истины, рабство от свободы.

Будущее подождет: скромные итоги саммита ООН в вопросе глобального участия

*Андреас Буммель,
исполнительный
директор «Демократии
без границ»*

22–23 сентября 2024 года в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке прошел Саммит будущего, который изначально планировалось провести годом раньше. На сайте ООН его рекламировали «беспрецедентной возможностью для нашего поколения объединиться в единый мир и создать будущее, ради которого стоит жить».

Итоговый документ саммита «Пакт во имя будущего» включает в себя пять глав и 56 действий.

В своей колонке на сайте Just Security Ричард Понцио характеризует его как «веху, от которой будет отсчитываться ход перемен», между тем релевантность этого документа и каждого из описанных там действий зависит от конкретной проблемы.

«Пакт» обещает новое начало для многостороннего подхода

По сравнению с предложениями, представлениями и устремлениями, которые нашли свое выражение в «Пакте народов», подготовленном раньше «Коалицией за ООН, которая нам нужна» на основе продолжительных консультаций с экспертами и представителями гражданского общества, межправительственный «Пакт» не дотягивает до высокой планки, заданной рекламой ООН, да и самим «Пактом», обещающим «новое начало для многостороннего подхода» и «трансформацию общемировой системы управления».

В первых абзацах «Пакта» все изложено верно: «Если мы не сменим курс, то рискуем в будущем оказаться в условиях постоянного кризиса и упадка». Далее говорится, что многосторонняя система и ее учреждения, центральное положение среди которых занимает ООН, «должны соответствовать

настоящему и будущему: быть эффективными и дееспособными, готовыми к будущему, справедливыми, демократичными, беспристрастными и представляющими сегодняшний мир, инклюзивными, взаимосвязанными и стабильными в финансовом отношении».

Однако прописанные в «Пакте» обязательства не приведут к достижению этих целей. Если относиться к этому документу как к политической мере, то следует констатировать, что «трансформация общемировой системы управления» была отложена, а возможности упущены. По меньшей мере в том, что касается расширения участия граждан, выборных представителей и гражданского общества в общемировом управлении, саммит, очевидно, особого прогресса не добился.

Соответствующее действие, номер 55, описано следующим образом: «Мы будем укреплять наши партнерские отношения для выполнения существующих обязательств и решения новых и возникающих проблем». Начало относящегося к этому действию раздела, номер 83, содержит очень верные наблюдения: «Мы признаем важность взаимодействия Организации Объединенных Наций с национальными парламентами и соответствующими заинтересованными сторонами при сохранении межправительственного характера организации. Для решения стоящих перед нами проблем необходимо сотрудничество не только между странами, но и в обществе в целом. В интересах эффективного решения наших общих задач в наших усилиях должны участвовать правительства и парламента, система Организации Объединенных Наций и другие международные учреждения, местные органы власти, коренные народы, гражданское общество, предприниматели и частный сектор, конфессиональные организации, научные и академические круги и все люди».

*Прописанные в «Пакте»
обязательства не приведут
к достижению этих целей*

В следующих далее шести подпунктах перечислены «постановления»: «принять меры к тому, чтобы соответствующие заинтересованные стороны могли конструктивно участвовать в рамках своих соответствующих функций и обязанностей», «использовать существующие каналы связи между межправительственными органами Организации Объединенных Наций и гражданским обществом и укреплять коммуникацию между ними», «углублять взаимодействие Организации Объединенных Наций с национальными парламентами в соответствии с национальным законодательством», просить Генерального секретаря разобраться, «как взаимодействие с местными и региональными органами власти может способствовать реализации Повестки дня на период до 2030 года».

Кроме того, в разделе 71 имеется обязательство «содействовать более структурированному, значимому и инклюзивному привлечению неправительственных организаций, имеющих консультативный статус

Микеланджело Пустолетто (Michelangelo Pistoletto). Трубы Судного дня. 1968

при Экономическом и Социальном Совете, к участию в деятельности Совета» (то есть даже не к деятельности ООН в целом). Все это хорошо, вот только ни одно из этих обязательств не содержит в себе ничего нового и ни одно из них нельзя выполнить за отсутствием конкретики. Единственным исключением является требование, чтобы генсек ООН представил рекомендации, относящиеся к взаимодействию с местными и региональными органами власти.

Это не тянет на «документ, в корне меняющий ситуацию», как охарактеризовали «Пакт» на сайте ООН.

Более решительные меры, предложенные ранее гражданским обществом

В отличие от «Пакта во имя будущего», «Пакт народов» рекомендует создать Парламентскую ассамблею ООН, Общемировую гражданскую инициативу при ООН, общемировые гражданские ассамблеи, а также должность посланника ООН по укреплению легитимности и участию в общемировом управлении. В рамках консультаций ООН с гражданским обществом такого рода предложения были представлены на рассмотрение «Демократией без границ», «Международной демократией»,

инициативами C4UN, CIVICUS, фондом Iswe, работающей при ООН Сетью по выработке решений в области устойчивого развития (SDSN) и многими другими организациями. Те же предложения выдвигались на организованной ООН Конференции по вопросам гражданского общества, состоявшейся в Найроби в мае 2024 г., а также в открытом письме, подписанном почти 170 группами и распространенном между государствами-членами еще до открытия саммита. То, что ни одно из

*«Пакт народов»
рекомендует создать
Парламентскую ассамблею
ООН, Общемировую
гражданскую инициативу
при ООН*

этих предложений не вошло в «Пакт», удивления не вызывает.

Притом что мнение о необходимости пересмотра Устава ООН становится все более распространенным (и об этом говорилось в связи с саммитом), никакого консенсуса даже по самым базовым вопросам у стран — членов ООН нет. Наиболее ав-

торитарные и деспотичные режимы, включая Китай, Северную Корею, Россию, Иран или Венесуэлу, выступают резко против усиления участия ООН в мировых делах или расширения возможностей организации в деле защиты прав человека. Они не дали включить в итоговую версию «Пакта» упоминание о демократии, хотя тему поддержки демократии постоянно поднимают в Генеральной Ассамблее страны мирового большинства.

В таких обстоятельствах реальную «трансформацию общемировой системы управления» невозможно провести на основании консенсуса,

*Наиболее авторитарные
и деспотичные режимы
выступают резко против
усиления участия ООН
в мировых делах*

однако именно консенсуса требовали условия разработки документа, одобренные Генеральной Ассамблеей в сентябре 2024 года. В Найроби постоянный представитель Германии в ООН, один из координаторов переговоров, откровенно признал, что требование консенсуса препятствовало рассмо-

трению каких бы то ни было более решительных мер, предложенных гражданским обществом. Из-за этого требования любое государство получает возможность избавиться от слов и выражений, которые ему не нравятся, еще больше снижая наименьший общий знаменатель.

Проблема консенсуса

Почему «Пакт во имя будущего» было решено принимать на основании консенсуса, до конца неясно, ведь Генеральная Ассамблея регулярно ставит на голосование важные резолюции. В итоге из-за необходимости прийти к консенсусу даже прогрессивные государства могут с легкостью избежать каких-либо действий, если им этого захочется, просто сославшись на то, что те или иные предложения все равно не будут приняты, соответственно, нет никакого смысла их выдвигать.

Когда Россия в последний момент предложила поправку, чтобы сорвать принятие «Пакта», Генеральная Ассамблея поставила на голосование вопрос о том, рассматривать эту поправку или нет: 143 голоса было подано за то, чтобы не рассматривать, семь — чтобы рассмотреть, 15 государств воздержались.

Когда учрежденный генсеком ООН Консультативный совет высокого уровня по обеспечению эффективности многосторонней системы тоже не смог выработать меры по общемировому участию, в его финальном докладе совершенно верно указывалось, что «при-

страстие к консенсусным решениям» часто «препятствует эффективности многосторонней системы». Общемировой ответ на «общемировые проблемы не может определяться малым числом народов, извлекающих выгоду из сложившегося положения», — говорилось в докладе.

В принципе, выдвинутые гражданским обществом предложения по усилению представительства и участия в ООН можно было бы принять на сессии Генеральной Ассамблеи большинством голосов. Если же цель в том, чтобы принять их на основе консенсуса, то на это нет ни малейшего шанса, как еще раз продемонстрировал Саммит будущего.

*В принципе, выдвинутые
гражданским обществом
предложения можно было бы
принять на сессии Генеральной
Ассамблеи большинством
голосов*

Перевод с английского Ольги Серебряной

*Фредрик Эриксон,
шведский экономист,
писатель, директор-
основатель Европейского
центра международной
политической экономики
(ECIPE)*

Король Дональд и новые права

Бывают события, как будто воплощающие в себе мысль. Риши Сунак назвал парламентские выборы, которые прошли в Великобритании этим летом*, «Четвертым июля» — днем независимости Америки, когда тринадцать американских колоний откололись от Британии, своей метрополии. В этот день американцы отмечают годовщину 4 июля 1776 года, когда Второй континентальный конгресс одобрил Декларацию независимости. Лежащая в ее основе доктрина была революционной — и остается таковой и по сей день. Впервые в истории государство формируется на основе идеи о нерушимости прав индивида. Более того, перед государством ставится одна-единственная задача: защищать эти права.

В Великобритании, как и в других странах, где выработалась конституционная культура прав, государство по большей части ставилось выше прав — и хронологически, и по сути. Права были не основанием, а результатом приспособления к новым временам и новым идеям. Как говорил историк Льюис Нэмир, «никто их не планировал и не изобретал — они выросли сами собой, как живые существа». То, что права впоследствии все же утверждались, было лишь историческим совпадением: необходимой время от времени корректировкой, к которой в большинстве случаев принуждали специфические общественные и политические обстоятельства.

С 1776 года, когда была одобрена Декларация независимости, американский эксперимент состоял в том, чтобы ответить на вопрос, может ли страна жить за счет одной только философии. В каком-то смысле этот вопрос связан с одной из величайших в гуманитарных науках методологической битвой — между разумом и универсальностью философии с одной стороны и характерными для истории традицией и

* 4 июля 2024 года.

совпадениями с другой. И если Соединенные Штаты олицетворяли философский метод в политике, то главным представителем другой стороны, образцом исторического метода, являются британские тори.

Исторический метод необходим и для того, чтобы понять нынешние завихрения американской политики, особенно в правой части ее спектра. Левых, в конце концов, понять проще. Начиная с Вудро Вильсона, американские прогрессивисты — с некоторыми заметными исключениями — вели вялую войну против философского метода американской Декларации независимости. Их политический метод имеет черты позитивизма, но главное его основание — историцизм, лучше всего выраженный в их символе веры, необходимости «быть на правильной стороне истории».

*Права были не основанием,
а результатом приспособления
к новым временам и новым идеям*

У правых развитие было не таким линейным. Более того, именно правые сегодня подняли бунт против самих себя. Продолжая наше обобщение, можно сказать, что республиканцы давно стоят на страже конституционной философии. В 1926 году в речи по случаю 150-летия Декларации независимости Калвин Кулидж развил классическую идею конституции, сделав ее пригодной для большей части XX века. «Молчаливый Кэл» был бледным адвокатом с Восточного побережья, над которым потешались американские интеллектуалы (что не вполне справедливо по отношению к человеку, в качестве свадебного подарка презентовавшему своей жене перевод Дантова «Ада»), но который вдохнул новую жизнь в философский метод. Он связал конституцию с естественным правом, идеализмом и немалой долей духовности, противопоставив эту философию историцизму и европейской политике «крови и почвы». Гуманизм, присущий кулиджевской доктрине независимости, стал впоследствии политической противоположностью тоталитарных государств XX века. До 2016 года им руководствовались все кандидаты в президенты от республиканской партии. Пока в 2016-м не появился Дональд Дж. Трамп.

*Трамп не является
классическим республиканцем
или центристским политиком
традиционной выучки*

На протяжении десяти лет многие пытались понять, в чем суть Трампа как феномена. Теперь, когда человек, которого суд признал виновным в уголовном преступлении, с триумфом возвращается в Белый дом, этот вопрос приобрел еще большую настоятельность. Мы знаем, чем Трамп не является: его точно нельзя назвать классическим республиканцем или центристским политиком традиционной выучки. Однако ухватить этот феномен и понять его суть большинству аналитиков по-прежнему не удастся. Ответ, как мне кажется, должен состоять из двух частей. Первое — простейшее — объяснение феномена Трампа связано с его личностью. Здесь все очевидно,

и никаких попыток это скрыть он не предпринимал. Дональд Трамп — типичный нарцисс-фанфарон, который врет и обманывает где только может и который десятилетиями эксплуатировал американский культ знаменитостей и характерный для страны истеричный медиаклимат. Трамп-политик ничем не отличается от Трампа — владельца дорогой недвижимости, Трампа — игрока в гольф или Трампа — героя реалити-шоу. Во всех этих ипостасях Трамп — это Трамп, большой ребенок.

Второе объяснение сложнее, и оно в той же мере, в какой с самим Трампом, связано с возникновением движения MAGA (Make America Great Again, сделай Америку снова великой), или новых правых. Оно, конечно же, неразрывно связано с американской политической традицией хлеба и зрелищ — с популизмом и характерным для него презрением к правилам, законам и судам, призванным сдерживать порывы современных цезарей. Впрочем, ассоциация с цезаризмом — политической формой, которую Платон описывал как тиранию, — грешит слабостью. Новые правые никак не связаны с фашизмом и архетипическим на-

Ни Трамп, ни новые правые не имеют какой-либо идеологии

ционализмом. Скорее, они развивают системные проекты и являются типичными националистами, которые, как отмечал Джордж Оруэлл в «Заметках о национализме», стремятся «достичь все большей власти и большего престижа, но не для себя, а для нации». И хотя нарцисс Трамп обожает свой собственный престиж — и также власть, — движение MAGA характеризует скорее пассивный подход к системе и власти. Их культурный инстинкт, похоже, сводится к тому, что Вашингтон должен «оставить их в покое».

Есть ли система в этом безумии? Ответ, быть может, проще, чем мы думаем. Ни Трамп, ни новые правые не имеют какой-либо идеологии. Их представления о конкретных политических мерах — белый экран, на котором может отобразиться все что угодно, но ничто не закрепится надолго: от неолиберальной экономической политики а-ля Club for Growth до American Compass Орена Касса с его протекционизмом и большим социальным государством. Если брать вопросы безопасности, то в движении MAGA есть изоляционисты, но есть и жесткие реалисты, высоко ценящие военные альянсы. Федералисты, придерживающиеся оригинальной трактовки конституции, могут быть приверженцами MAGA в той же мере, в какой и сторонники южан-конфедератов. Новые правые собирают под своим крылом жестких противников абортотворцев и проповедующих полную сексуальную свободу свингеров. Летом 2024 года на съезде Республиканской партии в Милуоки продавали сразу и Библию, изданную кампанией Трампа, и фаллоимитаторы, произведенные ею же.

Новых правых объединяет режим, а не конкретные политические шаги в том или ином направлении. Они исходят из постлиберализма в широком смысле: пытаюсь отыскать какое-то новое по сравнению с нынешним сочетание политических форм правления, они надеются,

что новый режим принесет с собой некий новый тип политической социологии. Новые правые не то чтобы противники демократии и вовсе не обязательно сторонники авторитаризма. Их ключевые мыслители вроде Патрика Дэнина и Йорама Хазони (оба близки к вице-президенту Джей Ди Вэнсу) черпают вдохновение в античной философии и иудео-христианской традиции. И если подыскивать исторический образец режима, к которому они стремятся, то речь пойдет не столько об американской конституционной философии, сколько о британских тори в их классической форме.

Это монархическо-демократический режим, и, чтобы понять его составные части, следует обратиться к виконту Болингброку — тори, гуманисту, якобиту и ведущему английскому политику и литератору XVIII века. Его называют антимакиавеллианским Макиавелли, а эту характеристику следует признать полезной, потому что, как и флорентийский мыслитель, Болингброк имеет дело с классическим вопросом, веками не теряющим своей актуальности: как поменять разрушенный коррупцией режим? Вопрос этот часто ставится на основе исторического метода в политике и отсылает к такому положению дел, когда законы и формы правления нужно менять ради спасения государства. В своей книге «Идея короля-патриота» (1738) Болингброк ищет спасение в монархическом правлении, однако, в отличие от Макиавелли, находит основания для своих суждений в античной и средневековой философии. Он описывает моральный порядок, в основе которого лежит божественное право и публичная добродетель, а не ассоциирующиеся с Макиавелли жестокость и манипуляторство.

Болингброка не назовешь защитником рационального метода и логичной аргументации — как и нынешних новых правых. Что их объединяет, так это желание построить режим, в основе которого лежат патриотизм и монархия, а не национализм и абсолютизм (или тирания). Отправной точкой выступает коррупция, причем ни Болингброк, ни MAGA не связывают это понятие со взятками и подкупом прессы. Для них коррупция — результат политических манипуляций и правления финансовой элиты, своего рода олигархат, в рамках которого разные интересы контролируют партии и другие общественные институты — прессу и университеты, к примеру. Угроза нации и свободе возникает не из-за того, что в руках политического лидера сосредотачивается слишком много власти, а из-за того, что соперничающих между собой элит и олигархов слишком много. Ситуация настолько серьезная, что новый лидер обязан проложить новый курс и, если можно так выразиться, сделать Америку снова великой.

*Нынешних новых правых
объединяет желание построить
режим, в основе которого лежат
патриотизм и монархия,
а не национализм и абсолютизм*

Соответственно, для спасения страны необходима смена режима. Однако порядок восстановят не какие-то конкретные изменения в политике или управленческой повестке: единственное, что для этого потребуется, — это новый лидер, король-патриот, который подрежет крылья старым олигархам. Король-патриот, разумеется, должен обладать всеми классическими общественными добродетелями, например быть храбрым и хитроумным, а в лучшем случае — еще и личными добродетелями: скажем, горячей приверженностью правде и справедливости.

Новые правые – как мыслители, так и избиратели – видят в Трампе современную версию короля-патриота

Однако работа этого лидера состоит не в том, чтобы быть ангелом, а в том, чтобы сменить режим и передать потомкам традиции родной страны, особенно выработанные предками верования и старые понятия, восходящие к естественному праву.

Новые правые — как мыслители, так и избиратели — видят в Трампе современную версию короля-патриота. Король Дональд — это главным образом и в первую очередь вызов, брошенный всем тем, кого они считают олигархами нашего времени: мейнстримным медиа вроде CNN или New York Times, принципам экологического, социального и корпоративного управления (ESG), внедренным банкирами с Уолл-стрит, и пуританам-прогрессивистам из университетов Лиги плюща. Но, как и Болингброк, новые правые признают, что монархия не может оставаться ничем не связанной: король-патриот — это идеал, и королю Дональду до этого идеала далеко. Поскольку король вряд ли будет располагать всеми качествами, необходимыми для контроля над олигархами и введения естественного права, монархия, отме-

Философия, которую отцы-основатели вложили в конституцию США – американский эксперимент, – отвергала как монархию, так и саму идею воли народа

чает Болингброк, должна быть оснащена системой сдержек и противовесов, но не посредством конституций, а посредством народа. Как и нынешние MAGA-мыслители, Болингброк скептически относился к политическим партиям и считал, что при новом режиме воля народа должна была транслироваться непосредственно в парламент.

Болингброку возражали — как в Англии, так и в еще только нарождавшейся Америке. Томас Джефферсон и Бенджамин Франклин знали не понаслышке о проводимой Болингбромом политике тори (и о его влиянии на короля Георга III) и сделали все возможное, чтобы провозгласить прямо противоположные принципы в Декларации независимости. Философия, которую они и другие отцы-основатели вложили в конституцию США — американский эксперимент, — отвергала как монархию, так и саму идею воли народа. Монархия, указывали они, может вырождаться в тиранию цезаря. Что же до мудрости масс, то не

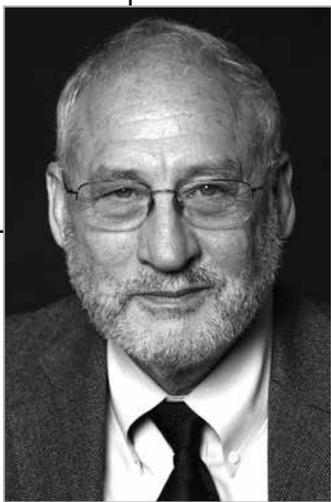
Менди Кано Виллалобос (Mandy Cano Villalobos). *Birthright*, 2022

она ли привела к смерти Сократа и крушению демократии в древних Афинах? Джеймс Мэдисон напрямую оспорил болингброковскую форму антиолигархического правления: он считал, что свобода сохраняется именно в плюрализме, то есть в борьбе разных фракций друг с другом. Эта философия наверняка переживет второй срок большого ребенка Трампа. Будем надеяться, что противостоять королю Дональду и новым правым она тоже сможет.

Перевод с английского Ольги Серебряной

Хотя Соединенные Штаты долгое время были мировым лидером в развитии фундаментальной науки и технологий, трудно представить, как именно это развитие может продолжаться при президенте Дональде Трампе и восходящей олигархии страны. Отказ Америки от ценностей Просвещения будет иметь ужасные последствия.

Тридцать пять лет назад с крахом европейского коммунизма мир пережил эпохальные перемены. Фрэнсис Фукуяма назвал этот момент «концом истории», полагая, что все общества в конечном итоге придут к либеральной демократии и рыночной экономике. Сегодня констатация ошибочности этого предсказания превратилась в клише. С возвращением Дональда Трампа и его движения MAGA, возможно, нам следует назвать нынешнюю эпоху «концом прогресса».

*Джозеф Ю. Стиглиц,
лауреат Нобелевской
премии по экономике*

*Конец прогресса?**

Большинство из нас воспринимают прогресс как должное. Но мы должны помнить, что уровень жизни 250 лет назад мало чем отличался от того, что было 2500 лет назад. Только в эпоху Просвещения и промышленной революции человечество достигло огромных успехов в сфере здоровья, продолжительности и условиях жизни, определивших современность.

Мыслители эпохи Просвещения утверждали, что научные эксперименты и достижения позволят людям понять природу и создать новые, преобразующие технологии, а социальные науки могут обеспечить более тесную координацию усилий по улучшению условий жизни для всех членов общества. Такие усилия требовали заменить абсолютизм верховенством права, обскурантизм — уважением к истине и повысить уровень знаний, навыков и опыта.

Среди наиболее тревожных черт революции MAGA — ее прямое неприятие этих ценностей.

Сможет ли прогресс продолжаться? Так же, как Советы сумели запустить спутник, мы видим, как Трамп и его последователи руководят компаниями, добившимися заметных технологических прорывов в

* Project Syndicate. 21 января 2025 г. <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-return-to-power-amounts-to-end-of-progress-by-joseph-e-stiglitz-2025-01>

освоении космоса и в области искусственного интеллекта. Но можем ли мы действительно ожидать, что новая олигархия Америки будет устойчиво генерировать и широко распространять свои достижения? Те, кто сейчас у власти, движимы исключительно стремлением к обогащению, и у них нет никаких морально-этических сомнений относительно накопления его посредством эксплуатации и извлечения ренты. Они уже продемонстрировали свою изобретательность в использовании рыночных механизмов власти, медиа и технологических платформ для продвижения своих частных интересов при помощи широкомасштабных манипуляций и дезинформации.

То, что отличает сегодняшнюю американскую коррупцию от прошлых вариаций, — это ее очевидный масштаб и наглость. Идея недавнего оформления подарка из 100-долларовых купюр уже не выглядит странной на фоне того, что происходит сейчас: американские олигархи открыто вносят сотни миллионов долларов в избирательную кампанию политика в обмен на услуги. Кредит в размере 465 миллионов долларов без каких-либо условий, который Tesla получила от администрации президента Барака Обамы 15 лет назад, может показаться жалким по сравнению с тем, что грядет.

*То, что отличает
сегодняшнюю американскую
коррупцию от прошлых
вариаций, — это
ее очевидный масштаб
и наглость*

Прогресс требует инвестиций в фундаментальную науку и образованную рабочую силу. Однако во время своего первого срока Трамп предложил такие масштабные сокращения финансирования исследований, что даже его коллеги-республиканцы воспротивились. Проявят ли они ту же готовность противостоять ему на этот раз?

В любом случае возможен ли прогресс, когда институты, ответственные за продвижение и передачу знаний, подвергаются постоянным нападкам? Судя по всему, движение MAGA явно стремится разрушить «элитные» исследовательские институты.

Ни одна страна не может по-настоящему процветать, если большая часть населения страдает от недостатка образования, здравоохранения и здоровой пищи. В Америке около 16% детей растут в бедности, их общая успеваемость по международным образовательным стандартам посредственная, ожидаемая продолжительность жизни самая низкая среди всех крупных развитых экономик. Единственное средство это изменить — больше эффективных государственных расходов. Тем не менее Трамп и его команда олигархов намерены максимально сократить бюджет, что сделает Соединенные Штаты еще более зависимыми от иностранной рабочей силы. Но иммигранты, даже высококвалифицированные, являются жупелом для последователей MAGA Трампа.

Так смогут ли США при Трампе по-прежнему оставаться лидером в продвижении фундаментальной науки и технологий? Я вижу три

возможных сценария. В первом случае США наконец-то смиряются со своими глубоко укоренившимися проблемами, отвергнут движение MAGA и подтвердят свою приверженность ценностям Просвещения. Во втором — США и Китай продолжат движение к олигархическому капитализму и авторитарному государственному капитализму соответственно, а остальной мир будет плестись следом. Наконец, третий вариант предполагает, что США и Китай будут держаться выбранного курса, а Европа подхватит знамя прогрессивного капитализма и социальной демократии.

К сожалению, второй сценарий наиболее вероятен, а значит, стоит задуматься, как долго нарастающие конфликты в Америке будут оставаться управляемыми. У Китая есть огромные преимущества в разра-

В дополнение к угрозам, создаваемым изменением климата и пандемиями, теперь стоит опасаться и нерегулируемого ИИ

ботке технологий и ИИ благодаря огромному рынку, обширному запасу инженеров, а также приверженности долгосрочному планированию и всеобъемлющему наблюдению. Более того, дипломатия Китая в отношении 60% стран за пределами Запада была гораздо успешнее, чем у Америки.

Но, конечно, ни Китай, ни трамповская Америка не привержены ценностям, которые двигали прогресс с конца XVIII века.

Трагично, что человечество уже борется с экзистенциальными проблемами. Достижения в области технологий дали нам средства для самоуничтожения, и лучший способ предотвратить его — международное право. В дополнение к угрозам, создаваемым изменением климата и пандемиями, теперь стоит опасаться и нерегулируемого ИИ.

Некоторые возразят, что хотя в прогрессе может возникнуть пауза, прошлые инвестиции в фундаментальную науку продолжат давать ценную отдачу. Кроме того, оптимисты могли бы добавить, что каждой диктатуре в конечном итоге приходит конец и история движется дальше. Столетие назад фашизм угрожал миру. Его поражение привело к волне демократизации с деколонизацией и движениями за гражданские права, противостоящими расовой, этнической и гендерной дискриминации.

Проблема в том, что время не на нашей стороне. Изменение климата не будет ждать, пока мы соберемся с силами. Будут ли американцы наслаждаться непрерывным прогрессом в форме всеобщего процветания, основанного на образовании, здравоохранении, безопасности, сообществе и чистой окружающей среде? Я сомневаюсь.

Будет ли конец прогресса в Америке иметь глобальные последствия? Почти наверняка.

Пока еще слишком рано говорить о том, какими будут возможные последствия второго президентства Трампа. История действительно движется вперед, но она может оставить прогресс позади.

История России как незаконченное движение от азиатской традиции к модерну

1. О методологии и терминологии

Цивилизационный подход и институты

В российском общественном сознании инерционно сохраняется сложившийся в советское время марксистский подход к развитию государств и обществ, основанный на концепции общественно-экономических формаций (способов производства): первобытно-общинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм (плюс государственно-монополистический капитализм как его высшая фаза), социализм как первая фаза коммунизма. Сущность этих формаций определяется «экономическим базисом» — состоянием и уровнем развития производительных сил и производственными отношениями. «Базис» в свою очередь предопределяет классовую и социальную структуру общества, классовую сущность государства и государственного устройства, состояние общественных идей, морали, нравственности и права, феномены классовой культуры в целом. Хотя марксизм не исключает взаимного влияния «базиса» и «надстройки», но общая установка на примат «материального» является определяющей. Картина общества выстраивается снизу вверх, от материальной основы к формам ментальности. Этим марксистский метод отличается от используемой в цивилизационно-институциональном подходе интегральной методологии, которая выделяет базовые общественные институты и рассматривает их с разных сторон — и материальных, и духовных — в их сложной взаимосвязи и динамике.

Современная историография вправе интегрировать и элементы нетрадиционной марксистской методологии (Нуреев с теорией «азиатского способа производства», опирающийся на подходы Карла Поляни с его стадиями отношений обмена в некапиталистических обществах: редистрибуцией и реципрокностью;

*Константин Мерзликин,
кандидат экономических
наук, руководитель аппарата
Правительства РФ
в 2003–2004 гг.*

Василий Илюшечкин с идеей единой докапиталистической формации, а также Юрий Кобищанов с концепцией «большой феодальной формации»). В развитие инструментария современной историографии вошли идеи немецкой исторической школы от Ф. Листа до Г. Шмоллера и В. Зомбарта, акцентирующих на описании фактического хозяйственного поведения с учетом неэкономических факторов; идеи цивилизационного подхода М. Вебера с «Протестантской этикой и духом капитализма» и С. Хантингтона с его семью цивилизациями в «Столкновении цивилизаций», ставящих в центр конфессиональность (религию) как наиболее значимый фактор; Тойнби, который выделял исторически 21 цивилизацию с дальнейшей редукцией до 13 с их жизненными циклами. Важным вкладом в современную историографию стали теории постиндустриального общества Белла и Тоффлера, уловивших новые тенденции в развитии институтов в контексте наступления цивилизации «третьей волны» и постиндустриального общества. Важным инструментом является теория новой институциональной экономической истории Дугласа Норта, который поставил в ее центр процесс институциональных изменений при переходе от «естественных государств» к государствам с «порядком открытого доступа». Бродель и Валлерстайн снабдили историографию мир-системным подходом, который акцентирует внимание на структуре экономики и обществ (цивилизаций), обусловленной системной мировой взаимосвязью центра — полупериферии — периферии.

История как движение от традиции к модерну

Логика человеческой истории характеризуется общим движением от традиционности к модерну. Можно выделить два типа традиционности.

Первая — европейская традиционность, идущая от Античности к европейскому феодальному Средневековью и через Возрождение к модерну. Европейская традиция внутри себя органически порождает институциональную основу модернизации.

Вторым типом традиционности является азиатская, которая характеризуется стационарностью. Ее движение к модерну начинается в результате внешних воздействий. Внутри самой азиатской

Внутри самой азиатской традиции практически не происходит формирования переходных институтов

традиции практически не происходит формирования переходных институтов, на основе которых могла бы развернуться всеохватывающая, полномасштабная модернизация. Азиатская традиция стремится к воспроизводству в неизменном виде.

Цивилизации азиатской традиции характеризуются синкретическим единством власти и собственности (Васильев Л. Всеобщая история. М.: КДУ, 2023. С. 557–588), административно-бюрократической

конструкцией общественного управления, основанной на жесткой структуре общества, религиозно обосновываемой (или религиозно-этически, как в случае с конфуцианством) сверхприродой высшей власти автократического типа.

Возможности азиатской администрации позволяют решать «публичные» задачи поддержания инфраструктуры жизнедеятельности — строительство храмовых комплексов, ирригационных сооружений, дорог (см.: *Виттфогель К.* Восточный деспотизм. Сравнительное исследование тотальной власти. М.: Центрполиграф, 2024), а так же военные и военно-промышленные задачи, связанные с экспансией или обороной.

В европейской традиции процесс дифференциации и развития общества происходит путем разрешения противоречий и поиска их «конструктивного» преодоления через институциональное «усложнение»,

*В европейской традиции
процесс дифференциации
и развития общества
происходит путем разрешения
противоречий и поиска их
«конструктивного» преодоления*

осуществляется становление правовых понятий и права как такового, развитие института частной собственности и, таким образом, гражданского общества как института, отделенного от государства. Европейское Средневековье создает целый ряд институтов, подготавливающих Европу к переходу

к модерну: автономная от власти феодалов католическая церковь, договорные отношения между феодалами (вассал-сюзерен), сословное представительство, города с их автономией и самоуправлением, развитие коммерческого оборота, автономные центры образования — университеты, корпоративность в основных сословиях.

В древности и в Средние века цивилизации азиатской традиции демонстрируют устойчивость и экономическую эффективность. Различные потрясения, связанные с нападениями кочевников, оставляют саму традицию непоколебимой. Понятие об их отставании возникает в Новое время начиная с XVI–XVII веков, когда после великих географических открытий и завоеваний азиатская традиция сталкивается с Европой лицом к лицу в процессе первичной глобализации, а модернизируемый мир Запада превращается в центр мир-системы (*Валлерстайн И.* Мир-системный анализ. Введение. М.: УРСС, 2020).

Россия — страна азиатской традиции,двигающаяся к модерну

В России азиатская традиция складывается к концу XV века, когда окончательно формируется Московское царство во главе с Иваном III, и достигает своего «расцвета» в поздний период правления царя Ивана IV Грозного.

2. Россия как страна азиатской традиции

Базовые элементы институционального каркаса российского азиатского традиционализма

Общие институциональные характеристики азиатской традиции и особенности ее российской разновидности, отталкиваясь от которой Россия начинает движение к модерну:

— сохраняющаяся неразвитая структура традиционного и патриархального общества, в которой целые сферы общественных отношений находятся в синкретическом единстве. Мораль и право спрессованы в традицию и обычай, сфера политического погружена в отеческую власть самодержца, экономические отношения сводятся к централизованному нерыночному распределению произведенного продукта (го-

Мораль и право спрессованы в традицию и обычай, неразделенность власти и собственности является базовой институциональной характеристикой

сударственной редистрибуции в понимании Карла Поланьи: Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2014);

— неразделенность власти и собственности как базовая институциональная характеристика; «патримониальность» — понятие Макса Вебера, развиваемое Ричардом Пайпсом: страна — вотчина правителя;

управление страной осуществляется как управление «частной» вотчиной, как его, самодержавного правителя, «частной собственностью»; Россия относится к странам «восточного деспотизма» (по Виттфогелю); Леонид Васильев говорит о ключевом институте власти-собственности, синкретической неразделенностью и единством которых определяется сущность «обществ восточного типа»;

— вертикаль власти, идущая от самодержца через служилых людей, то есть «холопствующее» дворянство, к крепостной крестьянской общине; боярство и шляхта по польско-литовскому образцу как потенциальный институт сходят на нет в процессе консолидации страны под властью московского князя (самодержца);

— управление государством опирается на централизованный административный военно-полицейский бюрократический государственный аппарат, требующий своего организационного оформления, для которого самодержавие идет на технократические заимствования (на Западе и на Востоке);

— торговля и промышленность — дело государево, предпринимательство отдельных лиц существует как нечто производное от государственной власти, точнее, государевой. При самодержавной системе государственное является именно государевым (государство невозможно отделить от правителя): весь государственный аппарат — «люди государевы», а самодержец — тотальный, целостный государь до полной

неразделенности правовых понятий власти, собственности, воли и интересов различных людей в качестве частных лиц. Самостоятельное классическое предпринимательство в значимом масштабе (с большим иностранным элементом) появляется только в середине XIX века, хотя роль государства остается определяющей благодаря процессам административного управления и регулированию доступа к любым ресурсам (включая финансовые); купеческое сословие хотя и было источником пополнения предпринимательства, но не являлось по существу переходным институтом по своему социально-экономическому опыту, роли в системе азиатской традиции (*Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. С. 252–290. Гл. 8: Буржуазия, которой не было);

— главное государственное дело — военное, милитаризм находится в центре государства и интересов самодержца; обращение к западному опыту и образцам, наряду с импортом технологий, оборудования и управленческих компетенций, мотивируется военными соображениями, интересами организации, управления и снабжения армии; начатое в середине XIX века строительство железных дорог преследует те же цели; первые железные дороги полностью построены за счет импорта оборудования, технологий, управленческой и инженерной экспертизы. В то же время именно потребности железнодорожного строительства создали спрос и условия для развития российской металлургии и машиностроения, которые также совершенствовались при значительном участии западного капитала и управленческих компетенций и задавали общий темп и масштаб индустриализации в конце XIX века;

— уравнительно-передельная община — с Петра I — основной институт, вписывающий значительную массу крестьянства, которое составляло подавляющую долю населения, в общую систему Российского государства. Община платит подати, поставляет рекрутов, работает на помещика под его контролем. При большевиках колхозы — это не форма кооперации частных товаропроизводителей, а воспроизводство института уравнительной общины, при помощи которой решается государственная задача перераспределения, мобилизации экономических ресурсов в пользу государственного проекта индустриализации, обусловленного непосредственно военными соображениями;

— цезаризм Русской церкви и наличие системы взглядов и представлений о незыблемости и мистичности российского самодержавия. Церковь — неотъемлемая часть власти государевой;

— идущая от восточнохристианского мировоззрения дуалистичность мышления и мировосприятия, государственный патернализм (отношения по типу «отец — дети» самодержца и населения); «расколота

*Главное государственное
дело — военное,
милитаризм находится
в центре государства
и интересов самодержца*

цивилизация», в которой противоречия носят деструктивный характер (Ахиезер, Яковенко, Пелипенко, Клямкин);

— «маргинальность личности», отсутствие мотивации, навыка и способности к организации снизу;

— «имперскость» сознания в форме «теократической империи» («ответ манихей на испорченность мира» — Пелипенко); избранничество, отношение к Иному как к миру хаоса, бесовскому, варварскому; всемирность проекта, которая предполагает перманентную экспансию.

Власть в «русской системе» неморальна, иррациональна, персонифицирована

По Пелипенко* власть в «русской системе» — категория мистико-космологическая, глубоко сакральная, она неморальна, иррациональна, персонифицирована, амбивалентна (Сергеев С. Русское самовластие. Власть и ее границы: 1462–1917. М., 2024).

3. Модернизация, которая начинается с Петра I

Реформы Петра I ярко отражают базовые институционально-культурные особенности азиатского традиционализма (хотя по воле Петра с европейским фасадом) и в значительной степени их усиливают. Парадокс реформ Петра I в том, что он «прорубил окно в Европу», используя и укрепляя азиатскую традиционность. Петр I — азиатский деспот в европейских одеяниях.

Вместе с тем форма начинает обратным образом влиять на содержание институтов. Европейское влияние и заимствования подталкивают процессы, постепенно размывающие азиатский институциональный каркас.

Эмансипация русского общества начинается с дворянства, проникающегося европейскими по своему содержанию идеями и нормами жизни. Уже в эпоху Елизаветы в полной мере ощущается спрос на гражданское высвобождение дворянства из «холопства».

Заметный шаг в этом направлении — Манифест Петра III от 18 февраля 1762 года о вольности дворянства, разрешивший переход поместий в частную собственность.

Петр I – азиатский деспот в европейских одеяниях

Екатерина II открывает эпоху Просвещения, осознанно желая продвижения европейских порядков и ценностей (по линии первопроходца модерна Монтескье с его трактатом «О духе законов» и понятием разделения властей) и закрепляет тенденции, развивавшиеся в XVIII веке. Хорошо чувствуя границы, императрица аккуратно продвигает реформы, одновременно завершая укрепление института крепостного права, основанного на общинном землепользовании.

* Пелипенко А. Русская система на весах истории // Философские науки. 2010. № 3. С. 7–22. <https://www.phisci.info/jour/article/view/2217/2101>

Стефано Торелли. Аллегория на победу Екатерины II над турками и татарами (фрагмент). 1772

Ее Жалованная грамота 1785 года утверждает гражданские права для дворянского сословия. Екатерининский дух Просвещения будит элементы независимого от государства (государя/государыни) мышления и деятельности в дворянской среде. Делаются первые шаги по становлению местного, городского самоуправления. Любительница Монтеスキё Екатерина II — по-европейски просвещенный азиатский деспот, что не могли не заметить ее друзья по переписке Дидро и Вольтер.

Екатерина II развивает институт частной собственности на землю помещиков, призывая последних гуманно обращаться с крепостными, при этом последние закрепощаются все сильнее, фактически превращаясь в рабов.

Ко времени Екатерины II относится появление первых ярких свободных интеллектуалов европейского типа — Новикова, Радищева (оба подверглись репрессиям со стороны Екатерины II); возникает коммуникационная среда, подготавливающая почву для развития уникальной русской литературы и различных общественных движений. Появляется русская журналистика и независимое книгоиздательство. Высший дворянский слой увлекается масонством, выходя из-под контроля царской власти. Развивается система образования, формируются первые элементы публичной системы санитарии и здравоохранения.

*Любительница Монтеスキё
Екатерина II – по-европейски
просвещенный азиатский
деспот*

Основная проблема, неизбежно оказавшаяся в центре дискуссий, обсуждений, эмоций думающего дворянства, — это вопрос о судьбах России. Образованная, европейски ориентированная элита, предпочитающая французский язык родной русской речи, не приемлет азиатчины и стремится к модерну, к которому движется Европа.

«Страшно далекие от народа» (перефразируя Ленина) — от патриархального народонаселения, встроенного в систему азиатского традиционализма, — дворяне-декабристы переживали вопрос идентичности очень остро. Их интеллектуальная и практическая работа по подготовке переворота 1825 года была скорее эмоциональным взрывом, не вполне

Образованная, европейски ориентированная элита стремится к модерну, к которому движется Европа

осознанной реакцией на внутреннее напряжение, связанное с проблематикой основного вопроса: кто мы? Европейцы с эмансипирующейся гражданской и политической личностью и обществом? Или азиатская деспотия?

Чаадаев попробовал заострить вопрос и был объявлен сумасшедшим.

Славянофилы ощущали дифференцированность общества модерна как порок; хотели преодолеть западный односторонний индивидуализм и рассудочную односторонность западного рационального мышления, западный «механический» способ консолидации общества. Они выступали за русскую целостность, глубину, органику, единство, считая, что за ними будущее человечества, и веря в великую историческую миссию русского народа.

Как известно, «декабристы разбудили Герцена» (Ленин), который прошел эволюцию от западника до убежденного сторонника русского социализма с общинным элементом в своей основе, дав вместе со славянофилами толчок народническому движению и эсэровским идеям «черного передела».

Славянофилы второго поколения осознают специфически русский путь как консервацию базовых элементов азиатского традиционализма, которые «скрепляют», удерживают страну. Они ощущают движение к модерну как процесс, разрушающий эту азиатскую традицию, а вместе с ней и Российское государство.

К концу XIX века эстафета западничества переходит в руки молодых марксистов, которые, оппонировав народникам и «патриотам» из второго поколения славянофилов, увидели перспективу в развитии капитализма на российской почве. Согласно марксистской теории, капитализм, томимый внутренними противоречиями между трудом и капиталом, будет заменен новой формацией, основанной на обобществлении средств производства и не только. Таким образом, ранние марксисты формально являются последовательными западниками, утверждающими, что Россия будет двигаться и уже движется по универсальной европейской траектории, предсказанной и «научно обоснованной» Марксом и Энгельсом.

На практике вектор реформ, ведущих к направленным институциональным изменениям в империи, их целеполагание и характер реализации полностью зависели от личности и выбираемой команды сподвижников самодержца, который, являясь «главным европейцем» в азиатской стране, мог использовать свои возможности азиатского правителя и двинуть страну на путь модернизации.

В период реформистских начинаний Александра I возникает понимание содержательных контуров модернизационных реформ и их возможной последовательности. В центре повестки реформ — вопрос отмены крепостного права и введения конституционных ограничений монархии, разделения властей и правления на основе права.

Просвещенный консерватор Карамзин в 1811 году снабдил Александра I своей «Запиской о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», призывая не трогать «скрепы».

Война и победа над Наполеоном отвлекли Александра I от реформаторских идей, хотя он успел выпустить Указ о вольных хлебопашцах и дать конституцию Польше. О времени увлечения Александра I реформами Пушкин написал в «Послании цензору»: «Дней Александровых прекрасное начало...» Самодержец активно сотрудничал со сторонником модернизационных реформ Сперанским, однако реформы, касающиеся военных поселений и двойного религиозно-образовательного министерства, не привели к модернизации.

Если оба царя-реформатора, Александр I и Александра II, мыслили, что освобождение крестьян должно предшествовать политическим реформам, то Сперанский и «передовое общество» исходили из первичности реформ. Восстание декабристов и убийство царя-реформатора Александра II обозначили явный раскол между самодержавием и интеллигенцией, «прогрессивной общественностью» — последняя принципиально была не готова участвовать в реформах, инициированных самодержавной властью, несмотря на схожесть целей (отмена крепостного права и ограничение самодержавной власти). Она ставит целью насильственный слом самодержавия, несмотря на его либеральные убеждения и намерения, невзирая на отсутствие значимого социального субъекта, носителя запроса на модернизацию в обществе.

Характерно, что никто из дворян, сторонников отмены крепостного права, не отпускал своих крепостных на волю.

*Ранние марксисты
формально являются
последовательными
западниками*

4. Великие реформы Александра II — заявка на выход из системы азиатской традиции

Александр II использует свой статус самодержца для принятия целостной программы трансформации институционального каркаса азиатской традиции в направлении модерна. Иной логики реформ и не могло быть, поскольку в обществе азиатской традиции нет никаких предпосылок для «нормального» политического процесса. При этом революционность и радикализм отдельных маргинальных организованных групп не несут в себе модернизационного заряда и не являются источником институциональных изменений. Смута — «бунт, бессмысленный и беспощадный» — вместо институциональных изменений ведет к неизбежному восстановлению азиатской традиции.

Смута – «бунт, бессмысленный и беспощадный» – ведет к неизбежному восстановлению азиатской традиции.

Субъектом реформ был царь как самодержец и его ближайшее окружение. В государстве и обществе не было иных «субъектов». Ни дворянство, ни крестьянство не осознавали реформы как «свои» и не были готовы за них бороться. Получить некоторую поддержку реформы могли разве что в сформировавшейся к этому времени очень узкой прослойке свободной, мыслящей дворянской среды, ориентированной на модернизацию. Опереться император мог прежде всего на группу единомышленников внутри государственного аппарата, на свое ближайшее окружение.

Стимулом к проведению реформ для Александра II стало поражение России в Крымской войне.

Основные направления Великих реформ:

— отмена крепостного права: создание правовых условий для превращения основной массы населения (крепостного крестьянства) в правоспособных граждан, движение к уравниванию гражданских прав, к размыванию сословности;

— военная реформа — переход от рекрутчины к всеобщей несловной воинской повинности. Превращение общинников-рабов в граждан полностью противоречило рекрутчине;

— земство и городское самоуправление — общественное управление на местах, эмансипированное от государевой вертикали;

— суды;

— образование (университеты, земская и городская школа);

— земское и городское здравоохранение;

— государственные финансы и денежная система.

Великие реформы Александра II носят масштабный характер и претендуют на то, чтобы **произвести критическую массу модернизационных институциональных изменений.**

В них используются переходные институты, призванные добиться некоторой преемственности и смягчить резкость перехода и его

Крестьянская семья на фоне деревенского дома. 1897–1899

возможные последствия. С другой стороны, переходность несет с собой риски того, что институциональное изменение произойдет в недостаточной мере как с количественной, так и с качественной точки зрения с риском вырождения.

Сохранение уравнильно-передельной общины и привязки крестьян к земле через этот институт, а так же различных крепостных повинностей за крестьянами на затянувшийся переходный период до выкупа земли у помещиков («временнообязанные») создавали неопределенность и неустойчивость в институциональном транзите.

Кроме того, община в таком виде не позволяла крестьянам массово выходить на свободный рынок наемного труда или в сферу частной предпринимательской сельскохозяйственной (и не только) деятельности. Казалось, что мягкость, переходность и постепенность конструкции реформы позволили избежать реакции отторжения со стороны дворянства и крестьянства. Но, с другой стороны, такая реформа формировала проблему долгосрочной неустойчивости, нестабильность в институциональной динамике.

Важнейшим институциональным элементом реформы стало формирование земского и городского самоуправления, которое немедленно начало развиваться как новый, эмансипированный от самодержавия публичный политический институт.

Осталась нереализованной задуманная Александром II идея Конституции, важнейшего государственно-правового элемента перехода к модерну, который мог бы создать в перспективе условия для трансформации института традиционного российского самодержавия в конституционную монархию европейского типа (разумеется, в рамках всей системы институциональных реформ).

Непосредственным следствием этих реформ является промышленный переворот (индустриализация) в России конца XIX — начала XX века. Государство играет значительную роль в этом процессе как с точки зрения формирования и проведения стабильной бюджетной и денежно-кредитной политики, так и с точки зрения прямого администрирования. Однако частное предпринимательство, в том числе ино-

В России 2-й половины XIX века начинают прорастать институты модерна: общественное мнение, независимая печать, общественные движения

странные капиталы, постепенно обретает самостоятельность.

В России 2-й половины XIX века начинают прорастать институты модерна: общественное мнение, независимая печать, общественные движения как форма организации элитных групп, в центре которых находится земское и городское само-

управление, наблюдается рост правовой культуры. Б. Миронов в своей книге «Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.)...» (СПб.: Дмитрий Буланин, 1999) иллюстрирует нарастающий темп модернизации в России XIX века.

Александр III пытается зацепиться за самодержавие как базовый, «скрепляющий» державу институт и «подморозить» ситуацию, «смягчая» условия Великих реформ, что неизбежно усиливает эффекты неустойчивости в институциональном каркасе.

5. Обратный срыв в азиатчину

Столыпинские реформы были призваны логически «докрутить» институциональные «недосказанности» Великих реформ. Прежде всего в том, что касается окончательного разрушения института уравнилельно-передельной общины. Продвигая идеи доведения модернизационных усилий до критического охвата и глубины, Столыпин наталкивается на мощное сопротивление азиатской традиции как в лице самодержца Николая II, который хорошо и остро чувствует потерю «традиционной почвы» под ногами, так и в лице подавляющей массы сформировавшихся внутри и вокруг Государственной думы общественно-политических движений.

Характерно, что в общественных движениях XIX — начала XX века мы видим активное сопротивление идее уничтожения, разрушения общины как одного из институциональных столпов азиатской традиции.

Николай II совершает заметный шаг в сторону конституционной монархии. Вокруг Государственной думы формируется настоящая политическая среда вне традиционной конструкции самодержавия. Но император не готов идти до конца. Он уверен, что реформа самодержавия — рискованный шаг, который неизбежно приведет к развалу империи, самодержавия и всей «скрепной конструкции» государства Российского, стоящего на каркасе азиатской традиции. Он искренне цепляется за нее. Николай II не «возглавил» модернизацию, не стал опираться и поддерживать Столыпина, который в этой ситуации был политически обречен.

Первая мировая война становится критическим испытанием для режима и всей переходной институциональной конструкции.

Военная ситуация заставляет усилить мобилизационную составляющую проводимой политики, которая опирается на старые азиатские механизмы. Но Николай II и его администрация уже не способны действовать в самодержавном духе. Самодержавие как институт подорвано. Но общества зрелого модерна, действующего через новые устойчивые институты, так и не появилось. Каркас модерна еще не сформировался в такой степени, чтобы обеспечить мобилизацию, единство общества и государства. Это становится явным после падения династии. Новые органы власти (Временное правительство) находятся в институциональном вакууме.

Напряжение в институциональном каркасе вызвало острую кризисную ситуацию, которая развивалась (речь фактически можно вести о Великой смуте) с падения династии в феврале 1917 года до стабилизации после захвата власти большевиками начала НЭПа.

Кажется, что переход к НЭПу создает некоторые условия для возобновления прерванной войной и смутой модернизации, но азиатчина берет свое. Итог Великой смуты — воспроизводство азиатской традиции.

6. Большевики восстанавливают азиатскую традицию в идеологической оболочке сверхмодерна:

— неразделенность власти и собственности как базовая институциональная характеристика: власть большевиков поглощает собственность, превращая ее в тотально государственную; рынок замещается централизованной дистрибуцией или «плановым хозяйством»;

— вертикаль власти — весь управленческий класс, государственный аппарат, советско-партийная бюрократия (по аналогии — «холопы» советского самодержавия) — организованная администрация восточного типа;

— функцию самодержца выполняет высшее руководство «партии и правительства», Сталин — яркий самодержец, управляющий страной

Николай II не «возглавил» модернизацию, не стал поддерживать Столыпина, который в этой ситуации был политически обречен

Агитационный плакат времен Февральской революции в России. 1917

как собственной вотчиной; азиатская природа его власти позволяет реализовывать масштабные проекты, мобилизовывать ресурсы (для строительства своих «египетских пирамид»);

— крестьянство и рабочий класс превращаются в «крепостную массу»; крестьяне закрепляются за колхозами и совхозами — новой формой уравнительной общины; рабочий класс и служащие — за государственными предприятиями (по схеме казенных заводов времен Петра I); через выстроенную систему колхозов и совхозов советское

самодержавие, подобно Петру I, организует систему перераспределения ресурсов из сельского хозяйства в промышленность, на развитие армии и флота;

— специфическим элементом становится использование бесплатного труда заключенных при решении хозяйственных задач в общегосударственном масштабе;

— главным государственным делом остается дело военное, милитаризм по-прежнему находится в политическом центре государственного интереса, интересов власти «самодержца»; государственный полицейский контроль — машина преследований и наказаний — приобретает тотальный размах;

— важной остается роль иностранных технологий, капитала, технологического и управленческого опыта в становлении советской промышленности; сталинская индустриализация 1930-х годов в решающем масштабе опирается на иностранные технологии, приглашенных инженеров, закупки оборудования. Организация строительства предприятий, их функционирование заимствуются на Западе (многие из них доставляются и монтируются как полные сборные комплекты). В сельском хозяйстве начинается активное применение современных технологий с привлечением сначала импортной, а затем, после строительства тракторных и комбайновых заводов, машинно-тракторной техники отечественного производства. «Египетские пирамиды» новой власти (Днепрогэс, металлургические заводы и т.д.) строились при помощи современной техники, с использованием квалифицированных инженеров;

— большевистская идеология (марксизм — ленинизм — сталинизм с его многотомным «священным писанием», трактуемым целым профессиональным классом идеологов-«священников») являлась не только «наукой», но и религией со своей догматикой, включавшей положение о том, что СССР — самая передовая страна в мире, которая строит коммунистическое общество, прокладывая путь всему человечеству, со своим «священством», атрибутикой, символикой, со своими «святыми» и обрядами.

7. Размывание институционального каркаса азиатской традиционности в советское время и кризис системы

Поддерживающие азиатскую традиционность идеи сверхмодерна себя фактически исчерпали: становится ясно, что коммунизм — это миф, разновидность языческого верования; общество устало от непрерывной мобилизации и лишений, физических и моральных испытаний

*Власть большевиков
поглощает собственность,
превращая ее в тотально
государственную*

*Главным государственным
делом остается дело военное,
милитаризм — машина
преследований и наказаний —
приобретает тотальный
размах*

(голод, потери в результате репрессий, огромные военные потери), аппарат также заинтересован в более спокойном существовании, без непрерывных «чисток» и преследований.

Наиболее восприимчива к идеям модернизации интеллигенция — творческая, научная, инженерно-техническая. Азиатская деспотия в ее агрессивной сталинской форме, непрерывно генерирующая поводы для проявления «героизма» и напряженную борьбу с врагами, переходит в состояние, напоминающее более спокойную самодержавную эпоху.

Коммунизм – это миф, разновидность языческого верования; общество устало от непрерывной мобилизации и лишений, физических и моральных испытаний

Партийно-государственная верхушка, подталкиваемая общественными настроениями, начинает поиск путей расслабления в системе институциональных решений, которые потенциально могли бы снова вывести страну на траекторию модернизации.

Однако поиск этот не выходит за рамки идей, которые по своему содержанию далеки от критически необходимых шагов, позволяющих вернуться на путь модернизации.

Ближайший пример — косыгинская реформа управления государственными предприятиями.

8. Развал СССР как предотвращение смуты

Ельцин как руководитель РСФСР, руководители БССР и УССР понимали, что шансы на удержание стабильности и недопущение смуты с большей вероятностью возможны при разделении пространства СССР на новые государственные образования.

Формирование на базе республик СССР самостоятельных государств давало шансы и рождало надежды на национальное возрождение в рамках новых государств, заменяя страх и бессилие институционального развала СССР. Именно такая замена во многом помогла избежать смуты масштаба начала XX века. Логика этой политической траектории заставила лидеров республик «покинуть Горбачева» со всеми его идеями «об-

новленного Союза». С этой точки зрения беловежскую тройку трудно обвинить в развале СССР.

Наоборот, можно утверждать, что вся беловежская тройка в известном смысле спасла страну (страны, советское про-

Беловежская тройка в известном смысле спасла страну (страны, советское пространство) от смуты

странство) от смуты. СССР был обречен как система, для модернизации которой не было ни инструментов, ни возможностей в силу краха институтов. Нужна была другая стратегия, опирающаяся на некоторый запас стабильности, политической силы и энергии с новой национально-исторической идеей в своей основе.

К тому же Россия не утратила ощущения собственной масштабности: не просто «правопреемства» по отношению к СССР, а глубокого ощущения, что мы и есть историческая Россия, идущая от Рюрика. Россия в широких массах психологически воспринимается в историческом ряду и как СССР, и как империя, и как Московское царство, и как Киевская Русь.

9. Две идеи будущей России

На этом фоне сформировались две основные концепции: модернизации (которая не была системно осознана и оформлена в качестве программы реформ) и азиатского традиционализма, которая в свою очередь распадалась на 1) идею коммунистического реванша, восстановления СССР с его тотальной государственной собственностью, администрированием и т.д.; 2) идею самодержавно-православной России в неопределенной конструкции. В 1990-е годы эти идеи озвучивались КПРФ и представителями так называемых патриотических сил. Характерно, что довольно скоро возник их союз. Называть такой блок «красно-коричневым» совершенно некорректно. Это единый **«почвеннический» блок за азиатскую традицию против модернизации, которая разрушает «русскую идентичность»**.

Идеи блока ощущались как свои многими миллионами жителей России. Ельцину политически трудно было это не учитывать. На вопрос, была ли у него возможность жестко ограничить политическое влияние «патриотов-почвенников» для «силового» запуска системной модернизации, ответить трудно. Для этого у него не было ни властно-административного, ни политического ресурса.

Очевидно, что такой «силовой» запуск должен был осуществить непопулярные идеи люстрации, выноса тела Ленина из Мавзолея (один из ярких и глубоких примеров азиатчины и язычества), одновременно со сбором доходов в государственную казну и предельно быстрым и жестким выходом из последствий «шоковой терапии».

«Сильное государство» могло бы себе позволить нормальную и системную приватизацию за большие деньги с серьезным участием промышленных и финансовых кругов Запада.

Реформы не приносят нужного результата — государственные финансы в развале, масштабный рост цен приводит к тотальному обнищанию, государственное имущество роздано почти бесплатно в руки не слишком эффективных собственников, которые вместо инвестиций наживаются на текущих финансовых потоках. Страна терпит унижение в Чечне, Ельцин растрчивает аванс доверия, дававший ему шанс на «силовой» (опираясь на силу государственных институтов) и системный запуск модернизации. Теряя популярность, он сам становится тормозом модернизации, сосредоточившись на проблеме сохранения собственной власти, в частности, пойдя на политический союз со

сформировавшимися к данному моменту центрами силы в виде «олигархов», накопивших активы, деньги, взявших под контроль информационную инфраструктуру, обеспечивающую влияние на общественное мнение, во имя «недопущения коммунистического реванша». Залоговые аукционы стали венцом такого правления, передав крупные лучшие куски государственной собственности наиболее близким «олигархам» практически бесплатно.

10. Были ли шансы на успех модернизации в СССР и постсоветской России?

Основные проблемы модернизации СССР в горбачевскую эпоху:

— первоначально Горбачев формулирует идеи модернизации в сугубо узком технико-организационном смысле — ускорение НТП. Накопление дисбалансов, вызванных «затратностью» и неэффективностью экономики, грузом непосильных военных расходов (включая войну в Афганистане), субсидированием мировой системы социализма и помощью странам третьего мира на фоне падения цен на нефть, привело к обострению проблем, что заставляет руководство страны двигаться за пределы узкотехнологических идей «ускорения» (финансово-экономические механизмы краха советской системы подробно описаны в работах Гайдара, например, в «Гибели империи»);

Августовский путч 1991 года сломал ситуацию, выступив триггером развала, подорвав возможность формирования доверия союзной власти в республиканских элитах и в массе населения

— новое мышление, перестройка, гласность (включая открытость на телевидении, издание ранее запрещенной литературы) — попытка «открыть» систему; прекращение Афганской войны, вынужденное сдерживание военных расходов, «делка» по Германии — с одной стороны, вынужденные шаги, а с другой стороны — предпосылка запуска модернизации как таковой;

— «политические реформы» оказались противоречивыми: Съезд народных депутатов, Верховный Совет СССР, различные настроения и подходы в республиках («советский федерализм» под руководством КПСС) — нет ясного движения в направлении парламентаризма и к классическому разделению властей; идеи нового Союзного договора запоздали и совпали с обострением социально-экономических проблем; августовский путч 1991 года сломал ситуацию, выступив триггером развала, подорвав возможность формирования доверия союзной власти в республиканских элитах и в массе населения; рухнула КПСС, которая могла (как в Китае КПК) стать основным институтом, обеспечивающим запуск модернизационных реформ;

— отсутствие ясного, последовательного и достаточно кардинального движения в экономических реформах привело к постепенному росту

социальной напряженности. Вектор не был ясно обозначен, что порождало ощущение неопределенности и нарастание понимания политического бессилия Горбачева и его сподвижников. Они, как и основная масса интеллигенции, оставались в плену иллюзий идей «социализма с человеческим лицом», возврата к «ленинским принципам», извращенным Сталиным.

Можно было действовать решительно и твердо: частная собственность на землю с выделением колхозных паев в натуральной форме; свободные цены, приватизация, частная собственность и конкуренция в потребительском секторе (торговля, общественное питание, бытовые услуги) по схеме НЭПа. Необходима была стабилизация денежно-кредитной системы и государственных финансов любой ценой. Нужно было направить сбережения граждан на приватизацию государственных активов, убрав их с потребительского рынка. Главная задача — активизировать и перевести энергию населения в созидательное русло, создав условия для самостоятельной экономической активности (путь развития «самоуправления» на государственных предприятиях, обозначенный в Законе о государственном предприятии 1987 года, оказался ложным). Сделать это можно и нужно было осознанно хотя бы в 1987 году, организовано, с использованием инструментов поддержки — специализированных госбанков и государственных программ, опираясь на действующий госаппарат и его дисциплинированность, сосредоточив его энергию на созидании нового.

Дефицит «субъектности» в горбачевской модернизации очевиден. «Субъектом» был сам Горбачев и узкий круг его сторонников в ЦК и Политбюро, у которого не хватило, да и не могло хватить, понимания масштабности задач модернизации и необходимости сохранения «самодержавной» мощности власти для ее запуска в системном виде.

Модернизация в постсоветской России. СССР рухнул. Республики начали строить свою жизнь как самостоятельные государства. В отличие от других республик СССР, РФ воспринималась как полноправный и естественный исторический преемник России от Киевской Руси до империи и только что развалившегося СССР, как преемник, отказавшийся от коммунистической идеологии и советского прошлого, как «новая демократическая Россия».

Руководство новой России прямо обозначило в качестве цели строительство демократического государства с рыночной экономикой, которая вырвет Россию из рук неэффективной административной системы, управляемой коммунистами-бюрократами.

Основные проблемы реформ, которые были призваны модернизировать страну:

- отсутствие системности и ясных приоритетов;
- отсутствие в широких массах осознанного понимания сути модернизационных изменений;

— население в массе не чувствовало положительных результатов реформ, негативный тренд в экономике затянулся, продолжаясь с 1991 по 1998 год (как продолжение кризиса, в котором сгорел СССР, то есть фактически 10 лет);

— не сложилось мощного организованного политического ядра, коллективно и осознанно продвигающего идеи и задачи модернизации;

— отсутствие понимания и практических усилий по изменению неформальных институтов для успеха модернизации, по продвижению соответствующих ценностей и установок. В первую очередь речь идет об образовании и с точки зрения его содержания, и с точки зрения конструкции самого этого института.

Профессиональные союзы и церкви должны были быть освобождены от государственной опеки.

Не нужно забывать и о местном самоуправлении как форме самоорганизации граждан. Важность этого направления реформ отмечал Солженицын, продвигая идеи земства.

Представляется, что шансы на успешный запуск модернизации в постсоветский период были не слишком высоки. На уровне власти, политических групп, в среде интеллигенции, в массе населения в начале 1990-х годов не существовало представлений о масштабности и конкретном содержании задач по преодолению азиатской традиции и построению институционального каркаса модернизированного общества и государства. Общество и государство не смогли ясно сформулировать основные задачи реформ, их направление, содержание, последователь-

ность, меры по формированию их общественного понимания и поддержки.

В начале 1990-х экономические реформы сконцентрировались вокруг преобразований в сфере приватизации жилья и государственных предприятий («малая приватизация», ваучеры, три типа приватизации с приватизационными чеками),

запуска рынка через высвобождение цен и отмену монополии внешней торговли, принятия законодательства, регулирующего гражданский оборот (Гражданский кодекс), создания предприятий частной формы собственности (ТОО, АО и т.д.). Запущен валютный рынок, рынок государственного долга, заработал частный банковский сектор.

Одновременно государственная власть запустила масштабную денежную эмиссию, и галопирующая инфляция обнулила сбережения граждан и ввергла основную массу населения в глубокую бедность. Развал государственных финансов заставил быстрыми темпами наращивать государственный долг, налоги практически не собирались, доминировала практика «денежных зачетов» и прочих форм исполнения налоговых обязательств при помощи «суррогатных» инструментов.

Отсутствие понимания и практических усилий по изменению неформальных институтов для успеха модернизации. Речь идет об образовании

Неплатежи в экономике приобрели всеохватывающий масштаб. Практиковались задержки в выплате пенсий и заработной платы.

Власти оказались неспособны эффективно решать эти коренные государственные проблемы в течение всего периода новой России с 1991 по 1998 год. Венцом стал кризис 1998 года, зафиксировавший «дно» разрухи в государственных финансах и экономике в целом.

Только на волне победы Ельцина на выборах 1996 года к 1997–1998 годам по инициативе «младореформаторов» появляются наброски программы социально-экономических реформ. Кризис 1998 года отложил их реализацию до лучших времен.

11. Модернизационные шансы первого путинского срока и воспроизводство азиатской традиции

Обстоятельства, сложившиеся во время прихода к власти Путина и начала его правления, создавали уникальные условия для проведения системной модернизации. А именно:

- усиление государства по линии подавления сепаратизма, возрождение доверия к силовым структурам, отделение от государственной власти «олигархов»;

- формирование к концу 1990-х годов основных элементов рыночной инфраструктуры;

- кризис 1998 года дает возможность экономике «оттолкнуться от дна»;

- валютно-долговой кризис запускает процесс оздоровления государственных финансов на фоне укрепления государственных институтов (прежде всего налогового администрирования и государственного бюджетирования);

- выборы 1999 года формируют Государственную думу, способную выполнять функции парламента как института; Дума 1999–2003 годов выглядит и работает как настоящий парламент;

- на фоне начавшегося экономического роста и роста доходов населения

появляется оптимизм и растут надежды; возникает «уверенность в завтрашнем дне», люди строят долгосрочные планы;

- крепнет доверие Запада, которое выражается в притоке капиталов и технологий, происходит политическое сближение с Западом, особенно после 11 сентября 2001 года.

Сложилось так, что, в отличие от экономических, «политические» реформы, находящиеся в ведении президента (и, соответственно, его администрации), не были продемонстрированы публике в виде единого плана действий, конкретного замысла. Таковыми стали реформы по формированию состава Совета Федерации (губернаторы перестали

В отличие от экономических, «политические» реформы, находящиеся в ведении президента, не были продемонстрированы в виде единого плана действий

представлять свои регионы в верхней палате парламента, и вскоре наступил временной отрезок, когда была отменена и их выборность), созданию федеральных округов, реформы местного самоуправления и распределения полномочий между федеральным центром и субъектами РФ. Реальные цели и содержание этих реформ, которые административно проталкивались через правительство и парламент, состояли в «укреплении вертикали власти», то есть в концентрации власти в руках президента.

Целью судебной реформы было объявлено достижение независимости судов от исполнительной власти. Но эта цель так и не была достигнута.

Для прокуратуры (понимаемой в духе «государева ока») и следственных органов, органов ФСИН сигнал сверху стал руководством к действию.

Таким образом, усиление государственных и правовых институтов подменяется восстановлением азиатской традиции самодержавной власти, которая вытесняет и поглощает собой публичную политику, обеспечивает полный контроль «командных высот» в экономике. «Наведение порядка» стало пониматься не в правовом смысле, а как концентрация де-юре и де-факто всей полноты власти (исполнительной, законодательной, судебной, информационной) в руках президента-самодержца, превращение государственной бюрократии в «людей государевых», а частных владельцев крупной собственности — в доверительных управляющих государевым хозяйством.

Парламент перестал быть «местом для дискуссий». Участие в политической жизни, допуск к выборам стали прямо подвергаться административному регулированию. Система избирательных комиссий де-факто превратилась в подразделение президентской администрации. Информационные потоки и пространство были взяты под административный контроль.

Фактически вся система власти сверху донизу организована как самодержавная президентская администрация, наполненная «людьми государевыми», бюрократами-профессионалами, технократами с принципами полной лояльности самодержавию и самодержцу.

Медленно, постепенно и с большими трудностями накапливавшийся модернизационный институциональный задел деградировал и обрушился; азиатская традиция его поглотила при одобрении большинства, ориентирующегося на соответствующие ценности.

Почему у Горбачева не получилось? Опыт перестройки и современность

*Алексей Гусев,
историк, докторант
Университета Мюнстера,
муниципальный депутат
в Москве в 2012–2022 гг.*

В 2023 году исследовательская группа Russian Field провела свой традиционный опрос о том, кого жители России считают худшими правителями в ее истории. В этом опросе, где можно было дать несколько ответов, с большим отрывом «победили» Борис Ельцин (63%) и Михаил Горбачев (64%)¹. В этих результатах нет ничего удивительного — в глазах значительной части российского общества эти два политических противника ассоциируются со сложными 1990-ми и распадом Советского Союза. Перестройка и 1990-е годы остаются в России болезненной темой и для демократического лагеря.

Российская демократия оказалась не долгосрочным завоеванием. Первые с 1917 года конкурентные выборы в СССР прошли в 1989 году, а за ними и выборы в российский Верховный Совет в 1990-м. Через 20 лет, в 2009 году видные исследователи нашего прошлого Василий Жарков и Андрей Колесников назовут их «самыми демократичными и чистыми за последние два десятилетия»². Вряд ли следующие 15 лет могли дать им более воодушевляющий пример.

В массовом сознании ответы на вопрос «Кто виноват?» уже давно даны, причем зачастую без возможности апелляций и возражений. И даны они как теми 64%, что не любят Горбачева, так и остальными 36%. Но попытки упростить объяснение сложных процессов подвешивают эти ответы в воздухе. И это мешает даже приступить к вопросу, что же делать.

Почему же пиком российской демократии оказался конец перестройки? И почему дальше история пошла по нисходящей?

Сюжет первый. Эйфория

4 февраля 1990 года. Тем непривычно теплым днем на Манежную площадь Москвы вышли 300 тысяч человек требовать отмены 6-й статьи Конституции о руководящей роли КПСС. Это был самый большой митинг в современной истории страны. Тот потенциал сложно недооценить — крупнейший протест России требовал гражданских политических прав. Это был не голодный бунт, не мятеж отчаявшихся людей в сложное время — те люди вышли за многопартийность.

*Это был не голодный бунт,
не мятеж отчаявшихся
людей в сложное время —
те люди вышли
за многопартийность*

На том митинге выступили около 30 ораторов. Главным из них был, конечно, Борис Ельцин (член КПСС с 1961 года). Там были и лидеры «Демократической России»: историк Юрий Афанасьев (член КПСС с 1954 года), знаменитый следователь Тельман Гдлян (член КПСС с 1962 года), молодой политик Владимир Лысенко (член КПСС с 1989 года). Беспартийные выступающие там тоже были: старший научный сотрудник Института экономики АН СССР Галина Старовойтова, поэт Евгений

Евтушенко и совсем юный анархо-синдикалист Андрей Исаев. А единственным доперестроечным диссидентом на митинге оказался священник Глеб Якунин, проведший 7 лет в ссылках и колониях. Судьбы этих людей сложатся по-разному: Якунин будет впоследствии лишен сана священнослужителя и попытается создать свою церковь, а анархист Андрей Исаев много лет спустя станет одним из лидеров «Единой России».

Протестующие лучше всего принимали Ельцина, бросившего вызов партийной номенклатуре и консервативному крылу компартии. Люди скандировали: «Ельцин — президент!»³, имея в виду планы властей ввести должность президента СССР. Над площадью развевались несоветские флаги республик: литовский триколор, украинский желто-синий, флаг независимой Армении и флаг той, дореволюционной Российской империи.

Парадокс, но борьба за отмену 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС была возглавлена самими членами КПСС. Вероятно, к этому движению присоединился бы и академик Андрей Сахаров, однако он умер за 52 дня до митинга. И борьба эта оказалась вполне успешной. 6-я статья Конституции будет отменена через месяц, а избранные депутаты Верховного Совета РСФСР изберут Бориса Ельцина своим председателем, фактическим главой республики. Через три месяца этот Совет провозгласит суверенитет России, а еще через месяц Ельцин выйдет из КПСС.

Сюжет второй. Молодой реформатор

Михаил Горбачев пришел к власти 11 марта 1985 года после смерти тяжелобольного Константина Черненко. Осознание необходимости перемен буквально пронизывало советскую действительность. Страна зависела от стремительно падающих цен на нефть⁴ и продолжала изнурительную гонку вооружений с США, в то время как ее экономика стагнировала. Огромным репутационным ущербом стали война в Афганистане и калейдоскопическая смена пожилых генсеков во главе государства.

По мнению исследователя Бориса Макаренко, именно личное желание Горбачева начать реформы и сделало возможным «пост-

коммунистический транзит»⁵. Сколько еще лет могла бы продлиться в СССР эпоха застоя? Этот вопрос стоит задать экономистам. Советское общество в середине 1980-х годов все еще было весьма аполитично. В стране были диссиденты, были политические заключенные и даже попытки создать подпольные политические организации. Однако на проверку об их истории мы можем судить лишь из трех источников: материалов КГБ, сохранившегося редкого самиздата и воспоминаний самих участников. Рядовой советский гражданин вряд ли мог об этом многое рассказать. Недовольство обывателя скорее выражалось в разговорах на кухнях и анекдотах о «дорогом Леониде Ильиче».

В то же время это недовольство и степень его радикальности довольно сложно измерить. В 1970-е и первой половине 1980-х годов массовые протесты были редким явлением. Беспорядки в Литве после саможжения студента Ромаса Каланты, протестовавшего против советской власти, языковые протесты в Грузии в 1978 году⁶ и осетино-ингушский конфликт в Орджоникидзе (ныне — Владикавказ) в 1981 году — все это были скорее спорадические и локальные выступления. Если бы их не было, то не было бы и диссидентов, карательной психиатрии и высылки неугодных.

Однако все же перестройка в СССР началась не с диссидентов и не с протестов. Она началась в марте 1985 года с приходом к власти молодого⁷ 54-летнего Горбачева. Уже через месяц новый генсек провозгласил курс на «ускорение». Те первые 1,5–2 года были временем, когда само руководство страны верило, что для решения накопившихся проблем нужно только лишь немного «подкрутить» существующую систему, не меняя ничего по сути. Однако неудача «ускорения» вынудила руководство страны идти дальше в сторону поддержки частных инициатив в экономике и далее — к рынку. Это и было главным движущим фактором политических перемен. Раз нужна частная инициатива, значит, придется прислушаться к частному мнению и дать индивидууму право субъектности.

Именно личное желание Горбачева начать реформы и сделало возможным «посткоммунистический транзит»

В 1985–1987 годах в Советском Союзе началось массовое освобождение политзаключенных. Из ссылки вернулись Андрей Сахаров, Сергей Ковалев и Вячеслав Черновол, которым было суждено стать заметными фигурами в позднесоветской общественной жизни. Парадокс в том, что сделано это было властью без сколь-либо возросшего общественного давления.

Этот феномен резкого поворота оказался возможен только в тех уникальных условиях: сложная экономическая ситуация и отказ от проведения реформ совпали с закреплением брежневской элиты во власти. Когда эта элита стала уходить по естественным причинам, к власти пришли партократы второго эшелона, понимавшие устройство системы и ее внутреннее лицемерие. К 1980-м годам большинство советских идеологических ритуалов превратились в сущую формальность, а их соблюдение стало ни к

Горбачев открыл окно возможностей для партийной номенклатуры среднего звена

чему не обязывающей традицией.

До 1985 года социальные лифты внутри советской партийной системы были практически полностью заморожены. Тогда,

в марте 1985 года Михаил Горбачев был своего рода уникалом, ставшим в свои 54 года с большим отрывом самым молодым членом Политбюро ЦК КПСС⁸. Горбачев открыл окно возможностей для партийной номенклатуры среднего звена, впервые за долгие годы обновив руководящий состав партии и правительства. Резкое обновление давало возможность новому генсеку начать реформы и даже некоторую либерализацию.

Освобождение диссидентов в 1980-е годы можно сравнить с возвращением декабристов из ссылки в начале правления Александра II. Новый молодой энергичный правитель хотел встряхнуть уснувшую страну и провести реформы — для этого он символически давал свободу тем, кого преследовали за требование перемен. Было в этом и еще одно общее — это было движение сверху.

Провал экономической политики перестройки и начало новой рядки вынудили новую власть искать активную поддержку общества. В тяжелое время реформ власть пыталась опираться на этот ранее игнорируемый ресурс. В феврале 1986 года Михаил Горбачев на XXVII съезде КПСС впервые публично заговорил о необходимости реальной свободы слова в Советском Союзе — гласности: «Принципиальным для нас является вопрос о гласности... Без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении... Поэтому нам надо сделать гласность безотказно действующей системой. Она нужна в центре, но не менее, а, может, даже более нужна на местах, где живет и работает человек. Он хочет и должен знать не только то, что решается в государственном масштабе, но и то, какие решения принимаются местными партийными и советскими органами, администрацией предприятий и Профсоюзами»⁹.

Михаил Беломлинский. Плакат, стихи В. Сулова. 1980-е гг.

Гласность виделась Горбачевым как опора в его борьбе с бюрократизмом консервативной партийной номенклатуры. Реформы нуждались в поддержке, которую искать можно было только либо внутри самой номенклатуры, либо внутри общества. Горбачев, будучи протеже бывшего главы КГБ Андропова, с большим трудом отказался от его напутствия — прежде, чем начинать крутые политические изменения, советский народ должен почувствовать ощутимые улучшения в экономике¹⁰. Однако на случай, если этих ощутимых улучшений не будет, у Горбачева плана не было.

В этих условиях гласность скорее сыграла с Горбачевым злую шутку. В 1986 году в Алма-Ате прошел массовый протест против назначения Геннадия Колбина первым секретарем Компартии Казахстана. В советских республиках существовало негласное правило, что возглавлял республиканское отделение партии неизменно представитель ее титульной нации, а его заместителем при этом был русский. В этот раз Горбачев решил пренебречь этим правилом, и выбор Казахстана был неслучаен: к 1980-м годам казахи в своей республике были относительным меньшинством — их было 36% населения, а русские составляли 42%. Чувство

утраты контроля над республикой вкупе с назначением русского руководителя лишь подпитывали национализм. Протесты в Алма-Ате против назначения Геннадия Колбина стали первым перестроечным выступлением на национальной почве. Главным кандидатом протестующих был молодой председатель Совета министров Казахской ССР Нурсултан Назарбаев.

Тот протест был подавлен, и Колбин возглавлял Казахскую республику следующие три года, пока не уступил этот пост Назарбаеву. Повторять казахский эксперимент в других республиках Горбачев уже не стал. Однако для протестов подобный повод уже был и не нужен: вскоре

Идея Горбачева была проста: старая партийная номенклатура будет до упора сопротивляться реформам, значит, реформам нужна другая опора – свободно избранные населением депутаты

волнения начались в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Таджикистане, Литве, Латвии и Эстонии. Быстро выяснилось, что Советский Союз вовсе не был страной, которая «навсегда покончила... с национальной враждой»¹¹. Просто любая публичная дискуссия в общественном поле до перестройки была невозможна.

Стало ясно, что дать обществу возможность обсуждать проблемы без реального влияния на власть не получится.

Логическим следствием этого понимания стали законы о кооперации и новой государственной системе со Съездом народных депутатов СССР во главе. Идея Горбачева была проста: старая партийная номенклатура будет до упора сопротивляться реформам, значит, реформам нужна другая опора — действительно свободно избранные населением депутаты. Самому Горбачеву эта идея вовсе не казалась сломом старой социалистической системы — еще в 1990 году он работал над статьей «Слово о Ленине», в которой настаивал, что верховенство народно избранного съезда — это возврат к ленинским традициям. Ему казалось, что он сам продолжает теоретические наработки вождя мирового пролетариата. «Когда читаю настоящую талантливую вещь, меня увлекает не сюжет, а язык, слово, часами могу думать над одной фразой», — говорил он своему помощнику Анатолию Черняеву во время работы над статьей¹².

И все же создание нового государственного органа вкупе с ослаблением партии и центральных органов управления страной имели непредсказуемые последствия. Впереди Михаила Горбачева ждали призывы уйти в отставку, парад суверенитетов и паралич политических решений.

Сюжет третий. Свобода России?

Когда современные историки рассказывают о перестройке, они, как правило, концентрируются на событиях в союзных республиках и Москве. Вместе с тем это именно Россия, а не республики, была

инициатором процессов, запущенных в конце 1980-х годов. РСФСР в Советском Союзе всегда была особой республикой: это были 3/4 территории страны, половина ее населения и почти 2/3 ее экономического потенциала. Российская Федерация¹³ возникла в условиях революции и Гражданской войны, а другие части Российской империи стали либо новыми советскими республиками, либо независимыми государствами. Со временем, в 1920–1930-е годы по инициативе советских руководителей от РСФСР «отвалились» ее азиатские автономии: Казахская, Киргизская, Узбекская, Таджикская и Туркменская ССР. Лишь в 1939 году СССР после пакта Молотова-Риббентропа «прирос» Латвийской, Литовской, Эстонской и Молдавской¹⁴ республиками. Первые три, имевшие совсем свежий исторический опыт внезапно прерванной независимости, впоследствии станут локомотивами борьбы за отделение.

Россия была как бы «всем остальным Советским Союзом», не получившим своей полноценной автономии. Это была единственная республика без своего отделения Компартии и соответственно своего первого секретаря — фактического руководителя, а председатель президиума ее Верховного Совета никогда не был значимой фигурой. Кто сегодня может вспомнить, чем прославились такие главы России, как Николай Игнатов, Николай Органов, Михаил Яснов или Владимир Орлов?

Эта странность как бы подчеркивала, что Советский Союз — это и есть Россия, а РСФСР — лишь ее центральная часть. Некоторые пытались с этим бороться, причем даже в сталинское время. В конце 1940-х годов идея бывшего и действующего первых секретарей Ленинградско-

го горкома Алексея Кузнецова и Петра Попкова о создании Коммунистической партии в РСФСР стоила им обоим жизни. Они же предлагали тогда разделить и столичные функции: Москву оставить союзным центром, а Ленинград сделать столицей России¹⁵. Однако

Сталин хорошо понимал, что передача полноценных функций России наделит ее политическую элиту несоразмерным влиянием и сделает ее реальным конкурентом общесоюзному правительству. Об этом же говорил впоследствии и Хрущев: «Российская Федерация очень большая, и надо, чтобы в партии не получилось какого-то раздвоения»¹⁶.

В условиях перестройки старый вопрос снова вышел на передний план. Российская номенклатура и общество неожиданно оказались едины в требовании равных полномочий для России. Перебирая в архиве Ельцин-центра вопросы избирателей из разных регионов Борису Николаевичу за 1989–1991 годы, мы неизменно видим одни и те же: почему у России нет полноценных полномочий и своей компартии? Когда 9 июня 1991 года Ельцин в родном Свердловске встречался с избирателями, участница встречи Т. С. Попова задала будущему президенту вопрос,

*РСФСР в Советском Союзе
всегда была особой республикой.*

*Советский Союз —
это и есть Россия, а РСФСР —
лишь ее центральная часть*

достойный фигурантов «Ленинградского дела»: «Гор. Москва всегда был столицей России. После избрания Вас президентом будет ли столицей Союза другой город, вернется ли Кремль в юрисдикцию России?»¹⁷

Тезис о неравенстве России по сравнению с остальными республиками будет основным и для самого Ельцина в его риторике. В своем предвыборном выступлении на Центральном телевидении в январе 1990 года именно эту мысль он сделал главной: «В течение многих десятилетий уделом России было существование в качестве “государства-призрака”... Многие государственные органы были чисто номиналь-

Андрей Сахаров написал Горбачеву о необходимости разделить РСФСР на несколько частей, чтобы другие республики могли чувствовать себя с ней равными

ными. В этом отношении мы существенно отличались в худшую сторону от всех союзных республик... О России думали в последнюю очередь... Такая политика нас разоряла, но и Союз не становился крепче»¹⁸.

Это был парадокс империи наоборот, в которой центр исторически являлся экономическим донором для удержания огромных территорий. Сегодня сложно сказать,

насколько Михаил Горбачев понимал, что его политическая либерализация поднимет вопрос о неравенстве республик. Очевидно, что выравнивание России сделало бы ее фактически безраздельной доминантой в Союзе, что в свою очередь лишь оттолкнуло бы от нее другие республики (что впоследствии и случилось). Пожалуй, едва ли не единственным человеком, предлагавшим решить эту дилемму, был Андрей Сахаров: незадолго до смерти, в ноябре 1989 года он написал Горбачеву о необходимости разделить РСФСР на несколько частей, чтобы другие республики могли чувствовать себя с ней¹⁹ равными.

Значительная часть номенклатуры второго эшелона подхватила тезис Ельцина, рассчитывая на повышение своего статуса. Среди них были первый секретарь Татарского обкома КПСС Минтимер Шаймиев, секретарь ЦК КПСС и будущий глава Орловской области Егор Строев и член бюро Свердловского обкома и хороший знакомый Ельцина Эдуард Россель. Эти люди были плоть от плоти системы и прекрасно знали, как устроен государственный аппарат.

Сюжет четвертый. Какофония или оппозиция?

Когда в 1989 году проходил Съезд народных депутатов, трансляция его первых заседаний была, возможно, одной из самых популярных программ в истории отечественного телевидения. На нем эмоционально и открыто, не по бумажке, выступали представители советской интеллигенции: Андрей Сахаров, Гавриил Попов, Анатолий Собчак и многие другие. Массовый советский телезритель впервые услышал о том, что прибалтийские республики не добровольно присоединились к СССР, задумался о необходимости судить преступления сталинского времени,

узнал о национальном вопросе. И хотя молчаливые консерваторы были на том съезде в большинстве, голос лидера «Демократической России» Юрия Афанасьева, осуждающий «агрессивно-послушное большинство», зрители запомнили гораздо лучше, чем голоса десятков выступавших партяков.

Глядя на те заседания, думаешь, что общество, наконец, получило возможность обсуждать политические проблемы страны, которой не имело столетиями. Но на деле эта новая конструкция оказалась абсолютно недееспособной в советском государстве. Часть интеллигенции была не готова не критиковать, а принимать решения, в то время как советское чиновничество представлялось ей безнадежно заскорузлым и отсталым пережитком прошлого. Только быстро выяснилось, что другого чиновничества нет.

Горбачев верил, что в централизованном государстве можно быстро передать полномочия на места, ослабив его каркас, и в этом была его ошибка. Начиная реформы, Горбачев вряд ли мог предположить, что они приведут к распаду Союза — событию, которое он, по собственным словам, пытался всеми силами предотвратить. Символом сверхконтроля сверху вниз была партия, поэтому созыв Съезда народных депутатов и политическая реформа в тот момент могли казаться выходом — это давало возможность сформировать новую политическую элиту, которая была бы готова удерживать советское государство на плаву. Однако ничего не вышло, поскольку в тех турбулентных условиях одни оказались организационно неспособны взять на себя власть, а номенклатура попросту не имела своей отдельной политической воли. В итоге Горбачев не только вышиб стул из-под КПСС, но и лишился контроля над ситуацией.

Паралич решений привел к удивительной дихотомии в политической тактике Михаила Горбачева. С одной стороны, желание изменить существующую систему вынуждало его ломать опору собственной власти — подавлять КПСС и номенклатуру. С другой — для сохранения власти и продолжения реформ ему были нужны и номенклатура, и КПСС. Это проявилось в нескольких исторических эпизодах.

Когда в 1990 году Верховный Совет РСФСР выбирал председателя, Борис Ельцин был очевидным фаворитом и самым нежелательным победителем для Горбачева. Сначала он пытался продвинуть своим кандидатом малоизвестного²⁰ бывшего министра МВД Александра Власова, однако довольно быстро стало ясно, что нужна более заметная фигура. И Горбачев поддержал Ивана Полозкова, радикально ортодоксального коммуниста и ярого критика перестройки. Два тура голосования не дали никому из главных претендентов нужного преимущества, однако перед третьим туром Полозков уже был фаворитом. Политбюро во главе с

В 1989 году массовый советский телезритель впервые услышал о том, что прибалтийские республики не добровольно присоединились к СССР

*Когда в 1991 году
советская власть
окончательно рухнула,
ее руководители
никуда не делись*

Горбачевым ошибочно решило, что Ельцин проиграет выборы, и заставило Полозкова взять самоотвод. Вместо него снова выдвинулся Власов и проиграл Ельцину 4 голоса. Сам Полозков впоследствии утверждал, что по расчетам он выиграл бы голосование с перевесом в 120–130 голосов, но Политбюро его «в приказном порядке» заставило сняться²¹.

Этот сюжет аппаратной борьбы внутри существующей номенклатуры сложно переоценить. Борис Ельцин в результате голосования Верховного Совета РСФСР стал его председателем, т.е. буквально руководителем России. Год спустя он уже всенародно избранный президент, но можно ли поручиться, что это произошло бы, если бы Горбачев не настоял на снятии Полозкова? Удивительно, но даже в тех условиях партийная дисциплина сначала вынудила многих партocrats поддержать Полозкова, а затем та же партийная дисциплина не позволила самому Полозкову продолжать оппонировать Ельцину (на что он имел полное право!). Кажущийся случайным эпизод на самом деле неслучаен — именно внутренняя борьба существующей политической элиты двигала процессы конца 1980-х — начала 1990-х годов.

Когда в 1991 году советская власть окончательно рухнула, ее руководители никуда не делись. Номенклатура и старая элита оказались безальтернативными управленцами. Этому способствовали несколько факторов. Советская интеллигенция и оппозиция недооценили фактор опыта в руководстве административными структурами. Если первого секретаря Ленинградского горкома КПСС можно было заменить на яркого и незаурядного Анатолия Собчака (которого, впрочем, случайным человеком во власти тоже назвать сложно), то кто возглавил петербургские районы, ЖЭКи, кто стал работать в местном водоканале и инженерных службах? Те же люди, что и прежде. А куда делись 2/3 депутатов-демократов из Ленсовета образца 1990 года? В основной массе они оказались не востребованы. Марина Салье, Александр Щелканов, Петр Филиппов и Геннадий Богомолов остались яркой, но все же вспышкой. А сам Собчак выглядел скорее аномалией в новой российской элите, редким демократом первой волны. Ему удалось продержаться до 1996 года, когда традиционный крепкий хозяйственник Владимир Яковлев сумел сразить Собчака на предвыборных дебатах вопросом о зарплате дворника. И в итоге представитель старой номенклатуры руководил вторым городом страны следующие два срока, предложив на этом посту среди прочего вернуть советский гимн в 2000 году.

Недолго продержался и один из лидеров «Демократической России» Гавриил Попов. Став первым мэром Москвы в 1991 году, он не выдержал на этой должности даже одного года, уступив в июне 1992 года пост своему заму — хозяйственнику Юрию Лужкову. Не нашел себя вовсе в российской политике Юрий Афанасьев, лидер «Демократической

России» и автор знаменитого выражения про «агрессивно-попкорное большинство». Он был российским народным депутатом, однако уже в 1993 году заявил, что уходит из политики. Схожие процессы шли и в постсоветских государствах — везде у власти в конечном счете оказалась советская номенклатура.

Этот фактор позволяет дать исчерпывающий ответ, почему в 1991 году были невозможны люстрации. Властью принять подобный закон обладали только те, кого бы он коснулся в первую очередь. И все же речь в этой статье не об упущенных альтернативах, а о том, как использовать предоставляемые историей возможности.

Речь в этой статье не об упущенных альтернативах, а о том, как использовать предоставляемые историей возможности

Сюжет пятый. Благонамеренные пожелания

Август 1991 года был временем триумфа Ельцина, российской демократии и интеллигенции. Михаил Горбачев, до конца своего правления веривший в противоречивую формулу «сильный центр — сильные республики»²², до последнего стремился сохранить Советский Союз. Однако появление «сильных республик» во многом стало возможным благодаря ослаблению влияния центра: переходу на «ленинский» хозрасчет, созданию кооперативов, предоставлению больших полномочий отдельным республикам и их партийному руководству. Уже 16 ноября

Митинг на Манежной площади в Москве. По призыву движения «Демократическая Россия» десятки тысяч москвичей пришли выразить свое отношение к союзному референдуму и поддержать позицию Бориса Ельцина. 1991 г.

1988 года Эстонская ССР первой приняла декларацию о суверенитете республики, причем сделано это было по инициативе Эстонской Коммунистической партии. Суверенитет принимал Верховный Совет ЭССР, который был избран на безальтернативных выборах еще при Константине Черненко. То есть голосовали за суверенитет в основной массе представители еще брежневской номенклатуры.

*Идея «сильного центра»
при «сильных республиках»
оказалась утопией*

За Эстонией последовали аналогичные декларации в Литве, Латвии и Азербайджане в 1989 году — и всякий раз это делали Верховные Советы, созданные еще при Черненко. Перестроечная революция была

революцией сверху, однако советские элиты продолжали оглядываться на центр, ожидая от него кары за «вольности». Как, например, лидер эстонской компартии Карл Вайно, который просил у Москвы разрешения разгромить оппозицию, но, не получив внятного ответа, не решился ни на какие самостоятельные действия. Сегодня его сын возглавляет администрацию Путина. Попытки же центра вмешаться в республиканские движения в 1990–1991 годах привели к трагедиям в Тбилиси, Баку и Вильнюсе, но главное — они окончательно отвернули от центра местную номенклатуру.

В 1990 году после новых альтернативных выборов в республиканские советы суверенитет провозгласили все оставшиеся советские республики вне зависимости от нового состава парламентов. Особый импульс этому дал победивший Полозкова и Власова Борис Ельцин. Его Верховный Совет РСФСР принял декларацию о суверенитете России 12 июня, а вслед за ней тем же летом это сделали еще шесть республик. Те суверенитеты еще не подразумевали выхода из Советского Союза, лишь провозглашали приоритет республиканского законодательства над общесоюзным. Однако роль центра стала сужаться. Идея «сильного центра» при «сильных республиках» оказалась утопией.

Референдум марта 1991 года сегодня часто неверно истолковывается людьми разных политических пристрастий. Существуют два мифа: что это был референдум о сохранении Советского Союза и что все республики поддержали его сохранение. И то, и другое не соответствует действительности. Тот референдум стал попыткой центральных властей адаптировать новую политическую реальность с суверенными республиками под некую новую форму союза. Сам вопрос того референдума был очень противоречивым: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»²³ Что означала эта формулировка? Утвердительный ответ предполагал вроде как изменение Союза на некую новую федерацию. А отрицательный вполне мог восприниматься и как желание сохранить изначальную форму Союза.

Второй миф — обо всех республиках, поддержавших проект Горбачева. В референдуме марта 1991 года участвовали лишь 9 из 15 республик. Армения, Грузия, Латвия, Литва, Молдавия, Эстония, объявившие курс на независимость, участия в референдуме практически не принимали за исключением некоторого количества созданных в этих республиках участков. В крупных городах России перевес сторонников СССР был небольшим, а в Свердловске, на родине Бориса Ельцина, их и вовсе оказалось меньше половины. Голосовать «нет» тогда призывали сторонники российского лидера, а также поддерживавшая его «Демократическая Россия». Однако куда более важным был дополнительный вопрос в РСФСР об учреждении поста президента республики, за что проголосовали 71% избирателей. Те же 71% проголосовали в РСФСР и за сохранение Советского Союза. Вышло так, что в марте 1991 года российские и всесоюзные элиты получили то, что хотели: одни и те же люди (ну или, по крайней мере, большинство из них) проголосовали одновременно за Советский Союз и отдельного российского президента.

В российском референдуме отказались участвовать три республики РСФСР: Северная Осетия, Тува и Чечено-Ингушетия. Однако это сложно объяснить влиянием местных национальных движений, скорее это было стремление местного партийного руководства поддержать Михаила Горбачева в борьбе против Бориса Ельцина. Во всесоюзном референдуме за СССР проголосовали в Чечено-Ингушетии — 76% (58% — явка), Северной Осетии — 90% (86% — явка), в Туве — 91% (81% — явка). Во всех трех республиках сторонников СССР оказалось существенно больше, чем в среднем по стране.

Региональные элиты России в итоге и оказались в эпицентре противостояния, во многом решая, кого поддержать в дни августовского путча. После выхода Ельцина из состава КПСС в 1990 году за ним последовали многие представители российской номенклатуры. В итоге в партийной номенклатуре к тому времени остались по большей части элиты, делавшие ставку на консерваторов, критиковавших перестройку, но соблюдавших «пассивно-агрессивную» дисциплину. Дисциплинированный коммунист, первый секретарь Московского горкома КПСС Лев Зайков поддержал путчистов, а вышедший из КПСС Гавриил Попов стоял рядом с Ельциным. Большинство же сохранило выжидательную позицию. Августовский путч и протесты происходили в Москве и Ленинграде, в то время как региональные элиты по большей части занимали выжидательную или формально поддерживающую путчистов позицию.

Победа протеста стала настоящим триумфом гражданского общества, которое в борьбе двух элит, по сути, сыграло решающую

Увы, значительная часть интеллигенции попросту отказалась от попыток стать во главе страны в тот момент, когда у нее была такая возможность

роль — редкое, но ценное явление в российской истории. Однако это общество очень быстро завязло в дискуссии о необходимости бороться с единоначалием и вождизмом в оппозиции. 14 сентября 1991 года в Москве прошел победный пленум Совета представителей движения «Демократическая Россия», главного организатора сопротивления путчистам. Показательным на нем стало выступление одного из руководителей Леонида Баткина: «Нам надо быть самими собой... Вместо того, чтобы внедряться в госструктуры, “Демократической России” следует сосредоточиться на работе с низами и парламентской деятельности... и перестать быть пожарной командой для очередных избирательных кампаний»²⁴. Иными словами, Баткин предлагал не идти во власть и оставаться моральным камертоном интеллигенции. Эту идею разделяло большинство участников того пленума. Исследователь Владислав Зубок указал на бессмысленность этого решения в турбулентных условиях начала 1990-х: «Ни одна из задач не решалась мобилизацией толпы, выступлениями и печатанием агитлисточков»²⁵. Увы, но значительная часть интеллигенции попросту отказалась от попыток стать во главе страны в тот момент, когда у нее была такая возможность.

Борис Ельцин на тот пленум «ДР» не пришел, сославшись на отпуск.

Сюжет шестой. Компромисс или снова на те же грабли?

История советской перестройки вполне может повториться в современной России — и потому она поучительна. Практика показывает, что возможность смены власти «снизу» в нашей стране крайне маловероятна по ряду причин. Ее гиперцентрализация, разветвленная элита и отсутствие единства в обществе не позволяют всерьез рассматривать такой вариант развития событий. Совершить революцию «снизу» пытались Иван Болотников и Степан Разин, Емельян Пугачев и народовольцы. Все они потерпели поражение, а их временные успехи были связаны исключительно с попыткой «прислониться» к существующей элите: Болотников пытался убедить соотечественников в существовании законного наследника престола, Разин искал сторонников среди боярства, Пугачев выдавал себя за царя, а народовольцы пытались внести раскол среди дворян. Единственные, кто успешно пришел к власти «снизу» — это большевики, пошедшие на полный слом всей предыдущей системы. Их успех — результат сложившихся уникальных обстоятельств: обострения разногласий в обществе, разделенного по сословному и классовому признакам, поразительная близорукость власти, неудачная война, наличие разветвленной и фанатичной организации. Такая совокупность обстоятельств вряд ли когда-нибудь сможет повториться. Видимо, в 11 веках русской истории должно быть особое исключение, которое бы подтверждало правило — смена власти в России всякий раз становится внутренним компромиссом.

«Балтийский путь». 23 августа 1989 г., Рига

В условиях, когда внутри системы нет реального компромисса, а также исторической контрэлиты, невозможна бескровная смена власти «снизу». В других социалистических странах были свои институты: у Польши — церковь, у Чехословакии — «люди 1968 года». А на что опирались республики бывшего СССР? На свою прежнюю партийную бюрократию, которая к переменам не приновилась, а сама их и организовала. В этом смысле неудачный августовский путч и Беловежские соглашения были осуществлены двумя противоборствующими группами одной корпорации. Те события были бескровными, но были ли они обществом отрефлексированы?

Просто попробуйте провести эксперимент, пусть даже и среди образованной аудитории. Как известно, в событиях августа 1991 года в тоннеле на Садовом кольце погибли трое протестующих, ставших одними из последних Героев Советского Союза. Их хоронили 300 тысяч человек, в их память был установлен памятник и выпущены марки. Эти жертвы стали символами тех событий. Спросите у знакомых, помнят ли они их фамилии: Кричевский, Комарь, Усов? Это и будет ответом на вопрос о рефлексии.

Устойчивость нынешней российской государственной элиты является иллюзорной — ее поле для компромисса сегодня ограничивается волей одного конкретного человека. Не исключено, что длительность его пребывания во власти и вовлечение элиты в его действия также оставят лишь небольшой маневр для его преемников. Сегодня очень сложно представить себе в качестве реформатора Патрушева или Шувалова.

Возможно, проще Мишустина или Собянина. Но будет ли у общества выбор хотя бы между ними?

Вопрос о том, готовы ли мы, гражданское общество, к уступкам в отношении части элиты в обмен на перемены, на самом деле не имеет смысла. Главное, станет ли само общество той силой, которая сумеет

*Ошибкой поколения
перестройки стало
удивительное нежелание
участвовать в управлении
новым государством*

привлечь часть элиты и колеблющихся на свою сторону. И насколько в этой ситуации оно окажется готовым переступить порог власти и не дать закрыть эту дверь у себя перед носом. Поколению перестройки этого не удалось.

Неконкурентная политическая среда порождала необходимость искать сторонников перемен только внутри самой системы. Такое условие неизбежно ставит под вопрос саму возможность смены политических элит. Ошибкой поколения перестройки стало удивительное нежелание участвовать в управлении новым государством. Для многих представителей интеллигенции представить себя новой властью оказалось гораздо сложнее, чем ей противостоять. Не стоит недооценивать и второй фактор — незнание особенностей политической борьбы и презрение к любому бюрократизму. В конечном счете номенклатура сумела довольно легко встроиться в существующие настроения (а отчасти их и сформировать) и оказаться во главе политических движений.

Библиография

- Ванденко А. Иван Кузьмич Полозков // Новый взгляд. 1992. Апрель, 25. № 15.
- Горбачев М. С. Доклад Генерального секретаря ЦК, XXVII съезд КПСС 25 фев. 1986 г. Стеногр. отчет. Т. 1.
- Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. Гл. 16: Национальная политика: трудный поиск. М.: Новости, 1995.
- Жарков В., Колесников А. Первый глоток свободы // The New Times. 23.09.2009. Электронный ресурс: https://www.gorby.ru/presscenter/publication/show_26635/ https://www.gorby.ru/presscenter/publication/show_26635/ (дата обращения: 29.11.2024).
- Зубок В. Коллапс. Гибель Советского Союза. М.: АСТ, 2023.
- Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. Электронный ресурс: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 29.11.2024).
- Корня А. Россияне ставят на модернизаторов // Коммерсант. 21.08.2023. Электронный ресурс: <https://www.kommersant.ru/doc/6172134> <https://www.kommersant.ru/doc/6172134> (дата обращения: 29.11.2024).
- «Ленинградское дело» / Гл. ред. А. М. Кулегин, сост. А. П. Смирнов. СПб., 2009. С. 57.
- Макаренко Б. Правление Горбачева — это история, когда власть следовала за событиями // HSE Daily. 31.08.2022. Электронный ресурс: <https://daily.hse.ru/post/boris-makarenko-pravlenie-gorbacheva-eto-istoriya-kogda-vlast-sledovala-za-sobytyami> (дата обращения: 29.11.2024).

Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М.: Интер-Версо, 1991.

Фрагменты закрытого письма Политбюро ЦК ВКП(б) членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) «Об антипартийной враждебной группе Кузнецова, Попкова, Родионова, Капустина, Соловьева и др.». 12 октября 1949 г. // Судьбы людей.

Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время. Новосибирск, 2009.

Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М.: Прогресс-Культура, 1993.

Архивы

Архив Ельцин-центра.

Российский государственный архив новейшей истории.

Hoover Institution Library and Archives (HIA), Stanford, CA. Democratic Russia Papers.

Примечания

¹ Корня А. Россияне ставят на модернизаторов // Коммерсант. 21.08.2023. Электронный ресурс: <https://www.kommersant.ru/doc/6172134> (дата обращения: 29.11.2024)

² Жарков В., Колесников А. Первый глоток свободы // The New Times. 23.09.2009. Электронный ресурс: https://www.gorby.ru/presscenter/publication/show_26635/ (дата обращения: 29.11.2024)

³ Митинг в поддержку демократических реформ и Бориса Ельцина (4 февраля 1990). Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=OMsrCuNYt2Y> (дата обращения: 29.11.2024). Скандирование на 11.38.

⁴ В результате кризиса перепроизводства нефти цена барреля нефти упала с 35 \$ в 1980 году до 10 \$ в 1986 году.

⁵ Макаренко Б. Правление Горбачева — это история, когда власть следовала за событиями // HSE Daily. 31.08.2022. Электронный ресурс: <https://daily.hse.ru/post/boris-makarenko-pravlenie-gorbacheva-eto-istoriya-kogda-vlast-sledovala-za-sobytyami> (дата обращения: 29.11.2024).

⁶ В новой редакции Конституции СССР предлагалось оставить официальным только русский язык.

⁷ Все постсталинские руководители страны были старше Горбачева: Хрущеву в 1953 году было 59 лет, Брежневу в 1964-м — 57, Андропову в 1982-м — 68, Черненко в 1984-м — 72.

⁸ Средний возраст членов Политбюро был 67 лет: Тихонову — 79 лет, Громыко — 75 лет, Кунаеву — 73 года, Соломенцеву — 71 год, Гришину — 70 лет, Щербицкому — 67 лет, Романову — 62 года, Алиеву — 61 год, Воротникову — 59 лет, Горбачеву — 54 года.

⁹ Горбачев М. С. Доклад Генерального секретаря ЦК, XXVII съезд КПСС 25 фев. 1986 г. Стеногр. отчет. Т. 1. С. 77, 79, 80, 82, 83, 84, 85.

¹⁰ Зубок В. Коллапс. Гибель Советского Союза. М.: АСТ, 2023. С. 48.

¹¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. Электронный ресурс: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 29.11.2024).

¹² Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М.: Прогресс-Культура, 1993. Запись от 21 января 1990 года

¹³ Так республика часто называлась, в том числе в официальных документах, начиная с 1918 года. В частности см. текст Конституции РСФСР 1918 г.: гл. 9. Ст. 49д ([https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%A0%D0%A1%D0%A4%D0%A1%D0%A0_\(1918\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%A0%D0%A1%D0%A4%D0%A1%D0%A0_(1918))), преамбулу Конституции РСФСР 1978 г. ([https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%A0%D0%A1%D0%A4%D0%A1%D0%A0_\(1978\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%A0%D0%A1%D0%A4%D0%A1%D0%A0_(1978))) и ряд других официальных российских документов.

- ¹⁴ Часть Советской Молдавии была до 1940 года автономией в составе Украины, а часть принадлежала Румынии.
- ¹⁵ Фрагменты закрытого письма Политбюро ЦК ВКП(б) членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) «Об антипартийной враждебной группе Кузнецова, Попкова, Родионова, Капустина, Соловьева и др.». 12 октября 1949 г. // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / Гл. ред. А. М. Кулегин, сост. А. П. Смирнов. СПб., 2009. С. 57.
- ¹⁶ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 187. Л. 28.
- ¹⁷ Жители г. Свердловска. Записки избирателей к Б.Н. Ельцину, полученные во время предвыборной поездки в г. Свердловск (9 июня 1991г.) // Архив Ельцин-центра. Ф. 6. Оп. 1. Д. 70. Л. 182–253.
- ¹⁸ *Ельцин Б. Н.* Текст выступления Б.Н. Ельцина по Центральному телевидению 17.01.1990 г. // Архив Ельцин-центра. Ф. 6. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–64.
- ¹⁹ *Сахаров А. Д.* Тревога и надежда. М.: Интер-Версо, 1991.
- ²⁰ Власов даже получил народное прозвище по аналогии с царем Алексеем Михайловичем — «Тишайший»: *Ханин Г. И.* Экономическая история России в новейшее время. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 130.
- ²¹ *Ванденко А.* Иван Кузьмич Полозков // Новый взгляд. 1992. Апрель 25. № 15.
- ²² *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Кн. 1. Гл. 16: Национальная политика: трудный поиск. М.: Новости, 1995. Электронный ресурс: https://www.gorby.ru/gorbachev/zhizn_i_reformy1/page_18/ (дата обращения: 27.11.2024).
- ²³ В Казахстане формулировка была иной: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза ССР как Союза равноправных суверенных государств?»
- ²⁴ Hoover Institution Library and Archives (HIA). Stanford, CA. Democratic Russia Papers. Box 3. Folder 5. P. 112.
- ²⁵ *Зубок В.* Коллапс. Гибель Советского Союза. М.: АСТ, 2023. С. 460.

Нас ждут мрачные времена

47-й президент США Дональд Трамп собирается получить контроль над Панамским каналом и присоединить к США Гренландию и даже Канаду. В своей инаугурационной речи он прямо заявил о необходимости не только экономического, но и территориального роста Соединенных Штатов. В первые дни пребывания в Белом доме он уже успел объявить торговые войны своим ближайшим соседям и серьезно подорвать отношения с союзниками в Европе. Теперь только ленивый не говорит об окончательном крахе либерального международного порядка, хотя в России о нем начали подозревать раньше других. 11 лет назад президент Путин в одностороннем порядке присоединил полуостров Крым и в черном феврале 2022-го начал войну с Украиной, которая в России официально называется Специальной военной операцией. Последние заявления американского президента подводят черту под происходившей после крушения СССР долгой деградацией западной либеральной демократии в рамках созданной ею системы международных отношений. И дело здесь не в «величайшей геополитической катастрофе», а в исчезновении важнейшего стимула для смягчения капиталистических нравов на Западе. Этим стимулом большую часть прошлого столетия являлся советский проект, игравший роль общепризнанной альтернативы капиталистическому мироустройству. Крах мировой системы социализма 35 лет назад имеет прямые последствия для нашей жизни сегодня.

Историческая неудача Горбачева

В 2020 году Горбачев-фонд выпустил доклад, в котором напоминал о доктрине Нового политического мышления как альтернативе опасным вызовам и тенденциям, проявившимся в мире уже тогда. Однако как соавтор этого доклада и исследователь вклада Горбачева в теорию международных отношений, я не могу не признать сегодня тогдашней своей близорукости и классовой ограниченности в оценке этой школы мысли. Говоря о новом мышлении, я как будто сознательно не замечал главного его содержания. Оно

Василий Жарков,
историк, политолог

казалось мне данью давно прошедшей эпохе, поэтому я игнорировал части книги, касавшиеся возможности построения демократического социализма. «Больше социализма, больше демократии!» — таков был один из основных лозунгов начатой Горбачевым перестройки. В результате ее поражения в России не осталось ни социализма, ни демократии. Все меньше и того, и другого и в остальном мире.

*«Больше социализма,
больше демократии!» —
таков был один из
основных лозунгов
начатой Горбачевым
перестройки*

Перестройка и ее идеология в виде Нового политического мышления были нацелены в первую очередь на реформирование и обновление советского социализма посредством его гуманизации и обретения им того, что в те годы называли «человеческим лицом». Порожденный Октябрьской революцией 1917 года путь развития не отрицался, но подлежал корректировке. План перестройки предлагал примирение с западным капитализмом, но не отказ от социализма. Обе общественно-экономические системы должны были остановить зашедшую в тупик холодную войну, в любой момент грозившую человечеству тотальным истреблением в случае перехода в горячую стадию. Это освободило бы Советский Союз от целого ряда обременений — синдрома осажденной крепости, гонки вооружений в ущерб развитию социальной сферы и производству товаров народного потребления и от необходимости репрессий против инакомыслящих. Горбачев предлагал Западу столь же разумное, сколько и невозможное — мирное сосуществование и кооперацию при сохранении идентичности и внутреннего уклада жизни каждой из сторон холодной войны.

Подобный рациональный и приемлемый для народов мира проект не нашел должной поддержки ни в СССР, ни за его пределами. Внутри системы с планом Горбачева были категорически не согласны структуры, целью которых было обеспечение режима постоянного противостояния с внешним миром. Из трех столпов советского общества — КПСС, КГБ и ВПК (военно-промышленный комплекс) — по крайней мере, два последних не были заинтересованы в прекращении холодной войны с Западом, поскольку это лишило бы их смысла существования. И если ВПК мог бы не без труда быть трансформирован при помощи программы конверсии, то КГБ в отсутствии внешнего врага и постоянного нагнетания связанных с ним угроз лишился бы львиной доли своего штата и привилегированного положения в структуре управления страной. Поскольку чекистские споры за 70 лет существования советской осажденной крепости успели опутать все общество, комитетчикам ничего не стоило организовать противников перестройки слева и справа. Мы до сих пор не знаем, сколько сексотов было в ближайшем окружении Ельцина. Однако уже доказанным является тот факт, что за ГКЧП стоял шеф КГБ Крючков. Итогом деятельности обеих сторон

антигорбачевского движения стала ликвидация КПСС — единственной наделенной властью структуры, внутри которой сохранялись демократический потенциал и возможность сдерживать всевластие чекистов. Не заставил себя ждать и полный демонтаж советского образа жизни. Он привел к гибели и сломанным судьбам стольких людей, что их общее число до сих пор неизвестно доподлинно.

Вместо реформы советского социализма в считанные годы произошел его тотальный крах, в этом и состояло поражение перестройки. Все произошло настолько стремительно, что внешние акторы не успели сориентироваться и всерьез поменять свою политику. Несмотря на то, что с 1985 года Горбачев взял курс на разрядку в отношениях с США и их союзниками, давление со стороны Запада продолжалось еще несколько лет. Фейковая программа СОИ продолжала подстегивать гонку вооружений, все сильнее выматывавшую советскую экономику. А западные спецслужбы оказывали поддержку антикоммунистическим, зачастую ультраправым и не брезговавшим откровенным террором группировкам по всему миру. Президент Рейган был не готов верить Горбачеву на слово, вполне в духе старой русской поговорки «доверяй, но проверяй». Лед в отношениях с СССР по большому счету начал таять только в 1988–1989 годах, когда советское правительство приняло решение о выводе войск из Афганистана. Горбачеву удалось запустить и провести масштабную программу разоружения, которая была фактически свернута после его ухода. Однако нараставшие домашние проблемы в экономике и резко активизировавшиеся межнациональные конфликты помешали ему удержать ситуацию под контролем. Ведомые инерцией прежнего многолетнего курса конфронтации с «империей зла» западные партнеры проявили крайнюю степень сдержанности и не стали помогать Горбачеву во время молниеносно развившегося кризиса 1990–1991 годов. Зато президент Буш не постеснялся объявить произошедший по инициативе бывших республиканских партийных бонз роспуск Советского Союза победой Запада в холодной войне. Мировая система социализма, действительно, прекратила свое существование в течение трех лет. Однако объявленный тогда же «конец истории» обернулся глубочайшей реакцией и политической архаизацией во всем мире три десятилетия спустя.

Ключевым шагом к преодолению раскола европейского континента должна была стать Парижская хартия, подписанная на Совецании по безопасности и сотрудничеству в Европе в ноябре 1990 года. В этом подписанном СССР, США и всеми европейскими странами документе практически дословно приводится ранее высказанная в доктрине Горбачева мысль о неделимости безопасности с очевидным выводом:

Вместо реформы советского социализма произошел его тотальный крах, в этом и состояло поражение перестройки

«Безопасность неделима и безопасность каждого государства-участника неразрывно связана с безопасностью всех остальных. Поэтому мы обязуемся сотрудничать в деле укрепления доверия и безопасности между нами и в содействии контролю над вооружениями и разоружению».

Однако после роспуска Советского Союза в декабре 1991 года и появления на карте мира России и еще более дюжины новых государств дух и буква Парижской хартии потеряли свое значение, оставшись

Вес ОБСЕ оказался незначительным на фоне структур НАТО и Европейского союза, ставших единственной гегемонистской силой в регионе

благими пожеланиями на бумаге. Вес ОБСЕ оказался незначительным на фоне структур НАТО и Европейского союза, ставших на какое-то время единственной гегемонистской силой в регионе. Вместо строительства единой системы безопасности в Европе страны евро-атлантического альянса во главе с Соединенными Штатами постепенно втянулись в соперничество с Россией за контроль над странами Восточной Европы. В самой Российской

Федерации, унаследовавшей весь ядерный потенциал бывшего СССР и его место в Совете Безопасности ООН, институты демократии были принесены в жертву экономической целесообразности радикальных рыночных реформ, а национальная идентичность этой новой страны строилась на причудливом сочетании герба империи Романовых со сталинским гимном. Четверть века игры в геополитические шахматы между Западом и Россией привели к крупнейшему за последние 80 лет вооруженному конфликту в географическом центре Европы.

Мир после 1917 года

Как же так вышло, что развитие рыночных отношений во всем мире не привело к ожидавшемуся «демократическому миру»? Наоборот, возникшие на периферии глобального капитализма новые рыночные экономики — Китай и Россия — постоянно балансируют на грани прямого военного столкновения с его центром в лице США и их союзников. «Дух торговли» не победил «дух войны», по Канту, потому что никакого духа на самом деле нет. Зато есть единственно значимая цель существования капитализма — постоянное получение и наращивание прибыли, преобразуемой в капитал. Конкуренция, свобода и тем более равенство ничтожны и не имеют никакого значения в сравнении с этой главной целью. Поэтому закономерными результатами развития капитализма становятся глобальное неравенство, господство монополий и подчинение свободы задачам обогащения меньшинства за счет большинства. Если война приносит прибыль этому меньшинству, значит, будет война. Индустрия войны делает богатых еще богаче, в то время как ее бремя целиком и полностью ложится на миллионы простых людей. Такова логика капитализма, по мере развития которого в XIX и первой половине

Братья Гао (Gao Brothers). Чувство пространства. 2003

XX века войны становились все более массовыми и кровопролитными. Теперь, почти столетие спустя, международные отношения стремительно вернулись к состоянию накануне Первой мировой войны. Так произошло потому, что поколением раньше капитализм освободился от главного сдерживающего его хищнические устремления фактора — мировой системы социализма во главе с СССР.

Советский социализм не был совершенной, благополучной и устойчивой структурой. Его поддержание в течение 70 с лишним лет стоило народам бывшей Российской империи колоссальных усилий и жертв. Возникший в результате Гражданской войны и противостояния со всеми развитыми странами мира политический режим с самого начала строился как осажденная крепость с мобилизационной моделью экономики и жестоким репрессивным аппаратом.

Идея светлого коммунистического будущего воодушевляла строителей первых пятилеток, идея «социализма с человеческим лицом» служила уже гораздо более слабой точкой опоры для поколения шестидесятников, но по большому счету система отношений в СССР держалась на насилии и страхе. Во второй половине XX века с каждым годом становилось все яснее, что человеческий потенциал советского эксперимента почти исчерпан. К началу перестройки страна пришла обескровленной постоянной борьбой за выживание в жестком соревновании с миром капитала, стоившем ей миллионных жертв в результате постоянных

*Система отношений
в СССР держалась на
насилии и страхе*

войн и репрессий. Еще более тяжелыми последствиями стали массовый страх, недоверие и неверие общества. В позднем Советском Союзе накопился критический уровень усталости, разочарования и цинизма. Призыв «вернуться к ленинским принципам» у молодежи 1980-х мог вызвать только издевательскую ухмылку на лице. Неравная схватка за альтернативу мировому капитализму близилась к концу, но мир в целом пострадал от этого не меньше.

Для остального мира Октябрьская революция 1917 года сыграла, возможно, даже большую роль, чем для народов бывшей империи Романовых. Она стала воодушевляющим примером для антиколониальных и национально-освободительных движений в странах, которые теперь

Воодушевившая миллионы людей во всем мире советская альтернатива заставила капитализм измениться

принято называть Глобальным Югом. В богатых и развитых странах Запада «большевицкая угроза» заставила правящие круги пойти на временные с точки зрения долгосрочной исторической перспективы уступки широким слоям населения. Перемены затронули как социальную сферу, так

и политику, и культуру. Прежде всего, крупный капитал был вынужден в большей степени делиться своими прибылями со средними слоями и рабочим классом. Концепция «общества всеобщего благоденствия», где каждому гражданину гарантирована социальная защита и достойный уровень потребления, стала краеугольным камнем либеральной демократии XX века. Одновременно женщины получили равные права с мужчинами, произошел отказ от расовой и этнической сегрегации, межклассовые рамки стали несколько более проницаемыми, а общество более секулярным. Как и в раннем СССР, в западных странах произошла декриминализация однополых отношений и было снято табу на свободную любовь и право женщин на аборт. Государства ввели механизмы рыночного регулирования, страхующие от распространения монополий и последствий циклических экономических кризисов. Таким образом, капитализм был вынужден пойти на целый ряд самоограничений, позволяющих найти хрупкий баланс между сохраняющейся страстью наживы и общественным благом.

Воодушевившая миллионы людей во всем мире советская альтернатива заставила капитализм измениться. Перемены затронули не только внутренний дизайн западных обществ, но и систему международных отношений. После Второй мировой войны стало окончательно понятно, что либеральные демократии не смогут выжить без кооперации между собой в интересах поддержания баланса власти с остальным миром. В результате начинают возникать и активно развиваться международные институты, целью которых становится дипломатическое поддержание мира. Права человека и их соблюдение провозглашаются в качестве универсального принципа признания государства как суверенного

актора мировой политики, демократия и борьба за права человека становятся важными факторами в балансировании власти далеких от свободы стран социалистического лагеря во главе с СССР. Под конец холодной войны в США появляется либеральная концепция «мягкой силы», согласно которой власть государства на международной арене определяется его способностью увлечь остальных своим образом жизни. Противостояние Советам многократно усиливает гетерогенную и саморегулирующуюся мир-систему капитализм.

Возвращение во времена Англо-бурской войны

Политико-экономическая модель западной либеральной демократии пережила свой расцвет в конце 1960-х — 1970-е годы. Одновременно советская система окончательно утратила способность к конкуренции с Западом. Попытки реформировать социализм в 1960-х оказались слишком робкими и были быстро пресечены. Либеральная демократия выглядела успешной и эффективной на фоне стремительно дряхлевшего Советского Союза, но в перспективе последующих трех десятилетий после его распада это казавшееся неоспоримым преимущество оказалось иллюзией. Во-первых, с исчезновением советской альтернативы западный капитализм потерял все прежние стимулы для самоограничения, которые способствовали его совершенствованию в XX веке. Во-вторых, новые периферийные участники мир-системы стали выглядеть более экономически эффективными. При этом они успешно совмещают рынок и авторитарный политический режим, подавляя профсоюзы и культурное разнообразие и за счет этого снижая издержки извлечения прибыли и приумножения капитала. Фукуяма жестоко

Отсутствие мировой системы социализма как глобального вызова привело к деградации либеральных институтов международной кооперации

ошибался в своих ожиданиях, думая, что включение Китая в глобальную капиталистическую систему приведет к его демократизации. Напротив, китайская модель рыночного авторитаризма становится все более привлекательной для многих стран, включая ядро мир-системы. Наконец, главное — отсутствие мировой системы социализма как глобального вызова привело к деградации и постепенному демонтажу не только пресловутого welfare state, но и либеральных институтов международной кооперации. В течение прошедших 35 лет мы сами не заметили, как оказались в мире до 1917 года. Решающую роль в этом мире играют монопольный капитал, право сильного и обладающие ими империалистические державы.

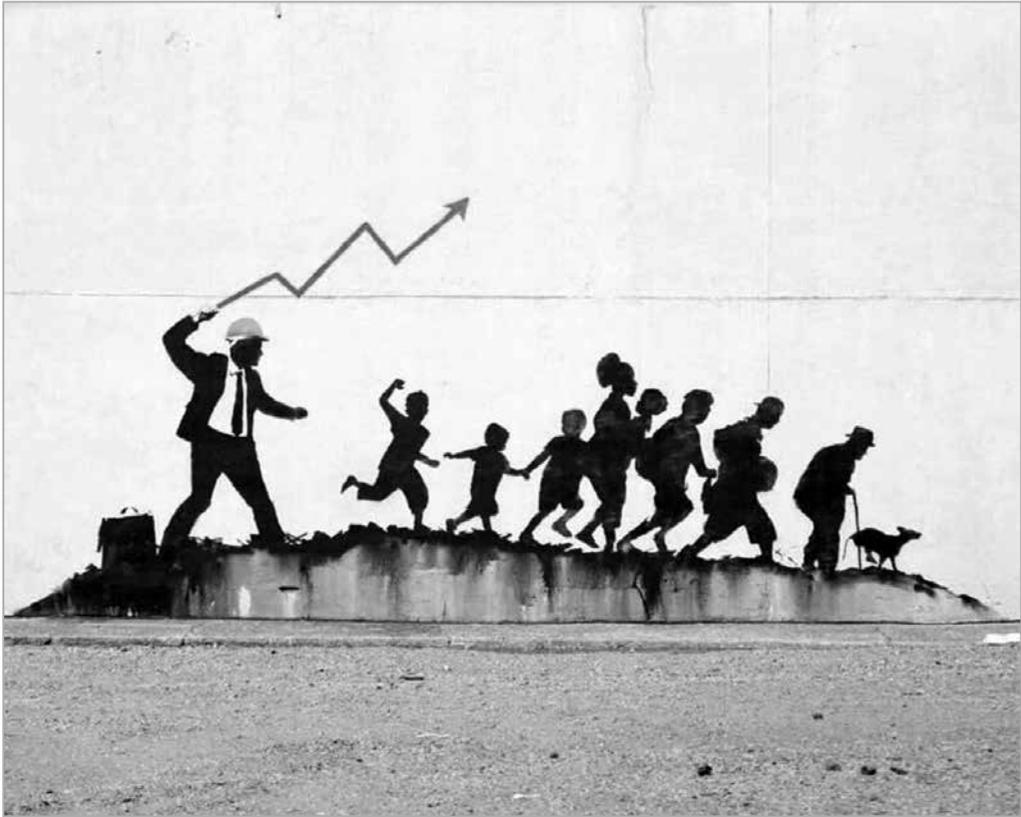
В начале 2025 года неожиданно для многих вдруг снова стало очевидно, что в мире борются не демократия и авторитаризм, не «империя зла» против сил света. Как и сто с лишним лет назад за власть на международной арене сражаются несколько крупнейших империй, готовых

Микеланджело Пистолетто (Michelangelo Pistoletto). Венера тряпичная. 1967/74

в любой момент уничтожить друг друга и весь остальной мир. В этом принципиальная разница между текущей ситуацией и Первой мировой войной, которая привела к десяткам миллионов жертв, но не стоила жизни всему человечеству. Поскольку теперь мировые сверхдержавы обладают оружием достаточным для многократного уничтожения всего живого на Земле, империализм может стать не просто высшей и последней стадией развития капитализма, но и полным концом истории не по Фукуяме. Если пандемия «испанки» в 1918 году во многом положила конец той большой войне, то COVID-19, вопреки несбывшимся прекраснотушным либеральным ожиданиям, выглядит теперь как вестник страшной катастрофы, в которую мир погружается все глубже и глубже.

Смогут ли США, Китай, Европейский союз и Россия образовать новый «квартет великих держав» и поделить между собой большую часть остального мира? По крайней мере, мы можем допустить это в случае Трампа, Си Цзиньпина и Путина. Страшным ударом по европейскому единству стал бы очередной, невесть какой по счету территориальный раздел в Восточной Европе. Раздел мира, однако, никогда не бывает окончательным. Вслед за ним неизбежно разгорается борьба за передел,

Бэнкси. Капитализм. 2024

все согласно классикам. В отсутствие каких-либо регулирующих институтов и в условиях продолжающейся безудержной погони за прибылью взаимное отчуждение и перманентное противостояние основных мировых сил практически неизбежны. «Больше капитализма, меньше демократии!» — таков лозунг текущего момента. Беда в том, что в нынешнем столетии, в отличие от предыдущего, нет и не предвидится даже такой в итоге оказавшейся фантомной альтернативы существующему мировому укладу, каким был советский проект. Социализм потерпел крах, капитализм скинул с себя лицемерную маску либеральной добродетели и пустился во все тяжкие. Просвета на горизонте пока совершенно не просматривается, тем более никто больше не готов жертвовать жизнью ради свободы. Идея революции предана очень давно, свобода принесена в жертву материальному достатку, а равенства никогда и не было. Похоже, нас ждут очень тяжелые и мрачные времена. Мы вполне заслужили их собственным прекраснодушием, беспечностью и безответственностью перед собой и историей.

«Больше капитализма, меньше демократии!» — таков лозунг текущего момента

Предваряя свое выступление, Хакан Алтынай сказал: «Мы должны критически относиться к общепринятому представлению о Западе. Нам нужно обсуждать, каким он мог бы быть. На каждого Декарта, к счастью, найдется Спиноза, а еще лучше — Рильке. На каждого Адама Смита — Томас Пейн. На каждого Герберта Спенсера — Иоганн Гете. На каждого Чарльза Дарвина — Петр Кропоткин. На каждого Милтона Фридмана — Элинор Остром. На каждого Томаса Фридмана — Дэвид Брукс. Великой хартии вольностей была необходима Лесная хартия для обеспечения жизненно важного Allemansrätten — право каждого перемещаться в пространстве. Свобода — это прекрасно, но не без братства».

*Хакан Алтынай,
профессор Университета
Тафтса, Бостон,
директор-основатель
Европейской школы
политики в Стамбуле*

Борьба за демократию*

Мы можем назвать огромное число преступников, которые являются врагами демократии. Я родом из Турции — мы ищем врагов повсюду. А что, если врагами являемся мы сами? Я убежден, что никто не может навредить Турции больше, чем сами турки. Так же я убежден, что никто не может навредить России больше, чем сами русские. А Америке — сами американцы. Однако это так не везде. Например, другие страны могут причинить Ливану больше вреда, чем сами ливанцы. Но я бы предложил взглянуть на борьбу за демократию иначе.

В названии вашей Школы есть слово «гражданский». Это чрезвычайно важно — именно «гражданский», а не «политический». Политика без гражданственности вредна. Аристотель сказал: «Ο άνθρωπος πολιτικό ζώο». Очень часто это переводят: «Человек — это политическое животное». Но я бы перевел иначе: «Человек — это гражданское животное». Между гражданственностью и политикой есть разница. Политика — это власть, а современная политика предполагает чрезвычайное количество власти и строится на вертикальных отношениях, тогда как гражданственность — это общность и, как следствие,

* Выступления на семинаре Школы в Вильнюсе 17 ноября 2024 г.

в ее основе горизонтальные отношения. Мы потеряемся, если не будем обращать внимания на братство и будем думать только о свободе и равенстве. Мир станет технократической головоломкой, что, как мне кажется, последние несколько десятилетий и продемонстрировали — предельный уровень свободы и равенства без внимания к братству.

Мы находимся в истории, которая крайне рациональна, в этой истории нет ничего естественного. Но всегда была развилка. На каждого Декарта был свой Спиноза и на каждого Дарвина — свой Кропоткин. Или Томас Пейн, который предположил, что, чтобы политические революции, произошедшие во Франции и США, имели смысл, должна произойти цивилизационная революция, в которой каждый 21-летний получит участок земли, и благодаря этому у него не будет долгов. Дополнительно нужно позаботиться обо всех людях старше определенного возраста. Это звучит как фантазия, место которой в XVIII веке, однако напомним, что Брюс Акерман, известный современный профессор права Йельского университета, выдвинул похожую идею в книге *The Stakeholder Society*^{*}, согласно которой каждому, кому исполняется 18 лет, должно быть предоставлено 250 тыс. долларов, которые он может потратить на университетское образование, покупку дома или открытие бизнеса. Никто не должен начинать жизнь с долгами — начинать нужно с активами.

Экономисты могут возразить: «Как мы будем это финансировать?» Акерман предлагает ввести налог на богатство в размере 2%. То есть, если вы не Джордж Сорос или Уоррен Баффет, вы не сможете делать деньги из денег в такой ситуации. Богатство будет уменьшаться, и все в обществе будут более или менее равны. Почему мы не читаем об этих вещах, а читаем о Милтоне Фридмене, который говорит, что жадность — это хорошо.

Нам дорого обошлось равнодушие к таким вещам. Возможно, некоторые из вас помнят 1999 год. Тогда мир был занят проблемой Y2K, вирусом, который должен был испортить наши компьютеры, когда 31 декабря наступит полночь. Вспомните, что произошло потом.

Обама был президентом, но в ходе опроса американцев выяснилось, что вымышленный президент Андервуд из «Карточного домика» — дикий человек, убийца — более популярен, чем Обама. Потом был министр обороны в администрации Трампа, которого спросили, что не дает ему спать по ночам. Он ответил, что раскол в США. Не Россия, не Китай или ИГИЛ, а «мы». Как министр обороны он знал об угрозах, которые несут

*Современная политика
строится на вертикальных
отношениях, тогда как
гражданственность —
это общность и в ее основе
горизонтальные отношения*

^{*} Ackerman B., Alstott A. *The Stakeholder Society*. New Haven: Yale University Press, 2000.

слабые стороны его общества. Тогда же была пандемия. Вы можете любить или не любить Билла Гейтса, но большинство американцев считают его ответственным за пандемию. То есть человека, который писал о том, что это произойдет, стали считать причиной событий. Помните, как президент Макрон закрыл элитный университет, который он окончил, потому что «желтые жилеты» посчитали этот университет пережитком привилегий.

О чем говорят эти события? Пока мы были заняты ошибкой Y2K, в наших обществах возникли серьезные проблемы. Мы не проявили доброй воли и доверия, чтобы управлять здоровыми обществами, потому

Есть слово, которое мы недооцениваем.

Общение.

А кто учит нас слушать?

что проигнорировали братство, общинность, заботу. Однажды ученики спросили Конфуция, какие три вещи являются необходимыми в обществе. Еда, безопасность, доверие, ответил он: «Старые должны жить в покое, друзья должны быть правдивыми, младшие должны проявлять заботу о старших».

Умные ученики продолжали: «От какой вещи вы не

откажетесь, если бы было нужно отказаться от двух других?» Он ответил: «Я откажусь от еды, я откажусь от безопасности, но не от доверия». Потому что, если у нас нет доверия, мы не сможем производить еду и безопасность. Но мы забыли об этих вещах. Доверие не входит в наш лексикон. Мы «пастеризовали» наш язык и сделали это на свой страх и риск.

Есть еще одно слово, которое мы недооцениваем. Общение. Это величайшее изобретение человечества. Мы говорим: у нас есть клубы, дорогие курсы о том, как выступать публично, книги типа *Speak Like a TED Talker**, мы стремимся делать отличные презентации. А кто учит нас слушать? Как научиться слушать хорошо? Мы полагаем, что слушание происходит автоматически, просто сидим и слушаем, а звук попадает в наше ухо.

Если вы заинтересуетесь бенедиктинской верой, даосизмом или персидским поэтом-суфием Руми, то вы узнаете, что нужно слушать сердцем. Не ушами. Разве мы слушаем для того, чтобы немедленно отреагировать и одолеть собеседника? Или мы слушаем, чтобы понять? Слушаем ли мы врага, противника или того, кто временно отдалился от нас? Говорят, Авраам Линкольн сказал: «Мне не нравится этот человек, я должен узнать его получше». В какой момент мы утратили эти привычки и языки доброжелательности? Исследования показывают, что, если вы чувствуете, что вас слушают, вы сами становитесь лучшим слушателем. Порочный круг, в котором я не слушаю тебя, а ты не слушаешь меня, и в итоге мы начинаем кричать. Добродетельный круг, в котором

* Имеется в виду: Gallo C. *Talk Like TED: The 9 Public-Speaking Secrets of the World's Top Minds*. London: Pan Macmillan, 2017.

я слушаю вас со 110% внимания, с намерением понять, не рассматривая вас как врага, а как равного, как товарища. И тогда вы отвечаете мне тем же. С гражданственностью и беседой сопряжено любопытство. Находим ли мы друг друга достойными нашего любопытства или нам кажется, что мы уже все поняли и готовы проповедовать достоинства демократии и свободы? Хорошее слушание невозможно без любопытства, поэтому нам нужно проверять, достаточно ли мы любопытны.

И последнее — это ответственность. Если вы заявите в Турции, что вы организация, основанная на правах человека, это прозвучит так, будто вы непогрешимы: если вы правозащитная организация, то все, что вы делаете, должно быть безупречным. Я думаю, что это чушь. Мы не

организация, основанная на правах. Мы организация, основанная на ответственности, и я очень рад, что так оно и есть. Права без ответственности бесполезны. Есть две группы людей, у которых есть права без ответственности, — это короли и дети, и я не хочу быть ни тем, ни другим. И я не хочу, чтобы вы были. Я хочу быть с равными, чтобы мы были братьями, имеющими как права, так и обязанности. Ответственность проистекает из отклика, то есть я ответственен перед вами и восприимчив к вашим вопросам. И я не думаю, что общество может существовать без ответственности. Ответственность — это обязанности, о которых мы договариваемся вместе, то есть без моего согласия не будет ответственности. Но я соглашаюсь на это, потому что считаю вас себе равным, а мы взаимозависимы и фактически являемся одним целым.

Все мы, живущие здесь и сейчас, являемся бенефициарами любви, заботы, внимания людей, которые пришли до нас. Мы являемся наследниками добрых дел многих. Мы в долгу перед ними. Но можем ли мы вернуть этот долг? Нет, но мы отдаем его вперед. Мы пользуемся тенью некоторых деревьев, а затем сами сажаем деревья, чтобы их укрытие приносило пользу людям, которые придут после нас. Мне нравится отдавать свои долги, и всем нам нравится. Так что если общество будет таким, если мы не захотим прерывать эту цепочку возвращения долга, будет хорошо. Поэтому я предлагаю обогатить наш лексикон такими понятиями, как забота и сообщество, товарищество, гражданственность, а еще любовь. По-настоящему наивными являются те, кто думает, что можно управлять обществом без таких вещей, как любовь.

Я предлагаю обогатить наш лексикон такими понятиями, как забота и сообщество, товарищество, гражданственность

*Лисбет Пилегардт
(Дания),
председатель
исполнительного
комитета Европейского
фонда за демократию*

*У нас много
предубеждений,
которые не всегда
позволяют нам
идти напрямую
к трансформации*

Хакан говорил об обязанностях и ответственности. В так называемых классических демократиях — там, где демократия существует уже давно, — люди забыли о личном чувстве долга и ответственности. Мы привыкли к тому, что у нас есть безопасность, еда, доверие, и для этого не нужно прилагать особых усилий. И сейчас мы видим, что это не очень хорошая стратегия, потому что демократия — как мышца. Ее нужно тренировать. Нужно делать упражнения каждый день. А мы как бы самоуспокоились. Можно извлечь очень интересные уроки из этого. Вы являетесь защитниками демократии, хотя вы, может быть, и не испытали ее на себе, но вы хотите жить с теми преимуществами, которые дает демократия. В некотором роде обязанности также представляются как нечто негативное. А я думаю, что иметь обязанности в обществе и нести ответствен-

ность — это прекрасно. Это то, что нам нужно заново изобрести в старых демократиях. Мы видим, что у молодого поколения есть трудности, потому что они лишены чувства общности и чувства долга.

Здесь, на семинаре, вы стремитесь помочь себе и друг другу изменить ситуацию и поддержать изменения в своей волонтерской деятельности, в своих личных преобразованиях. Меня очень занимает вопрос трансформации и того, как мы все меняемся каждый день. Но как мы развиваем то, что приводит к переменам? Где эта точка, в которой мы хотим совершить изменения? Мы еще не знаем, что нужно действительно менять и как добраться до той точки, в которой мы сможем сказать, что теперь что-то действительно изменилось и я подействовал этому.

Перед нами много препятствий или предубеждений, которые не всегда позволяют нам идти напрямую к трансформации. Но вы находитесь на этом пути — в процессе перехода, нравится вам это или нет. Помните, что вы есть друг у друга, потому что этот переход — непростое место. Вы идете и не знаете, каким будет следующий шаг, но он будет. Я хочу сказать о доброте — это прекрасное слово, и почему-то оно тоже было немного забыто. Доброта связана со словами, сказанными Хаканом о доверии. Доброта — это то, что есть в каждом из нас. Но она может исчезнуть или быть скрыта за насильем в разных формах и проявлениях. Доброте тоже нужно учиться. Ее нужно тренировать. Мы можем утверждать, что мы добры к тем, кто нам нравится, кого мы знаем, кто рядом и с кем мы чувствуем себя в безопасности. Но я не уверена в своей доброте, когда мне не нравится человек или я боюсь его, или я не согласна с ним.

Это наши предубеждения, и у нас их масса. Как же противостоять собственным предубеждениям? Большинство из нас хорошо их знает. Мы все получили образование, учились во множестве учебных заведений, но иногда просто срабатывает человеческий инстинкт, иногда мы просто чувствуем. Вот есть что-то, чего я, например, боюсь, что мне не нравится, чего я опасуюсь. И в этот момент надо остановиться и спросить: «Что это?» И проявить любопытство, о котором говорил Хакан: «Почему я это чувствую?»

Я знаю, что вы не очень любите политику, но нам нужны политические лидеры, чтобы быть добрыми, любознательными и вести за собой в будущее. Демократия процветает не только благодаря разнообразию, но и благодаря инклюзии. Разнообразие нас не пугает, но сегодня наблюдается другая тенденция — поляризация и фрагментация. Недемократические лидеры живут на широкую ногу, способствуя поляризации, подпитывая страх среди нас. Нам нужно это менять, чтобы оказаться там, где мы будем доверять друг другу и видеть в этом пользу.

Я не хочу заниматься продвижением демократии, потому что она должна расти сама по себе. Я поддерживаю ее там, где могу, но у нее есть своя жизнь. В каждой стране она выглядит по-своему. Но она позволяет людям процветать. Исследования подтверждают, что там, где демократия развивается, люди живут дольше, они в большей безопасности и более здоровы. И я думаю, что это основные условия, которые мы хотели бы обеспечить людям. Сейчас это кажется лучшим способом самоорганизации. Далее мы сможем обсуждать, как это будет выглядеть в будущем. Демократия и политические партии должны развиваться, а гражданская активность расти. Это происходит медленно, но вокруг много ростков.

Некоторое время назад я была в Палестине и разговаривала с одним — уже пожилым — лидером в области прав человека. Мы говорили о будущем Палестины, которая находится в трагической ситуации. И он сказал: «Я не увижу свободы, я не увижу справедливости в мое время. Но, возможно, ее увидят мои внуки. Пусть не мои дети, но хотя бы мои внуки». Это тоже часть нашей работы и борьбы за то, чтобы горел этот свет. Те демократии, которые существуют сегодня, сформировались не сразу. В моей стране на это ушло более 200 лет. Мы должны иметь терпением, несмотря на возможные разочарования, потому что вы хотите видеть перемены и хотите действовать здесь и сейчас. Но поверьте мне — вы действуете и способствуете переменам. Хотя иногда кажется, что это происходит слишком медленно.

Дискуссия: вопросы и ответы

Миша, Тбилиси: Грузия переживает трудные времена. Последние два года мы протестуем против так называемых российских законов и фальсификации выборов. И все больше друзей меня спрашивают: «Где же Запад?» И я хотел бы спросить, почему Запад часто не поступает так, как проповедует? Почему у Украины нет необходимого оружия для борьбы с империей? Почему Иванишвили, укравший выборы, до сих пор не наказан? Почему нефть, газ и стратегические интересы важнее, чем демократия или права человека?

Сергей: У меня вопрос к Хакану. Почему вам кажется важным провести различие по экономической части? В академических терминах я классический либерал. Или же правый гуманист. При этом пока мы проводим это разделение, мы проиграем и левым, и правым, то есть авторитарному союзу левых и правых. Я живу в Германии, и у нас есть блок Сары Вагенкнехт и «Альтернатива для Германии». Не кажется ли вам, что пока мы обсуждаем между собой разногласия экономического характера, мы проигрываем борьбу авторитарному профсоюзу, авторитарному интернационалу, независимо от того, каких экономических взглядов они придерживаются.

Мариам, Грузия: Я думаю, что умение слушать важно для решения проблемы поляризации. В Грузии общество расколото. Когда идет дискуссия, люди не слушают друг друга. И я тоже пытаюсь приучить себя слушать, но это очень трудно. Я очень ориентирована на практичность, потому что работаю в сфере финансов, и я всегда хочу иметь

инструменты, чтобы что-то сделать и что-то изменить. Вопрос «почему?» важен, потому что при поляризации важно уметь задать пять «почему?» или семь «почему?». Важно действительно понять первопричину спора, который ведет человек, выслушать его, не отвечать, а слушать. И я думаю, что эти две практики — задавать вопросы и слушать — ведут нас к доверию. Мы не можем доверять, если мы не понимаем друг друга. Что еще вы можете посоветовать такому обществу, как Грузия, для укрепления доверия друг к другу?

Л. Пилегаардт: Итак, первый вопрос от грузинского коллеги — почему мы наблюдаем лицемерие или отсутствие действий со стороны Европы? Потому что это и есть лицемерие. Я не знаю, почему так происходит, но я согласна, что оно имеет место быть. Я думаю, это одна из проблем так называемых классических демократий. К сожалению, не всякое общество идеально, и много где вы увидите эти лицемерные действия. Но я полностью согласна и разделяю ваше разочарование. У нас нет единого политического направления.

Вернемся к продовольственной безопасности и доверии. Для Европы эти проблемы имеют другой приоритет, нежели тот, который, по вашему мнению, должен быть у Грузии. Мы также можем сказать и о других странах. Чья безопасность стоит на первом месте? Иногда та, что находится ближе всего. Это позор и разочарование, что ЕС, который в других случаях твердо поддерживал Грузию, теперь молчит. На самом деле ЕС не знает, на что опереться. Надеюсь, это изменится. Я надеюсь, что вы продолжите борьбу в Грузии, вас ждут трудные времена. В разговорах с

грузинскими активистами я часто ссылаюсь на опыт белорусов — то, как они живут, и то, как действуют и как разрабатывают инструменты, чтобы ориентироваться в условиях репрессивного режима. Пора готовиться к очень тяжелым временам.

Х. Алгынай: Начну с вопроса от российского классического либерала. Если наше определение человека будет узко рациональным, у нас возникнут проблемы.

Мы глубоко связаны друг с другом, взаимозависимы и просто зависимы от наших социальных и природных связей. Любой рассказ о том, что такое человек, не учитывает всего, что заключено в человеке. Приведу пример. Вчера я был в Тиране, где мы говорили об этом. Немецкий климатолог Йоахим Шелльнхубер, директор Потсдамского института климата, посчитал: каждый раз, когда мы делаем вдох, мы забираем одну молекулу углекислого газа из последнего вдоха всех, кто жил за последние 2000 лет. Подумайте об этом. Это невероятно! Возможно, вы скажете — это же всего одна молекула, какая разница? Но это метафора всех этих связей.

Расскажу коротко о школе политики в Стамбуле. Мы приглашаем в эту школу всех желающих — симпатизирующих и правым из AfD, и левым из Die Linke. У нас жесткие исламисты и турецкие расисты сидят в одной комнате с ЛГБТ-активистами и курдскими националистами. Мы не настолько наивны, чтобы принимать всех без разбора — у нас есть определенный процесс проверки. Однако мы всегда рядом друг с другом, и все понимают, что имеют равный статус. Поэтому лично я не

хочу никого дисквалифицировать.

Лисбет процитировала пожилого мужчину из Палестины, который сказал: «Справедливость не будет достигнута при моей жизни, но, может быть,

Эти две практики – задавать вопросы и слушать – ведут нас к доверию

при жизни моих внуков». Очень легко выступать за справедливость в справедливом обществе. Для этого многого не надо. Если справедливость не будет возможна в течение вашей жизни, будете ли вы по-прежнему работать на благо справедливого общества? Или попытаетесь увеличить свою долю несправедливости? Это легитимная и, безусловно, широко практикуемая стратегия. Но вы не можете работать на увеличение своей доли несправедливости и при этом утверждать, что работаете на справедливость. Я бы сказал таким людям, что буду работать ради справедливого общества, даже если бы знал, что оно невозможно при моей жизни, потому что само дело — это награда, и люди, с которыми я работаю — это награда. Справедливость и добродетель — это

Справедливость и добродетель – это инструменты, средство достижения цели или сама цель?

инструменты, средство достижения цели или сама цель? Для меня они самоцель. Я буду работать ради них, даже если они не будут реализованы при моей жизни.

Я много работал над вхождением Турции в ЕС. И по-прежнему хочу этого, даже если это неосуществимый

проект. Но нам не рады. Самое простое доказательство — это попытка получить визу или пройти пограничный контроль. Совершенно ясно, что нам не рады. И я не хочу, чтобы турки делили свой суверенитет с людьми, которые их презирают. Было бы неплохо, если бы мы стали членом Евросоюза. Это сэкономило бы время на достижение тех вещей, которые я хотел бы видеть, но это не в моих силах, и я чувствую,

*Это нормально, что мы
не согласны друг с другом,
но я хочу, чтобы меня
выслушали*

что обманываю своих соотечественников, считая, что это осуществимая перспектива. Я смирился с этим фактом. Поэтому я пытаюсь найти способы отстаивать справедливость, верховенство права, добродетель, солидарность без ЕС.

Я не смею вам советовать, что надо делать в Грузии. Доверие легко потерять и трудно восполнить, но тот факт, что это трудно, не должен заставлять нас останавливаться. Мы должны пытаться. Исследования показывают, что просто знакомство с человеком не заставляет вас доверять ему, но, если вы начнете делать что-то вместе, то обнаружите, что можете друг на друга положиться. Финансовый капитал дешевле социального, но без социального капитала нам не обойтись. Кажется, Роза Люксембург сказала: «Социализм или варварство». Сейчас мы имеем либо социальный капитал, либо дикую ситуацию.

Вы говорите, что слушать трудно. Совершенно верно. Гораздо проще говорить и кричать. Но тот факт, что

это трудно, не значит, что мы должны отступить. Когда произошел взрыв в баптистской церкви на 13-й улице и были сожжены черные девушки, Мартин Лютер Кинг сказал: «Я не собираюсь ненавидеть своих белых братьев». Это было трудно. Это ἀγάπη — агапэ. В греческом языке есть три слова, обозначающие любовь: эрос, филия и агапэ. Агапэ — это даже не любовь, а что-то вроде доброй воли, желания. Послушайте Мартина Лютера Кинга, Джона Льюиса и Джеймса Болдуина, который сказал: «Чем старше я становлюсь, тем больше понимаю, что никакие институты — ни дружба, ни даже романтика, ни приличные человеческие отношения — не могут существовать без агапэ». Потому мы и слушаем, что существует минимальная любовь-агапэ, которая необходима во всех человеческих отношениях.

Л. Пилегаардт: Многое из того, что мы обсуждаем, касается механизмов разрешения конфликтов и инструментов, которые вы можете использовать, когда спрашиваете, с помощью чего выходить из конфликтов. Что вы делаете, например, как медиатор? Вы можете слушать и содействовать созданию пространства для слушания. Люди находятся в конфликте, они говорят: «Это нормально, что мы не согласны друг с другом, но я хочу, чтобы меня выслушали». Вы не обязаны соглашаться, но вы должны меня выслушать. И мы можем закончить разговор мирно, необязательно думать одинаково, но прислушайтесь к моей точке зрения. Это те вещи, которые нам нужно тренировать. Нам свойственно позиционировать себя, и мы застреваем в этих позициях и ругаемся. Но важно просто пытаться продолжать

спрашивать: «Почему? Почему? Почему?» Когда вы будете разговаривать, например, с детьми, вы увидите, как они успокоятся, потому что получают возможность сказать о том, что было несправедливо. Их выслушали. И таким образом вы смягчили ситуацию и конфликт.

Ю. Сенокосов: Я хочу поделиться опытом возвращения к доверию. Мне помогает в этом русский язык. В каждом языке и каждой культуре накапливается синонимический ряд каких-то слов. Допустим, у чукчей есть около 10 слов для обозначения состояний, связанных со снегом. И вот в русском языке есть два потрясающих слова. Я на это обратил внимание, читая впервые словарь Даля. Тогда меня волновала проблема веры, которая исчезла, за 70 лет советской власти страна стала атеистической, вместе с верой исчезла и метафизика, появилась другая вера, дьявольская. И тогда я увидел разницу в русском языке между верой и убеждением. Мне кажется, слово убеждение приближает нас к пониманию доверия, потому что слово «убеждение» от слова «беда». У Даля в словаре приводится пример: «Убедила меня смерть жены». То есть смерть конкретного человека. Не мученическая смерть Христа. А я прочитал и думаю: «Боже, как это? В чем она тебя убедила? В смерти? Это как? Как тогда быть?»

Да, утрата веры связана с пережитым ужасом террора в 1930-е годы в Советском Союзе. Но она осталась в виде убеждения, и власть продолжает верить в насилие. А меня то, что случилось, убеждает в другом. Меня это возвращает к доверию, когда мы переживаем сегодня ужас ГУЛАГа. Поэтому,

я считаю, стоит внимательно относиться к синонимам, к антонимам в разных языках. Некоторые слова очень трудно переводить. Но помогают синонимы.

То есть, когда мы говорим о понимании, очень важно обращать внимание на оттенки, которыми можно выразить невыразимое мыслью. Ее надо каким-то усилием держать. Каким? А тем самым, которое прикладывает, например, ребенок, учащийся играть на пианино, и постепенно он накапливает тот опыт, который передает неповторимую гармонию исполнения. Обретенное усилие мысли помогает понять, что такое вера в то, что человека нельзя убивать, что действительно есть ценность, а не только цена человеческой жизни.

*Обретенное усилие мысли
помогает понять, что такое
вера в то, что человека
нельзя убивать*

Участник: Я из Украины и хотел сначала поделиться своим ощущением в связи с репликой, что Грузию ждут тяжелые времена. Я понимаю, что это не ваши слова, это просто такая реальность. Но я в этом вижу параллель с отношением к Украине Запада после аннексии Крыма. Тогда Запад тоже был очень озабочен, были какие-то очень небольшие санкции, и ничего не произошло. А после этого началась война. И сегодня говорят: «Вас ждут сложные времена...» Но это не работает. В обществе есть полиция, и, например, в случае домашнего насилия, когда жертва готова посадить мужа или скрыться с детьми, то ей есть, куда обратиться. А в международных отношениях у нас нет того, кто выше. И мы должны как-то

договариваться. У стран есть рычаг — санкции. Но их не хватает. Почему, на ваш взгляд, Запад не понимает таких банальных вещей? Ведь лучше решать проблему, когда она только появилась, чем когда она превращается в трагедию.

Валерий: Вы много говорили о справедливости и о доверии. Что, на ваш взгляд, важнее — справедливость или милосердие? Что из этого больше способствует доверию?

Участник: У меня комментарий и вопрос. Я считаю, что очень важно верить в то, что изменения возможны, независимо от того, когда они произойдут. Я из Литвы, и тут была лекция, на которой было сказано, что литовцы похожи на неоидеалистов в своей вере в то, что что-то может произойти. И вы можете называть это наивным заблуждением, но я считаю, что это часть стратегии: если люди будут продолжать говорить, что ничего нельзя изменить, например, в разговорах о России — о том, какая это страшная история, то ничего не произойдет. Раз ничего не изменится, и тогда зачем беспокоиться, верно? Поэтому очень важно продвигать другой нарратив и показывать, что перемены возможны. Я верю, что здоровая самокритика, что вот есть вещи, которые нужно изменить, дает надежду. Как долг и право, свобода и ответственность — две стороны одной медали. Каким, по вашему мнению, должен быть нарратив, посылаемый на Запад, чтобы заставить его слушать и слышать?

Виктория, Барселона: Мы с моими коллегами в Барселоне занимаемся привлечением внимания к отношению европейских людей к ситуации в Украине. В Украине почти три года идет война, и почти три года лучшие люди

отдают жизни на фронте за свободу и за братство. Европа рассуждает уже несколько лет о том, что у Украины есть перспектива войти Евросоюз. Спасает ли это жизни людей, если мы говорим о том, что жизнь человека — наивысшая ценность?

Участник: В наше время сложно спорить с людьми, потому что мы живем в мире, где под влиянием очень жестких событий, сильных и обычно негативных эмоций люди начинают формировать свою позицию вокруг каких-то политических призраков. Я, например, ненавижу, когда меня спрашивают, левый или правый я. Я не знаю. С точки зрения социальной политики, наверное, я левоцентрист. С точки зрения возможностей для бизнеса, наверное, я правоцентрист. Но на объяснения уходит очень много времени. Когда меня спрашивают, за Израиль я или за Палестину, я не могу ответить. Я сторонник Палестины — государство должно существовать, но я не сторонник Палестины и не могу оправдывать то, что люди там делают и какую власть они избрали, например, в 2006 году. Итак, с вашей точки зрения, как нам преодолеть это мышление? Как начать спорить с людьми по каким-то отдельным вопросам, а не по всей картине мира?

Л. Пилегаардт: Когда я говорила о Грузии, я выступала как эксперт по гражданскому обществу и как человек, который поддерживает гражданское общество. Я говорила как друг о том, как, к сожалению, сейчас будет выглядеть реальность. Я не политик, а ваш вопрос о поддержке, я думаю, должен быть адресован им. И я согласна с тем, что так называемый Запад — мне не нравится эта терминология, но это

неважно — не видел несправедливости и насилия, которые происходили в непосредственной близости. Мы не увидели этого и не отреагировали в достаточной степени. Это слабость наших демократий, о которой я говорила вначале. Мы думали, что произойдут перемены, потому что другие увидят, как мы живем, и это будет привлекательный пример для них. К сожалению, так не произошло.

Я также думаю, что общество движется волнами. Мы были на стороне защиты демократии и меньше на стороне нападения — это новый способ работы, который еще предстоит разработать. Что значит быть на стороне нападения, когда вы хотите поддержать и развить мысль о демократии? Вопрос о том, как это сделать, очень деликатный, мы не должны копировать те плохие действия, в результате которых некоторые навязывают свои убеждения. И по поводу сложности — прежде всего нам нужно признать, что она существует, и не переходить быстро к проявлению себя с какой-то позиции. Просто скажите: «Моя позиция сложная. Я не могу сейчас высказать свою позицию». Кому-то это покажется неудобным, кого-то спровоцирует, но, я думаю, что мы должны иметь право сказать: «Сейчас я не знаю, как ответить. Мне нужно об этом подумать». И это одна из главных ошибок всей нашей политической системы: мы отвечаем быстро и агрессивно, у нас есть ответ на все. И тем самым совершаются тонны ошибок. Мы создали систему, в которой у нас нет времени, и, надеюсь, мы попытаемся изменить это. Нам нужно время, чтобы подумать и при необходимости передумать. Нам нужно иметь мужество сказать: «Я совершил ошибку. У меня

была позиция, но я собираюсь ее изменить — теперь я слушаю вас, и ваши слова кажутся мне гораздо умнее».

Я хочу упомянуть одного врага, о котором мы еще не говорили — это маленькая штука, которая у вас перед глазами, телефон. Вы думаете, что он дает вам душевный покой или передышку, а на самом деле он портит мозг. Он мешает вашей способности концентрироваться, присутствовать и сосредотачиваться. И мы все становимся жертвами этих телефонов. Поэтому, если вы хотите начать развивать себя и заботиться о себе, не забывайте об этом.

Х. Алтынай: Мудрые люди говорили, что истина кроется в противоречиях. У нас низкая терпимость к противоречиям. Возьмите фразу: «Меньше значит больше». Я думаю, что она чрезвычайно правдива, но с точки зрения логики она не может быть правдой, верно? Или возьмем даосско-дзен-буддийскую максиму о том, что, если вы ищете Будду, вы не сможете найти Будду. Хорошо, тогда как же, черт возьми, я должен найти Будду? Не ища? Это напряжение полезно. Рильке в своем письме к молодому поэту говорит: «Забудьте об ответах, оставьте вопрос». Можем ли мы оставить вопрос? Если мы оставим его надолго, возможно, это приблизит нас к ответу. Но, как сказала Лисбет, мы не обязаны быть всезнайками.

Многие умные люди верят обеим сторонам многих споров. Когда на Клинтона давили, требуя права на аборт, он сказал, что аборт должны быть безопасными, легальными и редкими. Я думаю, третье прилагательное было важным. Феминистка могла бы сказать: безопасными и легальными. Да! Но нет, вы должны также сказать

«безопасный и редкий», потому что это способ дать понять, что вы услышали требования людей, но это не просто слова. Внутреннее развитие выше всего остального. И я слышу в ваших словах призыв не соглашаться. Мы будем не соглашаться. Но должны ли мы не соглашаться так яростно, как мы это делаем, или есть способ не соглашаться лучше? В этом также заключается проблема поляризации.

В каждом обществе, в каждой системе одновременно присутствуют центростремительные и центробежные силы. Могут ли центростремительные и центробежные силы находиться в некотором равновесии? Знаю ли я, что

Вежливость нужна для того, чтобы постоянно сигнализировать друг другу о нашей доброй воле

наши мнения достаточно схожи, чтобы я мог спокойно с вами не согласиться? Или единственное, что нас волнует — это те вещи, по поводу которых мы не согласны? Поэтому, когда мы говорим о том, что общего у нас есть, я думаю, мы облегчаем разногласия. Вежливость — это не просто причуда. Она нужна для того, чтобы постоянно сигнализировать друг другу о нашей доброй воле. Это к вопросу о справедливости, великодушии и сострадании. Очевидно, что это чрезвычайно важный вопрос. Могу ли я не выбирать и желать и того, и другого, и третьего...

Справедливость называют неудачной дружбой. У мусульман есть поговорка: «Справедливость — это халиф дружбы». Звучит очень по-исламски, однако первым это сказал Аристотель.

Мы многое ставим на дружбу. Но это не единственная вещь, которая у нас есть, мы не можем ее не иметь, но мы не можем иметь только дружбу или сострадание. Аль-Фараби, который является исламским политическим мыслителем, говорит, что общества начинаются с любви, но поддерживаются благодаря справедливости — как бифокальная линза. Сначала нужна консумация, а затем и другие вещи для поддержания. Я не вижу никого, кто бы утверждал, что нам не нужна справедливость. Но есть много людей, которые утверждают, что нам не нужны благотворительность и щедрость, и у меня есть к ним претензии.

Адам Смит сказал: «Полагайтесь на собственные интересы мясника и бакалейщика, чтобы обеспечить себе ужин, а не на их сострадание». Милтон Фридман сказал: «Жадность — это хорошо. Не стесняйтесь быть жадными». Макиавелли: «Лучше, чтобы тебя боялись, чем любили». Мы слишком многие такие вещи принимаем за чистую монету и забываем о тех реальных вещах, которые делают общество возможным. Роберт Аксельрод написал книгу под названием «Эволюция сотрудничества»*, где задает вопрос: «Как возникает сотрудничество в мире эгоистов и без центральной власти?» Это теоретико-игровая модель. Затем он стал президентом Американской ассоциации политических наук и выпустил второе издание книги, в котором почувствовал необходимость учитывать щедрость для устойчивости модели. Посмотреть на его интеллектуальное путешествие было бы интересно, но мы уже потратили много времени, поэтому не буду больше его у вас отнимать.

* Axelrod R. The Evolution of Cooperation. New York: Basic Books, 2006.

Дэвид Алтмейд (David Altmejd). Глаз. 2011

История, которая возвращается*

Максим Курников,
журналист

В тюркском направлении

То, что мы называем колониализмом, не всегда понималось одинаково. Более того, как только я произношу это слово или говорю на эту тему публично, я вижу комментарии, которые пишут не боты, а реальные люди: «Россия никогда не была колонизатором! Россия строила школы, строила заводы, несла культуру — разве это колониализм?» Хочется сказать этим людям: вы удивитесь, но это и есть колониализм, вы описали ровно то, с чем вы спорите.

К сожалению, у большинства из нас в голове так или иначе «глобус Москвы». Определение, конечно, шуточное, при желании его можно заменить словом «москвоцентризм».

Те из нас, кто учился в российской школе, учили историю москвоцентричную и петербургоцентричную. Так были написаны учебники, так нам преподносили историю учителя — вообще всё мы воспринимали через соответствующую призму.

Эта модель школьного курса истории, по которой предмет преподается в российской школе по сей день, сформировалась еще при Сталине. Некоторые термины были при нем придуманы, некоторые были взяты из более ранних исторических трудов, но утвердились именно при Сталине. Возьмем термины «централизованное государство», «феодалная раздробленность». Смысл их казался очевидным: одно большое централизованное государство — это хорошо, всякая феодалная раздробленность — как бы уже не очень, раздробленность надо преодолевать. Или, скажем, термин «освоение территорий», например Сибири: раньше там словно бы ничего и не было, но пришли какие-то люди, освоили территорию, и — ура! — смотрите, теперь там есть города, есть то, се, и все теперь прекрасно. Термины эти, с одной стороны,

* Выступление на семинаре Школы в Вильнюсе 16 ноября 2024 г.

маркируют нечто, а с другой стороны, формируют наше восприятие того или иного процесса.

Разумеется, мы с вами сейчас не успеем поговорить обо всей колониальной политике Российской империи в разные периоды. Я остановлюсь на некоторых эпизодах, которые мне ближе в силу биографических причин, — о них мне легче будет рассказать.

Почему мне важно об этом поговорить? Потому что мне хочется вместе с вами попытаться яснее представить себе сегодняшнюю ситуацию в России и ту, что может сложиться в России в ближайшем будущем. Мы будем говорить о тюркском направлении российской колонизации, имея в виду, что несколько тюркских республик до сих пор находятся в составе России.

*Преодоление феодальной
раздробленности – это уже
колонизация или еще нет?*

Важно при этом понимать, что история никогда не повторяется. Если вы видите какие-то похожие процессы, уже бывшие в истории, — замечательно, но это еще не значит, что, раз они похожи, все снова повторится один в один. Чтобы не повторять прежних ошибок, всегда нужно искать какие-то отличия, хотя понимать закономерности тоже необходимо.

Мы не будем сейчас говорить о начале русской колонизации, хотя это интересная тема. Не будем хотя бы потому, что сразу возникают вопросы: преодоление феодальной раздробленности — это уже колонизация или еще нет? И, может быть, правильнее было бы называть колонизацию не русской, а московской колонизацией? Сейчас мы просто обозначим, что эти дискуссионные вопросы существуют.

А когда мы говорим о колонизации, например, Коми, возникают иные вопросы. Мы уже знаем, что там главную колонизирующую роль сыграла религия (и, конечно, оружие).

Если речь заходит о колонизации в тюркском направлении, можно бы, конечно, вспомнить и Касимовское ханство, и многие другие попытки Москвы утвердиться на Волге. Но, конечно, центральным сюжетом той истории является взятие Казани.

Взятие Казани просто перевернуло все, что там было до того. Была прежде очень пестрая территория с различным национальным, языковым, религиозным представительством. Многие ханства восточнее Казани с нею взаимодействовали.

И вот Казань как центр силы исчезает, становится частью Московского царства. Получается, что следующие по географии — это башкиры. Башкиры в то время не имели своего, как мы бы сейчас сказали, централизованного башкирского государства, там были не зависимые ни от кого племена и роды. Московская власть в лице Ивана Грозного подписывала с каждым родом отдельный договор. Приходит новый царь — подписывает новый договор. Так было до прихода к власти Петра I, которому очень не нравилось положение башкир, отличное едва ли не от

всего, что было принято в империи. Он решил провести административную реформу. Роды отказались подчиняться реформе. Башкирские восстания того времени, по сути, прервали контроль Москвы, а потом и Санкт-Петербурга, над этой территорией. Налоги не собирались, по разным источникам, лет пятнадцать-двадцать.

Не очень успешно, умело, грамотно проводилась эта самая колонизация

Интересно, кстати, что вплоть до второй половины XIX века имперский центр (федеральный центр, как мы бы сейчас сказали) плохо представлял себе, сколько там жителей, как они живут, чем и сколько зарабатывают. Попытки как-то описать экономику и население тех мест встречали на протяжении веков жесткое сопротивление — оно было, помимо прочего, и своеобразной башкирской формой уклонения от налогов.

Когда казахский Младший жуз* попросил подданства Российской империи, решено было основать город Оренбург. Его заложили в 1735 году.

Оренбургская экспедиция была большим, долгим**, очень затратным проектом. Первый начальник экспедиции Иван Кирилов побывал на месте основания Оренбурга, но потом уехал в Самару, то есть за 700 километров от Оренбурга, и оттуда управлял экспедицией — притом что там не было дорог, территория постоянно контролировалась восставшими и управлять ею издалека в принципе невозможно. Кирилов умер с долгами примерно в 40 тысяч рублей — сумма по тем временам гигантская. Делать долги было нормальной практикой больших казнокрадов, способом перекладывания денег в собственный карман.

Следующий начальник экспедиции — Василий Татищев. Он, помимо прочего, был известен тем, что во времена, когда казнокрадство не считалось большим грехом, его судили за казнокрадство. Татищев перенес Оренбург на новое место, но строительство фактически так и не началось.

Окончательное место для Оренбурга выбирал уже последний начальник экспедиции, а затем первый губернатор Оренбургской губернии Иван Неплюев***. Тут все оказалось проще: нашли то место, где уже жили казаки. Казаков отселили и построили там новую крепость.

Линии колонизации

Если мы взглянем на Елизаветинские ворота в Оренбурге, мы поймем, как в середине XVIII века империя представляла себе дальнейшую колонизацию. Ворота, установленные на крепостном валу, были

* Жузы — племенные союзы казахских родов. (Здесь и далее прим. ред.)

** Оренбургская экспедиция (комиссия) действовала с 1734 по 1744 год.

*** На месте построенной при Кирилове небольшой крепости теперь находится город Орск.

высотой в человеческий рост, чтобы невозможно было въехать в город на коне, — это защита от конницы, которая могла атаковать город. На самих воротах — ангелы с азиатскими лицами, чтобы внушать: видите, в нашей религии тоже есть такие, как вы!

Попытки христианизации казахов продолжались почти весь XVIII век. Чаще всего они предпринимались во время каких-то стихийных бедствий, голода. Когда казахи Младшего жуза обращались за помощью, они слышали в ответ: «Хотите помощи — пожалуйста. Креститесь!»

Надо сказать, эта практика довольно быстро показала свою неэффективность: казахи, сравнительно недавно принявшие ислам, довольно спокойно относились к прохождению малопонятной им процедуры в церкви и потом не утруждали себя по этому поводу никакими обязательствами.

Как в середине XVIII века империя представляла себе дальнейшую колонизацию

И вот здесь довольно тонкий момент: становится понятно, что колонизация русскими производиться там, в общем-то, не может. Русские не знают казахского языка и не хотят его учить. В степи русские не чувствуют себя в безопасности. Переговоры мало к чему приводят. Однако есть другие тюркские народы, которые в это время уже сотрудничают с Российской империей или уже живут какое-то время внутри Российской империи. Тюркские языки похожи, и ключевая роль в колонизации сначала Казахстана, а потом остальной Центральной Азии переходит к татарам. Огромное значение имели татарские священнослужители, потому что они исповедовали тот тип ислама, с которым у империи уже было налажено взаимодействие, и большое число татарских мулл (разные источники называют разные цифры, но порядка нескольких сотен) поехали в казахскую степь, чтобы там работать и налаживать связи.

Попытки установить какой-то контроль над территорией, которая теперь формально подчинялась империи, предпринимались по нескольким направлениям. Например, судебное направление. У казахов в это время два вида судебного права — адат и шариат. Естественно, право Российской империи не включало ни то, ни другое. Но был, к примеру, опыт Кавказа, где уже пытались наладить отношения, договориться, внести достигнутые соглашения в какой-то сборник документов, который бы признавали стороны. В Центральной Азии и в Казахстане такие попытки провалились абсолютно, причем не потому, что задача была очень уж сложной. Из переписки людей, занимавшихся этим на местах, видно, что они пытались оформить какие-то положения, документы, фиксирующие сложившееся на территории Казахстана право, отправляли донесения в Петербург. Год, два, а из Петербурга нет ответа. Они снова пишут: «Мы вам отправляли... дублируем...» — и через 5 лет получают ответ: «Хорошо, высылайте!» Вот так примерно все происходило. Впрочем, судебная линия не была приоритетной при колонизации.

Судебная линия не была приоритетной при колонизации

Еще одна, классическая линия колонизации — образование. Стало понятно, что детей казахской элиты надо направлять в русские школы, там научить их русскому языку, пониманию «что хорошо, что плохо» — и вернуть назад. Такие школы были созданы во многих городах. В Оренбурге уже в середине XIX века учреждается особая школа*, на которую тратятся огромные деньги, для которой закупается лучшее по тому времени оборудование. В итоге в первом наборе из 30 детей только 5 казахов, остальные — дети местной русской элиты.

Тогда же стояла задача подготовки специалистов, которые бы проводили колонизацию, знали казахский язык, могли вести переговоры. В Казани и в Астрахани открывается несколько школ для сотрудников, как бы мы сейчас сказали, МИДа.

Что же делают поступившие в эти школы «сотрудники МИДа»? Они специально заваливают экзамены по казахскому языку, но отлично сдают экзамены по персидскому языку, потому что осознают: ты можешь поехать в Персию, которая в этот момент является понятным дипломатическим направлением, с ясными задачами, целями, деньгами в конце концов, — либо тебя отправят в степь, где ты смутно представляешь себе свои задачи и перспективы, где ты начинаешь переводчиком (переводчик в то время — низшая ступень дипломатической карьеры) и не понимаешь, в кого ты можешь вырасти. Дипломатические кадры буквально бойкотируют казахское направление. А едут туда люди, которые почему-либо решили, что это интересно, сочли делом своей жизни. Но таких людей единицы.

Такого рода процессы идут в течение XVIII–XIX веков. Территория тогда практически не контролировалась российскими войсками. Вплоть до конца XIX века в бюджет оренбургского губернатора закладывались деньги на выкуп пленных и рабов, потому что люди во множестве похищались, а потом обнаруживались на рынках в Центральной Азии в качестве рабов или заложников, и их выкупали.

При этом надо понимать, что «казачья» колонизация (назовем ее так) происходила и прежде. Довольно крупные агломерации казаков на территории тогдашнего Младшего жуза — теперешнего Западного Казахстана — жили давно, начиная, по некоторым источникам, с XVI века. Что это за люди, как они туда попали?

Казаки того времени — сложное для империи образование. Империя их не контролирует: она с ними иногда договаривается о каких-то функциях, но в целом казаки живут довольно свободно. Часто это беглые люди, промышляющие тем, что, к примеру, грабят идущие по Волге

* «Школа для киргизских детей при Оренбургской пограничной комиссии» (1850). Почти все центральноазиатские народы, в том числе казахи, назывались тогда киргизами (киргиз-кайсаками).

корабли или какие-то торговые предприятия, причем не особенно этого стесняются. А когда Волга замерзает и кораблей нет, они нередко отходят на территорию современного Западного Казахстана, примерно туда, где расположен сегодняшний Уральск. Там у них свои поселения, там они живут.

Именно в этой среде зародилось пугачевское восстание. Было оно крестьянским или казачьим, сейчас подробно разбирать не станем, на этот счет есть много разных мнений. Но, так или иначе, казахи и башкиры с удовольствием присоединяются к восстанию.

Кстати, интересно, как восстание воспринималось в Петербурге. Ведь Пугачев выдает себя за убитого мужа Екатерины II. И при дворе ходили слухи, что это не Пугачев, а, может быть, действительно человек, имеющий некоторые права на трон. Поэтому империя восприняла восстание Пугачева всерьез — как экзистенциальную угрозу.

Ты подавляешь, тебя подавляют

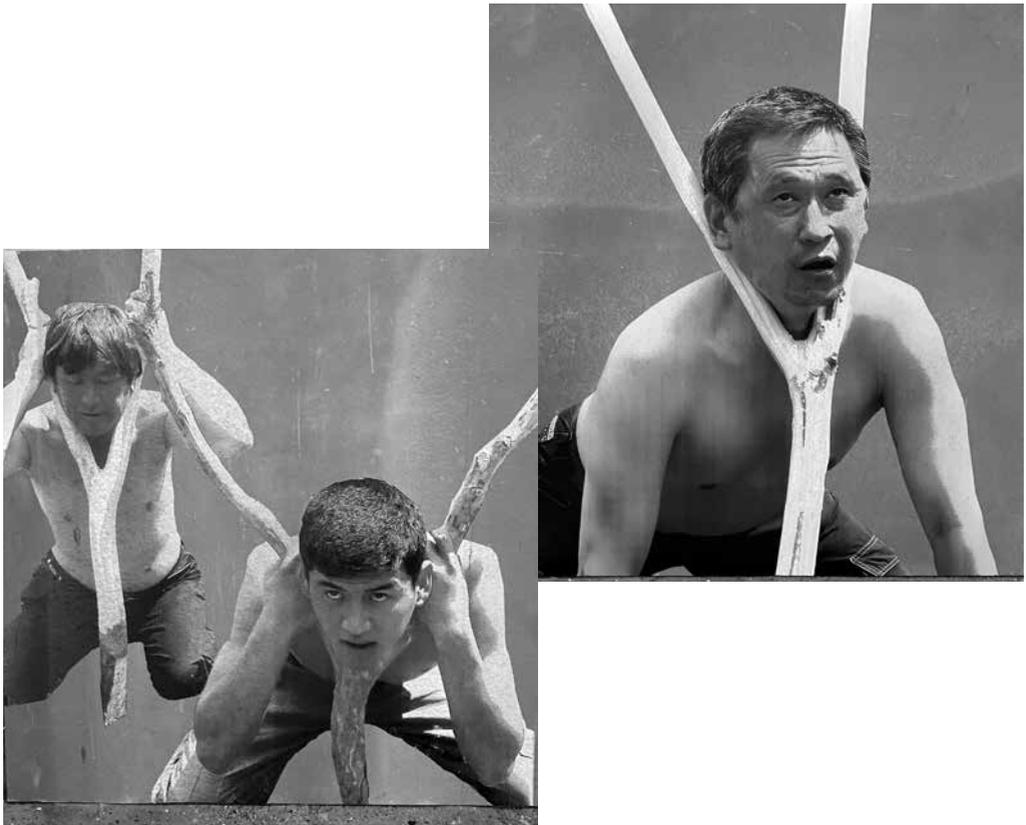
Почему я заговорил о том восстании? Потому что большую роль в нем сыграли как раз башкиры. Думаю, все знают о Салавате Юлаеве, который изображен на гербе Башкортостана. Салават Юлаев был, прямо скажем, канонизирован советской историографией. Его, в отличие от Емельяна Пугачева, не казнили, а после вырывания ноздрей, наказания плетью и клеймения сослали на каторгу. Отбывал он ее в Эстонии, в крепости на берегу моря. Там они с отцом провели остаток жизни. Биография его отца тоже интересная. В частности, он в свое время был награжден Российской империей за подавление польских восстаний.

Вот и еще одна большая и сложная тема: как представители народов — жертв процесса колонизации — участвовали в усмирении других народов, пытавшихся от колонизации избавиться.

К примеру, поляки, которых подавляли на протяжении нескольких веков, в том числе и при участии отца Салавата Юлаева, сослались в тот самый Оренбург. Губернатор Оренбурга Перовский собирает войско и, несмотря на возражения военного министра, совершает свой первый поход в Центральную Азию — на Хиву (закончившийся провалом, в отличие от второго его похода — на Ак-Мечеть). В тот момент военными советниками Перовского были ссыльные поляки.

Еще более пестрая история связана с судьбой Тараса Шевченко. Его тоже сослали в Оренбург, и по личному указанию императора (резолуция Николая I значится на документах) ему было запрещено писать и рисовать. Как вы понимаете, управляемость регионов тогда была довольно условной. Так вот, Тарас Шевченко не просто пишет и рисует в Оренбурге, но уже следующий губернатор заказывает ему портрет

*Вот еще одна тема:
как представители
народов – жертв процесса
колонизации – участвовали
в усмирении других народов*

Улан Джапаров. Удушье. Перформанс. 2006

собственной жены. Кроме того, Шевченко берет рисовальщиком в экспедицию по исследованию берегов Аральского моря. Люди, изучающие историю культуры Казахстана XVIII–XIX веков, должны быть ему весьма благодарны. Он зарисовал всё, что касалось быта: казахские юрты, мужскую и женскую одежду, украшения — всё есть в его альбомах. Но экспедиция имела еще и тайную военную миссию. Шевченко об этом знает, но тем не менее участвует в ней. Он, сосланный, помимо прочего, и за свои антиимперские взгляды, за то, что он против колонизации, участвует в этой колонизации с другой стороны!

Итак, к чему пришли губернаторы Оренбургской губернии в конце XIX века? Там сложилась ситуация, когда казахские элиты управляли собственными подчиненными сами. И была договоренность, что казахи не служат в армии Российской империи. Эта договоренность рухнула во время Первой мировой войны: был издан указ о зачислении казахов в армию, и это послужило мощным топливом для массовых восстаний.

В итоге, когда случились Октябрьская революция и гражданская война, большевики, везде разыгрывавшие национальную карту, очень хорошо понимали, что эта карта должна сработать.

Самое страшное

Большевики образуют Киргизскую Автономную Советскую Социалистическую Республику* (пусть вас не смущает слово «киргизская» в этом названии). Первая столица Киргизской АССР — Оренбург, один из центров колонизации. Есть разные объяснения, почему Оренбург был выбран столицей. Сами большевики объясняли тем, что в Оренбурге самый высокий процент рабочих среди населения: «Мы же власть рабочих — вот мы и делаем столицей город, где больше всего рабочих». Потом, правда, столицу не единожды переносят или периодически переименовывают.

Надо сказать, большевики принесли с собой самое страшное, что случилось в этих местах за всю их историю. Мне кажется, что по своим последствиям даже джунгарские нашествия не идут в сравнение с деяниями советской власти. Большевики стремились

Большевики принесли с собой самое страшное, что случилось в этих местах. По времени происшедшее совпадает с Голодомором в Украине

уничтожить старый и ввести новый экономический уклад. На бумаге звучит нестрашно: был один уклад, будет другой. Но на практике это означало убить кочевую экономику в принципе. Конец кочевой экономики наряду с неурожаем, погодными условиями и другими факторами привел к тому, что в начале тридцатых годов наступил голод и исчезло 40 процентов населения Казахстана. Просто вдумайтесь в эту цифру — это же почти половина жителей! Мы пользуемся словом «исчезло», потому что знаем, что не все из них умерли: кто-то откочевал в другие места, перебрался в другие страны.

По времени происшедшее примерно совпадает с Голодомором в Украине. И надо отдать должное не только украинским ученым, общественникам, но и украинской диаспоре за рубежом — они сумели рассказать о той трагедии всему миру. Казахстан действует гораздо осторожнее: никаких юридических решений по этому поводу нет. Правда, есть памятники, но в целом все укладывается в такую установку: «Лучше сильно не злить Россию». К сожалению, это так. Мне же кажется, что на официальном уровне можно было бы довести дело и до судебных решений.

Итак, в Казахстане, особенно в Западном Казахстане, кочевая экономика уничтожена, казахов насильно заставляют идти в колхозы и совхозы — а некое скотоводство в тех местах было и остается убыточным. Однако довольно скоро (по историческим меркам) там находят много разных полезных ископаемых, и советская власть принимает вполне колонизаторское решение: добывать полезные ископаемые, извлекать доход и часть этого дохода пускать на дотации экономически убыточным хозяйствам. Так было вплоть до распада Советского Союза.

* Так с 1920-го по июнь 1925 г. называлась казахская автономия в составе РСФСР.

Это вообще интересный вопрос: какие республики хотели выходить из состава СССР, а какие нет? Я разговаривал с людьми, которые в то время руководили Казахстаном, стали министрами в новом правительстве. Все они утверждают: «Мы не хотели! Мы цеплялись за Россию, за российскую экономику из последних сил. Мы умоляли не выбрасывать нас из рублевой зоны. Мы были не готовы к такому резкому переходу». А я, между прочим, ходил в школу в Казахстане и хорошо помню, что уже в 1993–1995 гг. нам преподносили Назарбаева как человека, который знал, что Казахстан должен быть независимым, и всегда к этому

Тему деколонизации в Казахстане публично не поднимают: я ни разу не слышал, чтобы об этом говорилось официально

стремился. Пересмотр взглядов происходит быстро: изменилась расстановка сил, и вот ты уже совершенно искренне начинаешь убеждать себя в том, что противоположно твоим прежним воззрениям.

Что происходит в начале 1990-х с экономикой тех хозяйств, что сначала были разрушены насильственной коллективизацией и вытеснением

кочевого хозяйства, а потом все время дотировались? Денег на дотации больше нет, нефть стоит 9 долларов за баррель, все экономические связи порушены. В результате огромное число людей из сельской местности уходит в города. 72 процента жителей городов Западного Казахстана, — и в моем родном Актобе тоже — называют себя русскими. Русские работают в основном на предприятиях, связанных с нефтянкой, с хромом. И я представляю себе: вот ты приезжаешь из бедного, уже несколько лет не финансируемого села в город и видишь, что люди другой национальности, другого цвета кожи и, откровенно говоря, не желающие даже разговаривать на твоём языке в твоей стране, не просто живут лучше, чем ты, но по большому счёту ещё и контролируют ведущие отрасли. Становится абсолютно понятно, откуда родом местный ресентимент.

Я часто говорю о процессах деколонизации с людьми, которые представляют национальные республики, и всегда повторяю: когда вы увидите этот процесс, он вам не очень понравится, надо быть готовыми к тому, что на практике он выглядит довольно жестко; к переменам нужно готовиться заранее. Даже если сохраняется шанс, что процесс пройдет более или менее мягко, все равно он довольно болезненный. Сейчас, если я правильно помню, меньше 20 процентов жителей Актобе называют себя русскими. Вот как изменился город за два десятилетия!

Насколько с процессом деколонизации в этих землях все устаканилось? Спешу вас разочаровать и даже, возможно, вселить в вас некоторую тревогу. Дело в том, что тему деколонизации в Казахстане публично не поднимают: по крайней мере, я ни разу не слышал, чтобы об этом говорилось официально. Я вижу это только в комментариях под роликами в Ютьюбе — их пишут люди, которые, видимо, относят себя к казахским националистам. Но ни в одном официальном разговоре я никогда не слышал о деколонизации.

Волжские неанклавные

Современные границы Башкирской АССР (нынешний Башкортостан) и Казахстана — это относительно свежее «изобретение». У Башкирской АССР и Казахской АССР (на тот момент называвшейся Киргизской АССР) была общая граница до апреля 1925 года, когда от советского Казахстана отделили территории и присоединили в основном к Оренбургской области, немножко досталось и Челябинской области. В этих районах казахи живут до сих пор, составляя местами до 70 процентов жителей. И это не просто маленький перешеек, «откушенный» от одной части Советского Союза и переданный другой. Ведь что означала бы совместная граница Башкортостана и Казахстана? Она означала бы, что Башкортостан не является анклавом, Татарстан не анклав, Чувашия не анклав и так далее по цепочке — все эти волжские республики были бы не анклавные. А если допустить, что, как говорят, «восстановится историческая справедливость» и люди возьмутся перерисовывать границы?.. Короче говоря, сам процесс далеко еще не завершен.

Как-то судьба забросила меня в Уфу, я там жил и работал некоторое время. И я потрясающе себя чувствовал! Потому что все мое детство прошло в Казахстане, для меня тюркский мир с его интернациональным сочетанием русских, немецких, других мотивов — это родное, то есть самое комфортное, экологичное, можно сказать, окружение. Но в Уфе я также убедился, что русские решительно настаивают на своем праве не изучать, не знать национальный язык, традиции и прочее. В школах идет прямо-таки борьба с преподаванием языка детям.

Я был свидетелем того, как принимался подписанный Путиным в 2017 году закон о том, что изучение национальных языков теперь не обязательно, и могу засвидетельствовать, что митингов такого размаха в Башкортостане я прежде не видел.

Мне всегда было больно слышать от представителей сопротивления такие фразы: «Ну что вы, ну кому это интересно? Это Кремлю выгодно поднимать подобные темы, чтобы потом обвинять нас в желании развалить Россию». Или, скажем, такие: «Да знаю я, там, в Уфе, человек двадцать-тридцать болеют этой темой, а вообще все это никому не нужно».

Когда жители Башкортостана устраивают крупные митинги в защиту своих активистов, риторика немного меняется. Но вот какой была первая реакция уважаемого мной Михаила Борисовича Ходорковского: посмотрите, до чего довели страну, — местные националисты выходят впрягаться за своих... Потом он уже говорил по-другому, но, честно говоря, я не забуду шок, который испытал, когда прочел эти слова. Опять «глобус Москвы»! И как глубоко в нас сидит представление, что, дескать, мы никогда никого не завоевывали, что все народы просто к нам

*Как глубоко в нас сидит
представление, что мы
никогда никого
не завоевывали*

просились и присоединялись мирно. Словно бы страшно оглянуться в прошлое и отрефлексировать: как же так происходило? и как с этим работать?..

Вопросы и ответы

Владимир, юрист: Поскольку я плохо знаю российский контекст, у меня вопрос наивный. Какой была мотивация колониальной политики России на протяжении всей истории и какова она сегодня? Есть ли какая-то взаимосвязь?

М. Курников: Не нужно бы резко осудительно кидаться словом «колониальный». Его надо произносить спокойно — и анализировать. Колониальная политика в ту эпоху, о которой я говорил вначале, была в порядке вещей. Да, так было, но не только Россия в то время покоряла народы — это была естественная политика того времени. Другое дело, что сегодня нам надо дать ей трезвую оценку. А для чего это делалось? Для того, чтобы контролировать как можно больше территорий, для решения экономических и прочих задач.

Что же касается событий сегодняшнего дня, для меня оказалось открытием, что очень многие мои коллеги, историки, не считают российское вторжение в Украину колониальной войной. Мне же кажется, это классическая колониальная война, прямо по образцу XIX века, — и даже по восприятию россиянами этой войны.

У нас есть много исследований о том, как к вторжению в Украину относятся в маленьких городах и деревнях. Там не произносят: «Отечество в опасности!», не воспринимают эту войну как экзистенциальную угрозу. Если кто-то погиб на войне, реакция примерно такая: «Ну да, жалко, трагедия для семьи, конечно. Но он же знал, куда ехал, — за такими-то деньгами!» По сути, так же говорили про английского офицера, отправившегося в XIX веке в Индию.

Алексей Волошин, Deutsche Welle: Я позволю себе сначала небольшую ремарку на полях. Мне кажется, главные ужасы последних ста или больше лет истории человечества начинались с призыва к восстановлению исторической справедливости, пересмотру границ и т.д. Поэтому, на мой взгляд, когда мы говорим о деколонизации, которая сама по себе совершенно разумная и закономерная вещь, нужно четче обозначать, что мы имеем в виду. Само слово «деколонизация» очень многих пугает, в том числе, как вы совершенно верно отметили, и представителей российской оппозиции, хотя казалось бы...

Но мой вопрос связан не совсем с этим. Вы как человек, живущий в Берлине, особенно должны понять, о чем я.

У современных западных левых интеллектуалов понятие деколонизации часто соотносится с политикой колонизации, которую проводили

западные страны. При этом я не могу припомнить на кампусе Берлинского Свободного университета или Колумбийского университета ни единого протеста против российской колонизации, против современной китайской неокOLONиальной политики, которая идет намного активнее, чем когда-то западная, против арабской колонизации, против продолжающейся тюркской колонизации. Я внимательно слежу и за пропалестинскими движениями в Европе. Вернее, войну в Украине [некоторые] называют колонизационной — но только не со стороны России по отношению к Украине, а со стороны Запада по отношению к России. Что с этим делать, как работать с этим нарративом?

М. Курников: По поводу ремарки на полях — абсолютно с вами согласен. Когда я говорю про границу между Башкортостаном и Казахстаном, это как флаг, который я вывешиваю, чтобы мы понимали, что чем может обернуться. Потому что процесс перечерчивания границ России уже начал, хотя мы его осуждаем. Но само начало процесса увеличивает шансы на то, что с изменением границ война с Украиной закончится или придет конец режиму Путина. Более того, любые изменения режима в государстве, столицей которого были Москва или Санкт-Петербург, всегда происходили с изменением границ. Если взять XX век, то и в 1917-м, и в 1991 году границы менялись, и весьма существенно. Сейчас я, скорее, предупреждаю о том, где можно ждать последствий начавшегося процесса.

Что российская колонизация была не такая, как у всех, — это распространенное мнение

Что российская колонизация была не такая, как у всех, — это распространенное мнение. У нас, говорят, была хорошая, добрая колонизация, не заморская. А плохая колонизация — когда куда-то там плыли, что-то захватывали. Этот тезис меня, честно говоря, убивает. Вспомним хотя бы, что и Аляска, и Калифорния, и Сахалин, в конце концов, — территории, до которых по суше не доберешься. И мне-то как раз кажется, что в происходившем когда-то было много общего. Если кто-то это отрицает, что ж, давайте спорить, аргументировать, взвешивать все за и против.

Лиза Чухарова, независимый журналист: Интересно было бы узнать ваше мнение: в каких границах вы считаете Россию «неколониальной», то есть «основной»?

М. Курников: Если всерьез, то, с точки зрения исторической точности, стоило бы говорить о Москве и Московском княжестве. Но я не считаю откалывание территорий, распад лучшим способом деколонизации. Лучше просто дать всем возможность как-то самим определиться с выбором.

Я считаю, что, если деколонизирующие инициативы будут чаще пользоваться термином «московский» вместо «русский», появится больше шансов на поддержку со стороны широких групп населения в

разных регионах России. Жители Урала, Сибири часто воспринимают антимосковские настроения как нечто само собой понятное, вполне объяснимое — особенно жители тех регионов, которые, как, например, моя родная Оренбургская область, отдают в федеральный бюджет три четверти своего бюджета, своих налогов.

Участник: Я хочу заметить, что мы [в Казахстане] пытаемся все делать «по-восточному». Яркий пример — советские памятники: мы их не сносим, мы определяем для них специальную зону, говорим, что это место советской памяти. То есть стараемся не злить, продвигаться тихими шагами... Вот недавно было выступление Путина. Россия предложила Казахстану совместное обучение историков с целью не допустить, чтобы Казахстан «ушел в руки гниющего Запада», хотя вроде бы Запад нас тоже не хочет. При этом в Казахстане есть русскоязычный мир и есть казахоязычный, и, к сожалению, они очень далеки друг от друга.

М. Курников: Могу сказать, что современная культура Казахстана делает очень много для того, чтобы тема голода и звучала, и осмыслялась. Расскажу вам одну историю. Работал я, кроме Уфы и Оренбурга, еще и в Самаре. Я был шеф-редактором, сотрудником у меня был казах, и как-то я решил направить его корреспондентом на акцию «Возвращение имен», во время которой зачитывают имена репрессированных. Мой коллега — совсем молодой человек, только закончивший университет, — сказал: «Не пойду!» Я у него долго допытывался, почему, и он объяснил: среди тех, кого расстреляли в Самаре, был Голощекин, который как раз руководил теми самыми процессами, что привели к голодомору. И добавил: «Я не могу читать его имя и поминать его как праведника. Просто физически не могу».

Это свидетельствует о том, как долго хранится память о прошлом не только среди казахов, живущих в Казахстане и владеющих казахским языком, но и среди тех казахов, которые живут в России. Я подписан на нескольких блогеров и журналистов, и я вижу их боль, когда казахи, живущие, скажем, в Самарской области, едут в Украину воевать на стороне России. Как же так, пишут они, вы казахи, у нас одни ценности, вы должны помнить о том, что было!

Кстати, одна из обложек The New York Times в прошлом году была посвящена казахам Самарской области. В номере опубликовали материал о том, как хоронят казаха (ему было пятьдесят с чем-то лет) и спорят при журналисте, при русском главе района, за что тот погиб. Между прочим, его 80-летней маме не сказали, что сын погиб на войне с Украиной. Сказали, что погиб на войне с Соединенными Штатами, поскольку она, выросшая в Советском Союзе, не поймет, как вообще можно воевать с Украиной, — она в принципе этого не поймет. Я очень рекомендую вам найти тот материал The New York Times на сайте «Эха». Это спокойный, объективный текст без навязчивых выводов. Он о том, как разные группы живущих в России казахов понимают и обсуждают происходящее.

Николай Каразин. Взятие Ташкента. 1865

Эта статья* доставлена из Омска от члена Вольного Экономического Общества **В. П. Кузнецова**, который, в интересах русских промышленников, желал ознакомить их с промышленностью и торговлей новоприобретенного края. Своеобразное положение и богатство природы Туркестанской области действительно возбуждают большой интерес. Помещая, поэтому, предлагаемую вниманию читателя статью, мы сочли долгом приложить и нижеследующее письмо, при котором она прислана в Общество.

«По занятии русскими войсками Ташкента, я просил моего брата, копальского 1-й гильдии купца, Василия Кузнецова, участвующего со мною в торговых делах с Китаем и в южной части Киргизской степи, имеющего постоянное пребывание в укреплении Верном, съездить в Туркестанскую область и составить описание этого края в торговом и промышленном отношениях. В изданиях Вольного Экономического Общества были помещены статьи об этой местности, составленные по сведениям, имевшимся в печати, с присоединением собственных заключений автора о важности трактуемой местности для русской торговли. Полагаю, что описание Ташкента, составленное моим братом, по личному обозрению его, может тоже принести пользу русским промышленным деятелям, знакомя их в торговом отношении с тем, что действительно есть и что возможно к предприятию.

Вместе с сим считаю необходимым пояснить, что относительно путей сообщения со стороны Сибири, прошлым летом были произведены изыскания по поручению сибирского начальства одним из офицеров генерального штаба; но к какому результату

* Труды Императорского Вольного Экономического Общества. СПб, 1866. Т. 4. С. 292–306.

привели эти изыскания — еще неизвестно. По моему поручению были исследованы приказчиком моим два пути: один из Акмалов караванною дорогою на Туркестан, а другой от Акмалов же к озеру Балхаш через урочище Новалы до западного конца Балхаша, и из Каркалов через Богословский рудник г. Попова на то же урочище Новалы. От западного конца Балхаша до брода на реке Чу, при укреплении Итка-чу (Сары-киджа) не более 120 верст, но здесь возможность тележного пути еще не исследована; он лежит через горы Хан-тау; если окажется сообщение здесь возможным, то путь через Каркалы будет самым удобнейшим. Но если бы и не оказалось удобного прохода в горах Хан-тау, то и тогда для сообщения Сибири тракт на Каркалы будет иметь преимущество пред другими, ибо от Каркалов до Актау не более 275 верст, а от Актау до Туркестана и Чолак-Киргана, где открыт каменный уголь, 500 верст; от Каркалов же до реки Иртыша 330 верст, следовательно, весь этот путь составит не более 1100 верст. Возможность сообщения на телегах от Акмалов до Туркестана прошлым летом была исследована живущим в Акмалах купцом Филатовым, совершившим поездку в Туркестан и Чемкент в собственном тарантасе.

В заключение всего изложенного я должен сказать и то, что все вышесказанные благие начинания могут подвергнуться той же участи, какой подверглось пароходство по Балхашу и реке Или; частные лица здесь не в состоянии сделать всего, что необходимо, одними своими средствами.

Учреждение пароходства по Аральскому морю и реке Сыр-Дарье стоит правительству едва ли не более миллиона. В Западной Сибири не менее этой суммы издержано на доставку провианта и других потребностей в укрепление Верное со времени занятия Заилийского края, тогда как при пароходстве на Булхаше и Или это стоило бы в половину дешевле, и край давно имел бы и для торговли удобное сообщение до Кулджи в Китае; но, однако ж, доселе ничего не сделано и не делается, несмотря на то, что это дело потребовало бы при устройстве, на счет казны, не более 100 тыс. и, на счет частных лиц, предоставления им некоторых прав для водворения в том крае производств, доселе несуществующих, и некоторых льгот. А поэтому и ныне, несмотря на имеющиеся уже благоприятные данные для устройства путей, все будет зависеть от взгляда лиц, поставленных во главе здешней местной правительственной администрации и дальнейшая судьба русской торговли, со стороны Сибири с Китаем и центральной Азиею, совершенно находятся «в руке их»».

Член Общества Владимир Кузнецов,
Омск

Ташкент в торговом и промышленном отношении

Начатое в 1864 году движение отрядов войск сибирского и оренбургского ведомства кончилось занятием Ташкента. Брошенный войсками коканского хана город этот не мог держаться против русских войск и после двухдневной защиты, с 16-го на 17-е июня сего года, сдался войскам, предводимым бывшим военным губернатором Туркестанской области генерал-майором Черняевым. Взятие Ташкента произвело сильное впечатление во всей центральной Азии, потому что Ташкент считался неприступным. Сколько раз эмир бухарский со стыдом отходил от его стен! Видя небольшой русский отряд (около 1200 человек), регент хана, начальствовавший в городе, уверял всех, что заберет русских живьем, но вышло иначе. В мае он сделал нападение на отряд с целью истребить оный, но был сам разбит наголову и убит. Теперь, после падения Ташкента, общее мнение таково, что русские, если захотят, легко могут взять Бухару. Не знаю, как велика потеря ташкентцев убитыми во время защиты города, материальный же ущерб значителен. Сотни полторы сожженных домов в самой дрянной части города показывают лишь, что в городе была битва. Месяц спустя после взятия города, автор разгуливал уже по базарам Ташкента, как будто по какому-нибудь базару внутри России.

Духовная и судебная власть сосредоточена в лице козы-кояна (медресе), и при всем том любой русский город может позавидовать Ташкенту в отношении порядка

Первое, что поражает приезжего в Ташкент, это — его обширность (около 20 верст длины и 10 ширины) и отсутствие полиции в том значении, как мы ее понимаем. При въезде в ворота, вы увидите несколько спешенных конных казаков, преспокойно спящих подле ворот и за тем никакой более русской стражи. Город охраняется и управляется сам собою посредством выборных лиц, называемых ак-сакалами. Духовная и судебная власть сосредоточена в лице козы-кояна (медресе), и при всем том любой русский город может позавидовать Ташкенту в отношении порядка.

Вокруг города на несколько верст тянутся сады и в самом городе по всем канавам рассажены деревья. Издали Ташкент представляется в виде сплошного сада. Воду город получает из реки Чирчика, посредством нарочито устроенного канала, от которого тянется сеть мелких канав по всему городу. Впрочем, некоторые из канав так велики, что на них устроены мельницы. Улицы Ташкента узки; главный материал постройки — глина и камыш. Лесов вблизи нет, поэтому деревьями экономничают. Лес для постройки вырубает из садов; крыши на домах плоские; они же составляют и потолок в комнате. В домах богатых

жителей потолки и карнизы, а равно и стены богато отделываются, преимущественно рисунками цветов и плодов; окон нет, их заменяют двери; печей и каминов тоже нет; комнаты зимою нагревают, сожигая уголь в тазах.

В жилищах ташкентцев комнаты для приема гостей занимают часть двора со стороны улицы, затем внутрь двора идут внутренние покои, где живут жены и семейства хозяев, куда сторонним людям доступа уже нет. Богатые ташкентцы и татары, бывавшие часто в России, в постройке домов кое-что позаимствовали от русских; но окна со стеклами составляют все-таки редкость, вероятно, оттого, что стекла трудно возить на вьюках.

Из общественных зданий обращают на себя внимание, по своей величине, мечети и медресы (училища); здания, принадлежавшие хану, не отличаются ни особенным богатством, ни щеголеватостью постройки.

Фабрик и заводов, в полном значении этого слова, в Ташкенте нет. В мелочных заведениях изготовляют для местной потребности зеленую кожу (кок-соль), мыло, горшечный товар; работают и юфть красную и черную, но очень грубо; есть небольшие горны, где из обломков чугуна отливают небольшие вещицы. Ремесленников много; это — кузнецы, медники, серебряки, седельники, портные, сапожники, красильщики и ткачи. Каждый из них, по восточному обычаю, тут же, на улице, и производит отправление своего ремесла. Значительную часть города составляют торговцы, тысячами рассыпающиеся по Киргизской степи сибирского и оренбургского ведомств. Возят в степь товары, преимущественно дабу; из степи торговцы гонят баранов; можно сказать, что степь кормит баранами все города центральной Азии.

В 1864 году, когда был запрещен выгон баранов из степи в Ташкент и далее, цена на них поднялась до страшной цифры; в Намангане было время, что баран стоил 5 тиллей (18 руб. сер.).

Из ремесел развито особенно приготовление бумажных тканей, вывозимых в огромном количестве в степь, как собственно из Ташкента, так и из других мест центральной Азии.

В городе несколько караван-сараев, носящих название тех городов, жители которых преимущественно в них помещаются по прибытии в Ташкент. Там есть караван-сарай индийский. В нем я нашел 5 человек купцов из Пешуари и Бенареса. Индийцы привозят преимущественно индиго и небольшую часть разных товаров, но главнейшее их занятие состоит в ссуде денег под залоги за известные проценты. Закон Магомета запрещает брать проценты, поэтому мусульмане и предоставили этот промысел неверным. Не знаю, как велик процент, который берут индийцы за ссуды большими суммами, но за малые они берут с 1 тилли по 1 тенги в месяц, что по расчету на наши деньги составляет 60% на 100. В ссудах под залоги с индийцами конкурируют бухарские евреи, имеющие свой караван-сарай. Кроме ссуды, евреи занимаются еще сбором

Ташкент, вид на старый город. Начало XX века.

мелочных партий шелка, а прежде тайно, а ныне явно занимаются приготовлением водки из винограда. По их словам, поклонники пророка не прочь кутнуть не хуже неверных.

В Ташкенте существовал прежде закон, по которому индийцам и евреям не позволялось ездить на лошади, подпоясываться кушаком и носить сапоги; они обязаны были ходить пешком и притом без сапогов, в одних галошах. Ныне они ходят и ездят, как и все торговые люди. Оживленнее всех караван-сараев был троицкий. Там поместилось много купцов из Бухары и других городов, в том расчете, что русские, если бы стали разорять город, то татар, как своих людей, не тронули бы. Все ташкентцы считают татар русскими, но не кяфирами, а мусульманами. Нужно сознаться, что татары торговый и предприимчивый народ; на любом базаре от Березова до Кашмира вы встретите их. Много татар живет постоянно в Ташкенте; многие из них заехали по доброй воле и зажились, прельщенные выгодами; многие скрылись сюда, имея кое-какие счеты с русским правосудием и рекрутскою повинностью; много и русских такого же рода скрылось под именами Ахметов, Оскаков, Ибрагимов и других. Есть один поляк, сосланный в Сибирь в 1832 году, а в 1842 году взятый в Каркаралинском округе в плен и проданный сюда киргизами. Он уже худо говорит по-русски, польский же язык забыл совсем. Беглых русских, а особенно солдат и казаков, правители Ташкентии принимали очень охотно: люди эти служили по большей части инструкторами ханской армии, и, говорят, прежде всего били несчастных сербазов палками, уча их хитростям ружейных приемов. В последнее время Мулла Алим-кул имел личную свою стражу из беглых русских татар.

Ташкент стоит, как выше сказано, на канале реки Чирчика, в 7-ми верстах от оной; в 70 верстах ниже Чирчик впадает в Сыр-Дарью. Долина Чирчика тянется на несколько сот верст и составляет житницу Ташкента. По Чирчику есть много деревень, заселенных ташкентцами; кроме их, по Чирчику живут киргизы толка караша. Ташкентцы и киргизы по Чирчику разводят рис, хлопок, пшеницу, ячмень и просо. В окрестностях и самом Ташкенте очень много винограда, яблук, урюка и других

*Много татар живет
постоянно в Ташкенте;
многие из них заехали
по доброй воле и зажились,
прельщенные выгодами;
многие скрылись сюда*

фруктов; но все это потребляется на месте; виноград же съедается в сыром виде. В мою бытность на местные произведения были следующие цены: хлопок — за верблюда 18 тиллей, шелк-сырец пуд — 20 тиллей, хлеб 30 тенге за батман, мясо 2½ копейки фунт, виноград 2 коп. фунт, дрова (дудки разных полевых растений) 25 коп. пуд. Из волокни-

стых растений разводят, кроме хлопка, лен и коноплю, но единственно для сбора семян. Цицварное семя, которого около 4 тыс. верблюдов вывозится в Россию, растет в диком состоянии между Чекментом и Туркестаном; сбором его занимаются киргизы. На месте цицварное семя стоит с укупоркою около 1½ тилль за верблюда.

По Чирчику, выше Ташкента, лежит крепостца Ниазбек; около нее находится начало канала, дающего воду Ташкенту, поэтому Ниазбек, в отношении к Ташкенту, в военном смысле пункт важный: стоит запретить канал — и город останется без воды. В городе есть ключи и колодцы, а потому запор канала городу еще не наносит столько вреда, как полям и садам, которые, оставаясь без ирригации, погибают. Запор канала и ныне немало содействовал к сдаче города без большого кровопролития.

На занятие Ташкента и на приход туда русских большинство народа смотрит как на что-то имевшее давно совершиться, ибо люди дальновидные, не ослепленные фанатизмом, давно предвидели это и говорили даже об этом. Уважаемый всем Ташкентом, Хазрет Ишан, ездивший при Мухаммед Галли-Хане в Россию, советником хана, подстрекавшего его к неприязни с русскими, всегда отвечал: «С хвостом тигра не играйте: худо будет». Когда дали знать хану, что русские остановились на Иле в 1863 году, Ишан сказал окружающим: «Сила двинулась и если хан будет задираться с русскими, то сила возьмет и Ташкент». Бухарский эмир увез Хазрет-Ишана в Бухару, где он теперь и живет. За многие горькие истины, которые он говорил эмиру, последний, вышедши раз из себя, сказал ему: «Знает ли он, Ишан, что эмир может сделать с ним?» Ишан ему отвечал: «Ничего; одно, что только может сделать, это — его седую бороду выкрасить в красную». Хазрету почти 90 лет. Недавно он женился и взял девушку 18 лет и поэтому народ его считает святым.

С занятием Сыр-Дарьи нужно желать и перенесения сибирско-оренбургской таможенной линии на эту реку; издержки, потребные на это,

могут вознаграждаться сбором с изделий из хлопка, привозимых из Бухары и других мест, в которые одеваются безданно и беспошлинно вся Киргизская степь: значительный доход даст обложение пошлиной провозимого чая из Китая. Чай в Бухару и все города центральной Азии из Урумчи, главного складочного пункта, идет тремя путями: Кулджу, Чугучак и Кашгар. В одной Кулдже оборот чаем доходит до 5 тыс. ямб, или до 600 тыс. рублей серебром; обороты же Чугучака и Кашгара значительнее Кулджи. В последнее время стали провозить чай в Бухару из Индии; и теперь, когда пути через Кашгар, Кулджу и Чугучак, по случаю волнения дунганов, закрыты, привоз чая через Индию усилится. В Бухару сорта чаев идут преимущественно зеленые. Торговля чаем может доставить значительные выгоды русским купцам, которые взяли бы за это дело. Чай мог бы быть куплен в Кантоне, доставлен в Петербург, оттуда в Троицк и далее. Доставленный таким образом чай будет стоить дешевле, чем обходится китайским купцам, доставленный ими чай из внутренних губерний Китая в Урумчи. Кроме зеленого чая, в Бухару из здешнего края идет много особого рода кирпичного чая, называемого здесь фу-чай. Ташкентские купцы, занимавшиеся чайною торговлею, получили огромные выгоды. Зеленый чай подразделяется на несколько сортов; в Кулдже цены ему были от одной ямбы до двух с половиной за ящик, смотря по сорту. Для обложения чая пошлиной нет надобности устраивать таможенную линию по китайской границе. Если наши консулы будут в Чугучаке, Кулдже и Кашгаре, то они могут брать пошлину и на ящики накладывать пломбы, или наклеивать бандероли, а затем встреченный в степи чай без пломб, или бандеролей, считать контрабандой. Чай, идущий в округа и города степи, может быть развешен в фунты и тоже оклеен бандеролью.

При перенесении таможенной линии на Сыр-Дарью, главное управление ею должно быть в Ташкенте, как средоточии всей торговли с городами по правую сторону Сыр-Дарьи. Есть основание предполагать, что теперь все бухарские караваны, идущие в Россию, пойдут не на сырдарьинскую линию, а на Ташкент и через Туркестан или Чекмент на Актау и Акмалы, из Акмалов караваны могут идти следующие в Россию на Троицк, а идущие в Сибирь, на Омск, Петропавловск и Семипалатинск. Путь этот гораздо удобнее прежнего через сырдарьинскую линию. И если прежде не ходили им, то единственно потому, что в Ташкенте были постоянные неусобицы и, кроме того, за товары брали бы зекет, т.е. пошлину. Указываемый выше путь удобен еще и тем, что от самого Ташкента до Троицка, Омска, Петропавловска и Семипалатинска может быть колесная дорога. Направление торговых караванов по этому пути сильно поднимет торговое значение Троицка, Омска и Петропавловска.

*На занятие Ташкента
и на приход туда русских
большинство народа
смотрит как на что-то
имевшее давно совершиться*

Вероятно, и центр администрации со временем из Оренбурга перенесется на Сыр-Дарью, ибо занятие Ташкента и проистекающее из того усиление нашего влияния на все остальное Коканское ханство и Бухару должно повести за собою и учреждение отдельного туркестанского генерал-губернаторства. Если же центр главной администрации, по видам правительства, необходим на границе степи к России или Сибири, в таком случае Омск будет центральнее Оренбурга. Из Ташкента в Омск сообщение может быть устроено гораздо удобнее существующего теперь из Оренбурга до Ташкента. Наконец, это удобнее и потому, что значительную массу кочевого народа составляют области киргиз Большой Орды, находящиеся в ведении сибирского начальства. Деление, предположенное ныне, может послужить поводом к сильнейшему раздору между киргизскими расами, а поэтому подчинение Туркестанской области сибирскому генерал-губернатору, на наш взгляд, будет практичнее, чем подчинение оной оренбургскому. Сами бывшие правители Кокана сознавали, что влияние сибирских властей на них сильнее оренбургских. По этому поводу я слышал презабавный анекдот, вполне характеризующий азиатских правителей. Говорят, что один из советников Худиар-Хана, видя движение русских вперед, советовал ему заключить с сибирским генерал-губернатором мир, с тем, чтобы он не мешал хану воевать с оренбургским. Последствия показали, что ханский советник был человек дальновидный. Войска, двинувшись вперед со стороны Сибири, существенно победили край. Генерал Циммерман в 1860 году первый нанес огромное поражение коканцам взятием Пишпека. Пишпек был сильной крепостью; другого Пишпека у коканского хана не было и нет. Все, видевшие теперь Пишпек в разрушенном даже состоянии, находят, что и в таком виде он все еще сильная крепость. Дело на Узун-Агаче, где генерал Колпаковский разбил на голову ташкентского правителя Капааза, и последующее за тем взятие укрепленного снова Пишпека нанесло окончательное поражение влиянию коканского хана. После этих дел киргизы, бывшие под гнетом ташкентских правителей, ободрились до того, что стали восставать открыто против отрядов, приходивших для получения с них зекета.

На ташкентском базаре для изделий наших фабрик бумажного товара и пряжи представляется значительный сбыт. Английских товаров здесь почти нет; попадает изредка кисея, употребляемая на чалмы, и особый вид оной, чрезвычайно редкого тканья, идущий на подклад халатов; ситцы и другие изделия, выдаваемые за английские, наклеенными этикетками обличают свое владимирское происхождение. Кроме бумажных товаров на ташкентском базаре требуются следующие: железо в разных видах, чугунное литье в виде котлов; железные изделия: замки, ножницы, пилы и подпилки; краски и разные москательные товары, как-то: нашатырь, квасцы, купорос, сера, селитра, ртуть, киноварь и тому подобное; каменная посуда, самовары, тазы и разные изделия из меди

и медь в листах; сахар, мед и воск, выдровые и бобровые шкуры, невыделанные кожи, юфть красная и отчасти черная, козловые выделанные шкуры, сафьян, писчая бумага, сундуки, шкатулки и погребцы; сукно, драдедам и другие изделия из шерсти. В Россию из туземных привозных азиатских произведений идут: хлопок, пряденая бумага низких номеров для свечей сальных свеч, шелк-сырец, марена, цидварное семя, лисьи и куньи шкуры, изюм, урюк, орехи и другие фрукты, рис или сарачинская крупа.

В Киргизскую степь идут бумажные дабы, выбойки, холсты, пояса; из прочих изделий: шитые ичаги и галоши, седла и седельные приборы, палатки и шубы.

На ташкентском базаре обращается много русской серебряной монеты. Кредитные билеты берутся капитальными торговцами, имеющими дела с Россией, пока рубль за рубль. Кроме русской, обращается туземная монета, именно: золотая тилля, по цене золота стоит 3 руб. 25 коп., ходит 3 руб. 60 к. серебряной монетой; серебряная тенги, за тиллю дают 18 тенги. Наш двугривенный принимается за тенгу; по сему расчету тилля стоит 3 р. 60 к. на звонкую монету; медная — пуль; на тенгу дают 40 пуль; наши солдаты называют эту монету грошем.

Вес считается батманами (батман ровен 10 русским пудам) и чириками (чирик равняется 7-ми русским фунтам).

Погонная мера в торговле считается русскими аршинами. Длина расстояний определяется камнями (таш); камень равен 8 верстам.

Товары и все клади в Ташкент и из Ташкента везутся на верблюдах. Между городками от Ташкента до Такмака кладь возят на арбах. На арбу накладывают 30 пудов; вьюк верблюдов не превышает 16–18 пудов. Плата за провоз из Ташкента до Петропавловска и Троицка 4 тилли за верблюда, до Верного — 1 тилли. Судя по незначительному количеству встреченных на ташкентском базаре английских товаров, можно сказать утвердительно, что базары центральной Азии всецело принадлежат русской торговле.

Занятие Ташкента дает средство повести русскую торговлю в более обширных размерах. Долины Арыса, Чирчика, Таласа и Чу могут производить громадное количество хлопка, винограда, риса и других продуктов. Кроме оседлого народонаселения, за разведение хлопка охотно примутся и кочующие киргизы. Хлопок же и другие произведения могут быть обрабатываемы в фабриках и на месте. Если занятый край беден лесом, то есть надежда, что в каменном угле недостатка не будет. В настоящее время уже известно одно место в горах Каратау, где пласт оног выходит на поверхность, и есть слухи, что такие же выходы пластов есть и в долине Чирчика. Затем фабрики и заводы могут воспользоваться даровым двигателем — водою.

Занятие Ташкента дает средство повести русскую торговлю в более обширных размерах

Кроме базаров Бухары и других городов, лежащих за Сыр-Дарьей, Ташкент открывает удобный путь в китайский Туркестан, край еще нам, русским, мало известный. Города: Туркестан, Кашгар, Яркент, Хотан ведут, как слышно, значительную торговлю. В Яркенте и Хотане возделывается значительное количество хлопка и добывается много шелку. В 1863 году один троицкий татарин вывез из Хотана и Яркента через Улумчи в Чугучак около 5 тыс. пудов хлопка, одобренного нашими фабриками. В Яркенте добывается много золота. Петр Великий знал уже

Ташкент открывает удобный путь в китайский Туркестан, край еще нам, русским, мало известный

об этом и, с целью завладеть Яркентом, посылал экспедицию в вершину Иртыша. В виду сих обстоятельств, благоприятно слагающихся для русской торговли, нужно пожелать, чтобы было обращено внимание на со-

общения. От берегов Иртыша мы идем вперед и вперед на юг, вводим в занятие края европейскую цивилизацию, а между тем о сообщениях нисколько не думаем и в занятых нами местностях пути находятся в таком же почти состоянии, как были в то время, когда прогуливался по ним Чингиз-Хан со своими полчищами.

По Сыр-Дарье ходят пароходы аральской флотилии. Не видавши их, не могу судить, до какой степени справедливы слухи об оных в том отношении, что они плохо устроены и, составляя предмет огромных расходов для казны, мало приносят пользы краю. Можно надеяться, что с занятием Ташкента пароходство принесет пользу по крайней мере тем, что будет содержать сообщение Ташкента с фортами, чем по-видимому и ограничится его деятельность; служить же пособием для ускорения торгового сообщения пароходство не может, ибо Сыр-Дарья перерезывает только пути, идущие в Россию, а не тянется вдоль их. Когда найдется возможность устроить скорое сообщение от берегов Аральского моря к Каспийскому, тогда пароходство, может быть, окажет здесь большую услугу и торговле.

На пути от Ташкента к Алатавскому округу лежат городки: Чекмент, Сайрам, Монкент, Аулията и крепостцы: Мерке и Такмак. Первые три стоят на речках, впадающих в Арыс, Аулията на Таласе, Мерке на речке, впадающей в Чу и Такмак на самом Чу. От Такмака до Аулиятов дорога идет почти параллельно Александровскому хребту, из которого вытекает множество речек, впадающих в Чу. Долины Чу, Таласа и Арыса были когда-то густо заселены, что видно по огромным курганам и развалинам бывших когда-то городов. На Арысе видны еще недавние следы жительства; ташкентские неусобицы разогнали жителей. Теперь под русским обладанием край начал оживляться, и жители стекаются на свои места. Города: Чекмент, Аулията, Сайрам и проч. никакого торгового значения не имеют: торговая деятельность их ограничивается местною торговлею с киргизами. Устройство этих городов недавнее, не более 40–50 лет. В

Ташкенте был когда-то мудрый правитель Кушпек; ему приписывает народ устройство этих городов. В Аулиятах замечательна по своей древности мечеть над могилой одного святого; время ее построения относят лет за тысячу назад. В Сайраме в мечети есть камень, на котором когда-то были высечены узоры и, кажется, буквы; время стерло все это. Камню этому местные археологи насчитывают около 3 тыс. лет. По дороге в Ташкент подле разрушенной крепостцы, Шарапхан, есть гора, замечательная в предании народа тем, что на ней будто стал ковчег Ноя.

*Теперь под русским
обладанием край начал
оживляться, и жители
стекаются на свои места*

Выгрузившись из ковчега, Ной будто пришел к месту, где теперь Шарапхан, и, найдя тут виноград, упился его соком, а поэтому случаю место это называется Шароп-Хан, что значит: «дом вина». В России шаропханом татары называют всякий кабак.

Все пространство от Чу до Сыр-Дарьи занято кочевьями разных родов дико-каменных киргиз и киргиз Большой Орды. Народы эти с 1864 года фактически приняли подданство России и участвовали с русскими отрядами в делах против коканского хана. Служба их в отрядах по большей части состоит в возке почты: по этой части они незаменимы; киргизу проскакать 250 верст с почтою ничего не значит. Зачуйские киргизы имеют значительные пашни, но сеют преимущественно одно просо. Несмотря на изобилие кочевков, киргизы здесь не так богаты скотом, как киргизы Средней Орды; причина тому бывшая неурядица и постоянные баранты. Теперь баранты прекратились и в несколько лет, если зимы будут благополучны, киргизы поправятся. Настоящим своим положением киргизы очень довольны. Но так как гражданское управление Туркестанской области еще не устроено, то желательно, чтобы в управлении киргизы избегли тех ошибок, кои допущены были в округах Средней Орды. У киргиз есть свое отличное учреждение, это — суд биев, решающий административные и судебные дела народа. Это-то учреждение и нужно бы развивать для управления народом.

Желательно, чтобы гражданское управление Туркестанской области нашло средство избавить киргиз от постановки подвод натурою. Подводная повинность для киргиз невыносима; нужно видеть, сколько зла причиняет она этим народам. Заслышав сбор подвод, киргизы бегут в сторону от дорог, делая иногда невероятные переходы. Все вообще правители в Средней Орде, начиная от окружных начальников и кончая аульными старшинами, дают подводы охотно, в особенности, если их пригласит к тому высшее начальство. За это дают им награды, русским властям кресты, киргизским — медали, халаты и чины, а народу, выставившему подводы, обращаются назад клячи избитые, изуродованные, которые зимою околевают. Если округ в течение весны и лета выставит 2000 подвод, то можно сказать наверное, что эти 2 тыс. голов зимою погибнут — так отделяют их в подводах. Иногда киргизам платят

Алайские киргизы перед юртой у Карачим. 1915

деньги за подводы, но деньги всегда отпускаются в значительно меньшем размере против вольного найма, притом владелец подвод никогда этих денег не видит: они всецело остаются у киргизских султанов и прочих членов киргизской администрации.

Рудное богатство Туркестанской области исследовано еще никем не было; известно только, что ташкентцы добывали сами свинец. Каменный уголь, как выше сказано, открыт в горах Кара-тау, и есть слухи о присутствии оного по Чирчику. Золота, по слухам, очень много. По Чирчику киргизы находили иногда кусочки золота и привозили в Ташкент. Есть также слухи, что там тайком и доселе работают. Правительство Ташкента под смертною казнью запрещало разрабатывать золото. Один татарин привозил мне кусочки золота с речки, впадающей в Талас; по его словам, на эту речку Мухаммед-Гали-Хан посылал одного беглого татарина с приисков сибирских, с поручением устроить промывку и добывать золото. Но уверяют, что сербазы, которые были посланы с ним и которым надоело бродяжничать по горам, убили его и донесли хану, что он сорвался с обрыва горы и разбился.

Для деятельности наших золотопромышленников предстоит огромное поле как в Туркестанской области, так и в Алатавском округе, где положительно известно, что китайцы добывали золото в вершинах Текеса. Рудное богатство Алатавского округа не подлежит сомнению: есть известные месторождения свинцовых руд, содержащих, по пробам, до $3\frac{1}{2}$ золотников серебра в пуде руды. Для добычи руды и золота рук найдется очень много между бедными киргизами. Наконец, при сильном развитии рудного и золотого промысла, соседняя с ними Кульджинская провинция Китая может дать не один десяток тысяч рабочего народа.

Василий Кузнецов

Знакомим читателя с нашими новыми изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

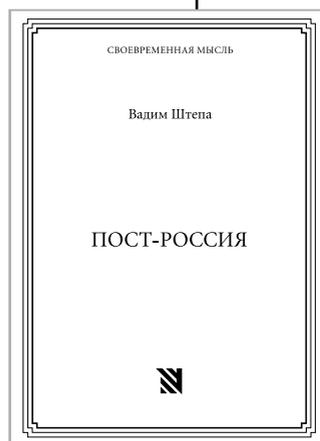
Книга Вадима Штепы «Пост-Россия» посвящена проекту построссийской эпохи, которая может начаться в случае поражения России в имперской войне против Украины. С точки зрения автора, постсоветская Россия продолжала оставаться империей, поэтому истоки ее нынешнего кризиса следует искать в отказе от перестроечной модели договорной конфедерации. Автор предлагает свою версию мирной и демократической деимпериализации России.

Послесловие. Деколонизация политического воображения: перспективы пост-России

Пост-Россия Вадима Штепы — это концепция, то есть результат работы политического воображения и мышления. Результат этой работы трудно отнести к тому или иному знакомому жанру. Книга, которая во многом составлена из переработанных статей автора, размещенных на сайте «Регион.Эксперт», не является научной монографией. К ней нельзя применить стандарты академической работы и оценивать ее с этой точки зрения. Но она не лишена исследовательских амбиций, так как автор постоянно обращается к актуальной проблематике исторической и политической науки: в центре его внимания социально-политические трансформации советского и постсоветского государства конца XX — начала XXI веков, а также рефлексия регионалистской повестки, важной не только для пространства распавшегося Советского Союза, но и для мира в целом.

Однако в книге встречаются неточности, а порой и довольно спорные рассуждения, например связанные с климатическим кризисом и тем, как он отражается на жизни именно российских регионов.

«Глобальное потепление, — полагает автор, — которое обычно вызывает негативные оценки ученых, принесет, по некоторым прогнозам, и частично позитивный эффект — избавление полярных территорий от вечной мерзлоты. А это приведет к их активному освоению и развитию. Так что Берингов мост может стать не просто символическим соединением континентов, но и практической потребностью. Регионы Сибири, Дальнего Востока, Аляски, Северной Канады наверняка будут заинтересованы в установлении прямых экономических связей путем строительства трансконтинентальной железной дороги или более экологичной струнной магистрали» (стр. 135).

Вадим Штепа.
Пост-Россия. — Рига:
Школа гражданского
просвещения, 2025. —
166 стр. — (Серия
«Своевременная мысль»).

Очевидно, что в таком сценарии жизнь территорий рассматривается исключительно с точки зрения центра — Москвы, которая сегодня активно продвигает крупномасштабные, в первую очередь инфраструктурные, проекты в Арктике, то есть фактически занимается нарушением экологического баланса и тем самым вносит вклад в климатический кризис и деградацию вечной мерзлоты, прямым образом влияющие на жизнь коренных народов. Однако об этом не принято говорить — куда важнее в данной риторике оказывается гигантомания и желание «осваивать», «преодолевать», «покорять».

Вопрос о жанре книги остается ключевым, если не забывать, что именно жанр задает обычно рамку и основания для осмысленного разговора. Между тем В. Штепа не ограничивается каким-то жанром, не ощущая, очевидно, достаточно твердых оснований внутри дисциплинарного поля философии, политической науки или истории. Сама интересующая его тема — будущее пространства и деколониальные движения — как бы предполагает отказ от границ. Книга продолжает быть исследовательской, но это авторское исследование, в котором не нужно придерживаться общепринятых процедур научного поиска, но предлагается, скорее, довериться интуициям автора.

Главы книги объединены общей идеей — поиском ресурса политического и философского воображения для конструирования образа пост-России. Под пост-Россией В. Штепа понимает принципиально иное устройство социально-политического пространства территории, которую занимает нынешняя Российская Федерация*. В основе этого устройства лежит идея конфедерации и региона как основной субъектной единицы будущей внутренней и внешней политики. Автор отмечает, что регионализация — глобальный процесс, но его интересует, насколько реален шанс на господство идеи регионализма на территории современной России, которая как федеративный проект полностью провалилась. В подтверждение последнего тезиса В. Штепа упоминает военную агрессию против Украины. С точки зрения автора, вторжение в Украину стало возможным в силу господства имперской идеи пространства с единственным центром в Москве и подчинением всех остальных территорий нуждам этого центра. И здесь автор сразу помещает свои рассуждения в контекст деколониальных исследований и политики, активно развивающихся сегодня как раз в связи с развязанной войной.

Обсуждая различные развилки, связанные с деколонизацией России и избавлением ее от имперского фундамента, В. Штепа старается сразу

* В данном случае все понятия условны. За тяжеловесной формулой «территории, которые занимает нынешняя Российская Федерация» скрывается трудность современного определения российского государства: за последние более чем 10 лет Россия оккупировала несколько территорий соседнего государства и активно поддерживает зависимые от нее же территории другого соседнего государства.

исключить сценарий этнической фрагментации территории, который среди прочих всячески продвигают националистически настроенные активисты, в том числе покинувшие страну. Этот сценарий, по мнению автора, приведет к возникновению большого количества очагов вооруженного и политического противостояния между различными этническими группировками, которые будут стремиться перекроить территории и обозначить свое «исконное» право на те или иные земли. Альтернативный вариант — опора на региональную идентичность, которая не сводится к этнической принадлежности, но в первую очередь формируется за счет буквальной привязки к той или иной местности. Поскольку исторические и «исконные» мотивы будут составлять лишь один из возможных ресурсов регионального политического воображения, В. Штепа отводит ключевую роль культурному брендингу территорий — именно такая логика креативных индустрий и выстраивание будущей структуры отношений между регионами на основе региональных отличий позволит России, полагает он, выйти из имперской колеи и встроиться в глобальные процессы создания локальностей.

Нужно отметить, что для В. Штепы альтернатива не выглядит как проблема или цель, к которой нужно стремиться. Иначе говоря, не очень понятно, за счет чего в этом воображаемом будущем региональная идентичность будет превалировать над иной, скажем религиозной или этнической. Автор указывает на демократические институты, в частности выборы, которые будто бы должны решить этот вопрос сами по себе, однако совершенно не подвергает сомнению саму идею демократии и выборов, хотя эта универсалия тоже нуждается в пересмотре под влиянием деколониального дискурса. Выборы не могут быть ключом к решению всех проблем: большинство как некоторый конструкт и результат демократических процедур зачастую может не иметь никакого отношения к тому, как устроена общественная сфера, в которой главную роль могут играть как раз такие институты традиции, как религия или этничность. Тем более это становится проблемой, если речь идет о том, что различные этнические группы могут иметь свои собственные институты и механизмы принятия коллективных решений, которые не сводятся к выборным процедурам в западном понимании.

Лишена критического анализа в книге и другая идея — идея «регионального брендинга». Такой подход предполагает акцент на креативных индустриях, формирующих креативную экономику. Собственно, это больше про экономику, нежели про общество, и учитывая то, как сегодня брендируется большое количество регионов и этнических групп, этот подход противоречит концепции деколониальности и борьбы с экзотизацией, которая выступает как господствующая оптика. Иначе говоря, региональное брендинг приведет в очередной раз к поиску рынков сбыта для той или иной идентичности, формированию туристической привлекательности и усилению культурно-этнографического компонента. И центром этого рынка сбыта станет Москва.

Получается, что автор — при всей симпатии, которую он вызывает, — пишет из позиции, для которой характерно превалирование экономического подхода, а также демократических процедур, основанных на условной западной традиции. Это позиция того самого центра, который находится над всеми в так и не разрушенной имперской иерархии. Нынешний парадокс деколонизального мышления состоит как раз в этом: идея освобождения зарождается в ситуации современности, которая во многом исторически сопряжена с идеей империи, а затем и национального государства как той формы совместной жизни, что приходит после. При этом деколонизализм автоматически не приводит к господству демократии и прав человека, это иная — более сложная — конфигурация универсального (общечеловеческого) и локального (культурного). Учитывая количество народностей и бесконечную фрагментарность российского пространства, порядки совместной жизни могут значительно отличаться друг от друга.

Это противоречие порой проявляется и в примерах автора. Приведу лишь следующий: «Второй президент Украины Леонид Кучма в своей программной книге “Украина не Россия” (2003), выступая последовательным сторонником независимости своей страны, при этом жалуется на “неравноправное” распределение ресурсов в постсоветскую эпоху. В этом есть фундаментальное противоречие. В условиях ССГ вполне можно было бы заключить договор о совместном использовании нефтегазовых ресурсов Югры и Ямала всеми участниками конфедерации. Тем более что осваивались они в 1970-е годы представителями многих республик СССР, в том числе украинскими инженерами. Однако с провозглашением независимости Украины и других стран все эти ресурсы остались в монопольном владении России, которая сделала их экономической базой для возрождения своей империи» (стр. 52).

В этом рассуждении, если его автор желает быть чувствительным к современной деколонизальной повестке, не хватает одного важного элемента — коренного населения Югры и Ямала. Разумеется, здесь В. Штепа выступает с позиции «если бы», однако политического воображения в текущей ситуации хватает только на предложение оставить имперские притязания на ресурсы чужих территорий за русскими и украинцами, и это говорит о том, что впереди еще довольно много работы. И работа эта в первую очередь концептуальная, требующая деколонизации самих себя, — увы, здесь недостаточно освободиться от дисциплинарных границ.

Книга Вадима Штепы — это приглашение к такой работе.

*Наиль Фархатдинов,
PhD по социологии*

Нормальная аномалия

Некоторым эмигрантам стоит пожелать, чтобы они никогда не возвращались, хотя это их самое горячее желание: если оно сбудется, они умрут от горя.

Мохамед Мбугар Сарр. В тайниках памяти¹

Очередная книга одного из самых проницательных российских политологов вполне предсказуемо (особенно после его нашумевших телеинтервью Forbes, обнародованных в последнюю пару лет²) оказалась настоящим событием. По сути дела, Григорий Голосов не сделал ничего из ряда вон выходящего: он всего лишь с бесстрашием (и бесстрашием) ученого-анатома препарировал политический режим, железной хваткой — по крайней мере, так иногда кажется, — держащий в своих лапах нынешнюю Россию. К этой давно назревшей задаче долго никто не подступался; специалисты предпочитали критически анализировать отдельно выхваченные характеристики режима, что, понятное дело, гораздо проще и явно безопаснее. Одна из сильных сторон этой работы состоит в том, что автор, будучи, как завещал великий Макс Вебер, предельно отстраненным от предмета своего исследования, вместе с тем остается нерасторжимо связанным с ним — хотя бы потому, что, в отличие от многих своих соратников по гуманитарному поприщу, из России не уехал и, судя по всему, уезжать не собирается.

Метод исследования, применяемый в этой работе, я бы назвал тривиализацией: автор решительно не желает видеть в российской автократии что-то неповторимое и уникальное. С его точки зрения, созданный бывшим подполковником КГБ режим является типичным образчиком электорального авторитаризма — наиболее распространенной в современном мире разновидности авторитарного правления, чаще всего эволюционирующей в персоналистскую диктатуру, как, собственно, и получилось в России.

Голосов Г.
 Политические режимы
 и трансформации:
 Россия в сравнительной
 перспективе.
 М.: Рутения, 2024.

¹ Сарр М. М. В тайниках памяти. М.: Синдбад, 2023. С. 72.

² См., например: <https://www.forbes.ru/rubriki-kanaly/video/507322-grigorij-golosov-forbes-massovoe-politiceskoe-dejstvie-dolzno-byt-ustraneno>

Причем, как полагает Голосов, системы власти, выстроенные вокруг одной-единственной личности, заведомо не способны быть устойчивыми, ибо жизнь человеческая коротка, будь то в Латинской Америке, Африке, Азии или где-то еще. Бесспорно, желание повелевать, в отличие от многих других людских желаний, со временем не угасает. Вспомним хотя бы Роберта Мугабе из Зимбабве, которого не без труда оттащили от кормушки на десятом десятке, или Поля Бийя из Камеруна, в 91 год выставившего свою кандидатуру на очередной президентский срок. Но с этим, в принципе, можно смириться: ведь тираны, хорошо это или плохо, тоже умирают, как самые простые люди. А это в свою очередь позволяет порассуждать о перспективах российской трансформации.

Профессор Голосов не впадает в иллюзии и не ждет чудес. Спектр вариантов, открывающихся перед Россией после нескольких десятилетий гнетущего «недостойного правления», не очень велик. Тем не менее глубокую заморозку политического развития, способную навечно заблокировать всякие перемены, он отрицает категорически, ибо «для всех жителей России — как для ее правящего класса, так и для народных масс — Путин из средства решения проблем превращается в главную проблему» (с. 126). Но при этом, как методично доказывается в книге, форсированная демократизация в стране тоже полностью исключена. Более того, после институционального ущерба, нанесенного прежним режимом, она оказалась бы даже вредной. Иначе говоря, Россию ждет долгий и рискованный путь поэтапного выстраивания демократии, поскольку все остальное — новый персонализм, монархическое правление, военная диктатура, однопартийный режим — представляется маловероятным по тем или иным причинам, которые подробно анализируются в работе. Автор ни на страницу не забывает о важнейшем обстоятельстве: демократию во все времена и в любых локациях делают не массы, а элиты, которые в какой-то момент приходят к пониманию того, что демократические правила игры способны более надежно обеспечить их пребывание наверху. Но при этом поддержка демократии снизу тоже имеет критическое значение: если ее не будет, то добрая воля элитных страт абсолютно ничего не решит.

Остановившись на этом моменте, автор отклоняет широко бытующий в самой России и за ее пределами тезис о «неприспособленности» или «неготовности» россиян к демократии. Фундаментом для такой авторской позиции выступает голая цифра: опираясь на данные Всемирных обзоров ценностей, инициированных в начале 1980-х годов Рональдом Инглхартом и продолжающихся по сей день, профессор Голосов показывает, что в своем восприятии демократических порядков российские граждане путинской поры вполне вписываются в общемировые тренды, а также что «теория о качественных различиях между гражданами России и других стран по параметрам актуальной и возможной поддержки демократии в целом не подтверждается»

(с. 264–265). Другими словами, ни народ, ни его правители в нашем случае не отклоняются от общемировой нормы сколько-нибудь далеко. И в этом смысле стремительный переход российского населения от нынешней пассивной поддержки режима к его активному неприятию вовсе не лежит за гранью реального. Этот момент приобретает особую важность в ситуации, которую Голосов характеризует шахматным термином «цугцванг», описывающим такое положение, когда любой ход игрока ухудшает его позицию. И в этой связи автор делает любопытное наблюдение: «Одна из причин отсутствия в России сколько-нибудь убедительных проектов политических перемен, которые привели бы к исправлению положения в стране, состоит в том, что на фундаментальном уровне эта ситуация цугцванга осознается как правящим классом, так и основной массой населения. Ведь если ничего сделать нельзя, то лучше ничего и не делать, а просто ждать и заниматься рутинными делами в надежде на то, что с более острыми проблемами все само собой как-нибудь устроится» (с. 238).

Тем не менее такая ситуация не может сохраняться вечно, и поэтому сам автор рук не опускает. В книге предлагается детально прописанный план будущих преобразований, затрагивающий все аспекты государственности, от федеративного устройства до судебной системы. Автор рассказывает о том, как можно было бы оптимально реформировать исполнительную и законодательную власть, превратить партийную систему из фиктивной в реальную, принять более актуальную Конституцию Российской Федерации. Представление сценариев переустройства подкрепляется многочисленными кейсами стран, переживавших в своей политической истории неприятности, подобные нынешней российской беде. Подборка этих кейсов — от Мексики и Малайзии до Бразилии и Казахстана — отдельное достоинство книги.

Завершая этот краткий обзор блистательно своевременной публикации, позволю себе несколько слов в укор тем скептикам — как остающимся в России, так и покинувшим ее, — которые без устали сокрушаются по поводу того, что в путинском царстве, дескать, человеку с критическим мышлением вообще не развернуться, а потому надо как можно скорее «валить», если еще не успел этого сделать. Профессор Голосов скромно, наглядно и действительно противостоит этой моральной панике. Его книга, вышедшая в Москве (!) через три года после прихода нового миропорядка, стала убедительнейшим подтверждением того, что честное политическое высказывание сегодня возможно не только за границами авторитарной России, но и в ней самой. Более того, рискну предположить, что бесстрашное слово, родившееся там и прозвучавшее оттуда, звучит гораздо мощнее любых эмигрантских речей, какими бы умными они ни были. Это не хорошо и не плохо; просто так есть — и так, похоже, будет впредь.

Андрей Симбирцев

Чихару Шиота (Chiharu Shiota). В тишине. 2002

Контрапункт

О колонизации

Для российского читателя в американских книгах об Американской революции есть одна трудность: там часто упоминается тирания.

У российского читателя большой опыт тирании — и свой собственный, и переданный по наследству, и опыт знакомых. И общий культурный опыт тоже. Нобелевские премии в гуманитарных дисциплинах дают россиянам исключительно за описания их страданий от тирании; в социальных сетях удачное интервью с российским экспертом по Северной Корее — большое событие; в московском церковном календаре новые святые — почти всегда «новомученики», то есть снова жертвы тиранов.

Иными словами, российский читатель знаком с тиранией на уровне «продвинутый пользователь», и каждое упоминание тирании в американском контексте вызывает у него некоторое недоумение: автор в самом деле имеет в виду то, что пишет?

Если североамериканские колонии восстали против тирании, то можно ли сказать, что ситуация у них была «как в Москве при Сталине»? Или «как в Варшаве при Николае I»? Находились ли жители Бостона в 1776 году в той же ситуации, что и жители Владивостока в 2025-м?

Историк Кристофер Р. Перл в книге «Зачатие в кризисе: Революционное создание американского государства»*, увидевшей свет в 2020 году, утверждает, что перед революцией жизнь в колониях была очень тяжелой — но совсем по-другому, не «как в Москве».

Исследование основано на архивах одного штата, Пенсильвании, и предлагает посмотреть на провинциальную Америку глазами рядового колониста. По мнению автора, государство в колониях было сродни

Максим Горюнов,
философ

* *Pearl Ch. R. Conceived in Crisis: The Revolutionary Creation of an American State. Charlottesville: University of Virginia Press, 2020.*

Чеширскому коту: оно существовало и не существовало одновременно. На практике это выглядело примерно так: британские власти как могли собирали налоги и регулярно вводили новые, не предоставляя в ответ никаких услуг.

Американский колонист должен был сам защищать свой дом от грабителей, сам бороться с крупными предпринимателями, когда те нарушали его права. Самое обременительное — решать свои имущественные и другие споры, не заходя в суд.

Ситуация «налоги есть, а государственных услуг нет» длилась десятилетиями и в итоге привела к разрыву отношений с Лондоном, к революции и к Войне за независимость.

Опыт жизни с государством, но без государственных услуг имел необычные последствия: американские колонисты начали ценить сильную бюрократию, способную вовремя удовлетворять их нужды. Революция

*Опыт жизни
с государством, но
без государственных
услуг имел необычные
последствия*

в поддержку сильного государства — не самый очевидный сюжет. Особенно для читателя, привыкшего приписывать Американской революции полуанархические мотивы.

Кристофер Перл обращается к документам, которые до недавнего времени не получали достаточного внимания. Это дневники и письма частных

людей, газетные колонки в местных малотиражных изданиях, проповеди рядовых пасторов, записи о рутинных судебных разбирательствах.

Картина, которую историк там обнаружил, сильно отличается от той, которую обычно рисует американский кинематограф.

Частные люди в переписках не обсуждали Римскую республику. Их занимали приземленные темы: уровень преступности на улицах, неработающий суд, непредсказуемые новые налоги, безнаказанность многочисленных банд. И поверх всего — прогрессирующая отстраненность британской администрации.

Кристофер Перл приводит в пример свидетельства священников. Лютеранские пасторы, приехавшие из Шведского королевства, постоянно жаловались в своих дневниках на грубые нравы своей новой паствы. С их точки зрения, в колониях царил анархия и никто ей не был рад, никто не знал, как от нее избавиться.

Материалы судебных разбирательств аккомпанируют пасторам. В судах непрерывно рассматривались дела о захвате чужих земель, о нанесении вреда имуществу, об антиобщественном поведении, включая публичное богохульство и осквернение церквей.

Колонии управлялись плохо, и причина была очевидна и для пасторов, и для крупных земледельцев, и для рядовых колонистов: недостаточное присутствие государственных служб.

Многие — если не все — нарушения общественного порядка совершались потому, что шанс быть потом задержанным, оказаться в суде, получить приговор и понести наказание был минимальным.

Следует заметить, что изначальный проект устройства жизни в колониях был иным. Заинтересованные стороны — британские власти, лидеры протестантских общин, акционерные общества Лондона — не планировали анархии. Их планы были воплощением просвещенного коммерческого интереса и *common sense*.

С точки зрения Лондона, жители британских островов, переплыв океан, должны были оказаться внутри знакомого ландшафта государственных и частных сервисов, работающих примерно с той же эффективностью, что и дома. Согласно замыслу, колонии должны были помочь королю и парламенту выплачивать их постоянно растущие долги. Будь то соперничество с Францией, конкуренция с голландцами в Индонезии, новая мебель для нового королевского дворца — все стоило денег. Чтобы избежать очередных повышений налогов у себя дома, предполагалось искать средства в Северной Америке. Колонии должны были приносить стабильный доход, и анархия очевидно мешала этим планам.

С точки зрения лидеров протестантских общин, колонии должны были стать филиалами рая на земле.

Прибывшие — как правило, речь шла о гонимых за веру — должны были жить в компактных поселениях, в которых дома стоят рядом, люди хорошо знают друг друга, читают Евангелие, регулярно ходят в церковь и слушают проповеди своего пастора.

Поселения верующих мало нуждались в государственных сервисах. Всем известно, как хорошо религиозные общины умеют улаживать свои проблемы. Помощь обездоленным, решение имущественных споров, воспитание детей и непрерывное улучшение нравов — и в наши дни церкви делают это лучше многих государств.

И протестантский, и правительственный планы провалились. Никто не мог предвидеть многократного увеличения населения и стремительного территориального расширения колоний.

В период с 1720 по 1770 год население Пенсильвании выросло более чем на 670%. В 1720 году в штате проживала 31 тысяча человек, а к 1770 году численность населения превысила 240 тысяч.

Резкий рост населения фактически взломал правовую систему. Лоскутное, хаотичное, полное тревог и взаимного недоверия общество было слабо защищено от преступности. Перегруженные суды работали медленно, их было мало. Как правило, они находились на большом расстоянии от поселений, возникших недавно. В случае необходимости колонистам нужно было долго добираться по плохим и небезопасным дорогам.

Судьями нередко становились граждане, далекие от тонкостей юриспруденции. Известны случаи, когда судьи отказывались исполнять свои обязанности, чтобы больше внимания уделять своей коммерческой деятельности. Если и удавалось довести дело до финального решения, возможности для его исполнения были крайне ограниченными.

*Резкий рост населения
фактически взломал
правовую систему*

Например, в обнаруженном историком деле «Король против Сэмюэля Мередита, Элизабет Мередит, Маргарет Коллинз, Уильяма Хауэлла и Томаса Хилла» рассматривался инцидент с нападением на Барбару Шейвер из округа Честер. Обвиняемые, пять мужчин и женщин, якобы украли ее единственную лошадь. Судя по материалам дела, лошадь в самом деле была украдена. Тем не менее, преступление осталось безнаказанным: в ходе четырех судебных заседаний судьи вызывали свидетелей и обвиняемых, однако их отсутствие в зале суда привело к затягиванию дела, и в итоге оно было снято с рассмотрения.

Еще один пример — петиции с требованием к государству ввести ограничения на ловлю рыбы.

В конце 1760-х годов колонисты, проживавшие вдоль реки Скулкилл, были недовольны действиями крупных рыболовных компаний, работавших на европейские рынки. Компании использовали большие сети, после которых рыбы в реке почти не оставалось. Чрезмерный вылов наносил урон благосостоянию местных жителей. Особенно страдали малоимущие, для которых рыболовство было единственным источником дохода.

Колонисты, считая рыбу «благословением, щедро дарованным Провидением», настаивали на необходимости ограничений, которые обеспечили бы более широкий доступ к рыбным ресурсам. По их мнению, интересы частных рыболовных компаний должны уступать общественным нуждам. Государство ввело значительные санкции: за лов рыбы в ущерб интересам местных жителей полагался штраф в двадцать пять фунтов или шесть месяцев тюремного заключения.

Увы, по мнению колонистов, закон «не принес пользы обществу». Часть инспекторов, которые должны были принуждать рыболовные компании к соблюдению правил, ушли в мир иной в результате старости и болезней, и на их место никто не пришел. Другие не выполняли свои обязанности из-за плохого состояния здоровья. Третьи открыто игнорировали новые правила, фактически выступая против местных жителей и на стороне компаний.

Попытки обойти суды в колониях и обратиться напрямую в Лондон часто ни к чему не приводили. Материалы дел о злодеяниях, совершенных где-то в лесах за три тысячи миль от ближайшего британского порта, часто терялись по пути. Или ответ мог прийти с опозданием. Судебный процесс мог занять несколько лет. За это время преступник, потерпевший и свидетели могли разъехаться по разным штатам.

Жители Пенсильвании активно выражали недовольство работой судов. Анализ их петиций показывает, что основной причиной жалоб было слабое правоприменение. В период с 1740 по 1776 год 28% петиций, поданных в Законодательное собрание, касались реформы

правоохранительных органов. Ни одна другая категория, включая налоги и правила продажи земельных участков, не вызвала так много обращений, как провалы государства в этой области.

Оставшимся без суда, без процедур, без правил, без службы исполнения колонистам пришлось полагаться на более примитивные практики поиска справедливости. Эти практики, безусловно, хороши для кинематографа — особенно подросткового, но на деле совсем не подходят для тех, кто «женаты и с детьми».

Идея протестантов о самоуправляемых поселениях тоже провалилась.

Активность спекулянтов, отсутствие дорог, постоянный поток ново-прибывших делали невозможным организацию жизни в соответствии с изначальным планом.

Люди в новых поселениях не знали своих соседей и не могли им доверять. Колонисты часто переезжали в поисках более плодородной почвы, мягкого климата, большей безопасности. Без постоянной паствы церкви строились медленно.

Паства менялась с каждым новым крупным событием: падением цен на зерно, объявлением о новых участках в более теплых штатах, очередным кораблем переселенцев. Церковь не успевала перезнакомить свою паству, общины не формировались. Получался своего рода заколдованный круг: без общины нельзя было построить церковь, без церкви не возникала община. Все это неминуемо вело к эрозии доверия.

Оставшись одновременно и без поддержки церковной общины, и без государственных сервисов, колонисты и пришли к выводу, непривычному для ушей российского гражданского активиста: необходимо государство.

Победа в Войне за независимость позволила американцам разорвать отношения с ненадежным поставщиком госуслуг и создать новую страну — в которой суды наконец-то заработали. И не только суды. Как утверждает автор, когда это произошло, жители Пенсильвании были счастливы. Их счастье не такое, как в толстых романах Льва Толстого, без экзистенциальных глубин. И тем не менее.

О государстве

В книге шведско-американо-британского историка Макса М. Эдлинга «Революция в пользу государственного происхождения Конституции США и создания Американского государства»* Американская революция описана как попытка построить сильное государство, но с защитой от тирании.

* *Edling M. M. A Revolution in Favor of Government: Origins of the U.S. Constitution and the Making of the American State / Oxford: Oxford University Press, 2003.*

Автор утверждает, что интерес отцов-основателей к сложной политической архитектуре был обусловлен не столько желанием сломать государство, сколько сделать его безопасным для граждан.

То, что российскому читателю видится как меры по ослаблению государственной власти — сменяемость высшего руководства, свобода слова, федерализм, — с точки зрения основателей, были скорее мерами по его одомашниванию.

Основатели не были анархистами, и Нестор Махно им вряд ли понравился бы. Вопреки расхожему мнению, они считали государство необходимым инструментом защиты граждан от внутренних и внешних угроз.

Опыт войны с Британией наглядно показал им, какие возможности открывает обществу сильное государство. В ходе Войны за независимость Британия смогла провести эвакуацию ста тысяч сторонников ко-

*Американское государство,
решили отцы-основатели
США, должно быть
защищено от тиранов*

роля. Смогла организовать выплату денежных компенсаций тем, чье имущество было конфисковано революционерами.

Британский флот за время войны увеличился вдвое. Десятки тысяч британских солдат были транспортированы через оке-

ан для участия в войне. Были наняты тысячи солдат в германских землях. Не имея достаточно своих средств, Британия активно брала в долг. Самое удивительное — ей охотно одалживали даже самые осторожные банки. И что еще удивительнее, проценты были ниже, чем обычно в таких случаях.

Банки, видя, как устроено британское государство, верили в возможность выплат, даже когда приходили новости о поражениях. Проиграв в Войне за независимость, Британия смогла вернуть себе потерянные доходы, получив контроль над Индией.

Франция тоже была примером. Французский король управлял страной с помощью сети ведомств и департаментов, которые хоть и уступали в эффективности британским, но были способны на многое.

Во время Войны за независимость Франция поставляла американцам оружие. Французские военные консультировали американцев, делая все возможное, чтобы превратить народное ополчение в профессиональную армию. Непрерывная транспортировка вооружения французами через океан в обход британской блокады, как и регулярная оплата американских счетов показали основателям, какие возможности получает тот, у кого есть в распоряжении развитое государство.

Или, если быть точнее, у кого есть профессиональная армия, чтобы вести войны, и профессиональная налоговая служба, чтобы вовремя оплачивать и армию, и военные действия.

Такие же возможности основатели хотели дать американцам, но с важной оговоркой: американское государство должно быть защищено от тиранов.

Джон Трамбулл (John Trumbull). Декларация независимости. 1817–1819

У отлично организованного государства есть много плюсов. Безопасность и предсказуемое будущее — самые очевидные из них. С другой стороны, если развитый государственный аппарат окажется в руках тирана, плюсы мгновенно станут минусами. Как следует из римской истории, в плане смертоносности только холера и бубонная чума могут конкурировать с тираном, взявшим под контроль хорошо обученную бюрократию.

Тирания может быть настолько опасна, что отказ от государственного аппарата, несмотря на очевидные неудобства для граждан, может лучше сохранить их собственность и их жизни.

Дебаты о сильном и слабом государстве во многом напоминают известные дебаты об атомной энергетике после Чернобыля. Атомная энергия заметно улучшает жизнь миллионов; авария даже на одной атомной станции отравляет жизнь десяткам миллионов на несколько веков вперед.

Американцы предложили третий путь. Они хотели иметь организационные возможности французской бюрократии, но без французского короля, и финансовые возможности британской короны, но без британской короны.

Это желание, как утверждает автор, было общим для всех партий внутри американского общества. Разница была в предлагаемых рецептах.

Федералисты Гамильтон, Мэдисон и Джей считали, что разделение властей и система политических сдержек и противовесов, закрепленные в конституции, надежно исключают угрозу узурпации власти.

Антифедералисты, среди которых были Патрик Генри, Джордж Мейсон и Томас Джефферсон, были осторожнее. Отказ от сильного федерального центра в пользу сильных регионов казался им надежнее. Их аргументация была до предела практичной. Если власть принадлежит столицам штатов, вероятному узурпатору придется взламывать не одну федеральную администрацию, а множество региональных: слишком сложная задача даже для такого гениального и харизматичного взломщика, как, например, Наполеон.

В отношении армии мнения и рецепты были тоже разными. Федералисты подчеркивали необходимость профессиональной армии для защиты от внешних угроз и внутренних конфликтов. Антифедералисты были против: профессиональная армия не может не быть угрозой. Рано или поздно она поддержит узурпатора, и тогда у граждан — даже вооруженных и сплоченных — не останется ни одного шанса. Рецепт антифедералистов был прост: вместо одной армии должна быть мозаика гражданских ополчений, у каждого штата свое. Наполеон смог влюбить в себя армию Франции, одну из лучших на тот момент в Европе. Смог бы он сделать то же самое с тринадцатью отдельными ополчениями из тринадцати отдельных штатов?

Как пишет автор, после принятия конституции ни одна из сторон не осталась довольна результатом. И федералисты, и антифедералисты были не уверены, что им удалось защитить государственный аппарат от узурпатора.

Тем не менее, как мы знаем из истории, у них получилось. Два с половиной столетия спустя можно сказать, что созданная ими защита от узурпатора работает. Что еще важнее, защита не наносит урон эффективности бюрократии. За прошедшие столетия способность американской администрации к мобилизации ресурсов была многократно доказана на практике.

У основателей не получилось создать единую нацию. Менее чем через сто лет после революции случилась Гражданская война: американцы убивали друг друга, как если бы у них не было ничего общего. В наше время, как считают эксперты, мы наблюдаем в США нечто вроде «холодной гражданской войны». Республиканская и Демократическая партии ведут себя словно они перманентно на грани «горячего конфликта».

При этом, несмотря на потоки вербальной агрессии в американских медиа, эффективность бюрократии остается на уровне. Налоги собираются методично, бюджеты на военные и иные нужды исправно наполняются.

Первые модели генеративного искусственного интеллекта появились параллельно со слушанием дел об отношениях будущего президента с порнозвездой и о коррупционных связях сына действующего на тот момент президента. Все выглядит так, как будто основатели, экспериментируя с мерами против тирании, создали нечто, относящееся скорее к разделу «технологии», чем к разделу «этика» или даже «культура».

Schengen is alive – шенген жив!

К 40-летию шенгенских соглашений

Каждый человек имеет право свободно передвигаться.
(Всеобщая декларация прав человека ст. 13 п. 1)

На фоне становящихся все громче (а иногда и яростнее) разговоров и заявлений (а в отдельных случаях — и соответствующих решений на государственном уровне) о необходимости ужесточить миграционное законодательство, закрыть границы и вернуть пограничный контроль между европейскими странами мне показалось крайне важным остановиться и подумать о том, к чему Европа тернистым путем шла столетиями. О тех истинно демократических достижениях и ценностях просвещенных народов Старого Света, значимость которых сегодня совершенно незаслуженно подзабыта. В их числе — открытые границы и свободное перемещение граждан между государствами — членами Европейского союза, ставшее возможным благодаря подписанному 40 лет назад так называемому Шенгенскому соглашению.

Шенген — это небольшая деревня в Великом Герцогстве Люксембург, расположенная в том месте, где это карликовое государство граничит с Германией и Францией.

14 июня 1985 года этот винодельный городок прославился на весь мир, когда пять стран (Германия, Бельгия, Нидерланды, Франция и Люксембург) заключили здесь знаменитое Шенгенское соглашение об упрощении паспортно-визового контроля на границах ряда государств Европейского союза. Кстати, точка схождения границ именно Германии, Франции и Люксембурга была выбрана потому, что аналогичное законодательство об отмене паспортного контроля к тому времени уже применялось странами Бенилюкса.

Исторический документ был подписан на прогулочном теплоходе «Принцесса Мари-Астрид» прямо посреди реки Мозель. Позже на основе этого соглашения были созданы современное Шенгенское законодательство Европейского союза и Шенгенская зона, в которую на 1 февраля 2025 года входит 31 государство (на очереди — Кипр).

В свой евротур в конце 2024 года я намеренно включил посещение этого легендарного места — деревни Шенген, решив, что попутно побываю в самом старом немецком городе Трире, где более 20 лет назад прожил несколько месяцев, а также внесу в список новых стран небезынтересный Люксембург.

Но действительно важен был для меня в первую очередь сам Шенген. Потому что это то самое место, где было положено начало великому, на мой взгляд,

Зелимхан Яхиханов

достижению — свободному пересечению обычными людьми границ между государствами.

Сегодня на фоне требований о том, что россиянам нужно ограничить въезд в европейские страны, что им должны перестать выдавать шенгенские визы, хочу напомнить о глубинном смысле и, если позволите, философии этого, повторюсь, высочайшего человеческого достижения.

А суть проста и грандиозна одновременно. Это — свобода. Да, именно свобода — прежде всего передвижения. Это стирание границ. Видимых и невидимых. Это не о закрытости, а, напротив, об открытости. Не о враждебности, а о дружелюбии.

Считаю неправильным, в корне аморальным и противоречащим главным принципам демократии призыв ограничивать граждан в их правах на свободное передвижение по причине географической, национальной и иной групповой принадлежности людей...

С такими размышлениями я приехал в это местечко, где сделал много фотографий (с особой радостью — у хэштега «Schengen is alive!» («Шенген жив!»)) и видео, прогулялся по набережной и, конечно же, проникся его особой атмосферой и неповторимым духом.

Европейский музей, расположенный рядом, к сожалению, был на реконструкции. Зато я побывал около еще одной достопримечательности Шенгена — у средневекового замка (возведен в 1390 г.), который (как подсказал интернет) в 1871 году посетил мой любимый писатель Виктор Мари Гюго. Жаль, но все, что сохранилось от исторического здания, — это лишь округлой формы, заросшая мхом и позеленевшая центральная башня.

Заканчивая, хотел бы всем, кто читает эти строки, напомнить вот о чем. Пора всем нам (и обществу, и власти) вернуться к основам основ — к человеческим началам. Включая демократические, правовые, духовные, нравственные. Где высшая ценность — Человек, его права и свободы. Где государство — на службе у человека.

Шенген — как раз один из ярких и, к сожалению, редких примеров того, как некоторые государства договорились и упростили жизнь людей, сделав для них пересечение границ делом быстрым, комфортным, гораздо менее затратным и потому более желанным и легко осуществимым.

И таких примеров — примеров человеческого прогресса, развития, торжества интеллекта, свидетельств и подтверждений на самом высоком уровне глобальной толерантности — должно быть больше. Гораздо больше! Примеров, в конце концов, той самой человечности. Где, повторяю, государство — для человека. Иначе что мы оставим для потомков? Как будем смотреть в глаза детей и внуков? И в конце концов, как ответим на вопрос: а что сделал я для того, чтобы мир вокруг стал лучше? Терпимее. Добрее.

Р. S. Водитель автобуса из Люксембурга до деревни Шенген отказался взять у меня плату за проезд. Сначала я удивился этому, а потом узнал: абсолютно весь общественный транспорт в Люксембурге бесплатный. И это еще один правильный пример...

*Зелимхан Яхиханов,
выпускник Школы гражданского просвещения 2009 года
(Грозный — Шенген — Грозный)*

*Александр Морозов,
политолог, журналист*

Угроза «Темного просвещения»

Нервный февраль 2025 года, первые пять недель Дональда Трампа. Практически каждый день — шокирующие заявления новой американской администрации, и каждое порождает фундаментальные вопросы. Сохранится ли теперь вообще североатлантическое единство? Верно ли, что стратегия Трампа направлена на создание глобального союза США — Китай — Россия в ущерб Евросоюзу? Собирается ли Трамп взять под контроль сектор Газа буквально, создав там американскую временную администрацию? И самый главный вопрос: если Джей Ди Вэнс с его выступлением в Мюнхене и Илон Маск с его прямыми приветствиями в адрес европейских правых — это новый долгосрочный курс, то что происходит с западной демократией как таковой?

Концептуализация демократии произошла в ходе Второй мировой войны, ее современный вид — это результат победы над нацизмом. Послевоенные пять десятилетий в рамках стран Североатлантического альянса развивалось (и в теории, и в практической политике, и в государственном администрировании) представление о том, что демократия — это сложное взаимодействие между выборной и исполнительной властью. «Разделение властей, верховенство закона, права человека» — эта триединая формула стала мантрой. Могло показаться, что ее смысл начал тускнеть. Однако никто из политических теоретиков в Европе или США не выступал с радикальной альтернативой. Сохранялась общая рамка: демократия укрепилась когда-то в Европе и США в борьбе с абсолютизмом, а ее эффективность — при всех ее недостатках — подтверждена борьбой против современных форм авторитаризма в XX веке.

После Второй мировой войны исторический оптимизм Запада покоился на том, что хотя «узурпация власти» возможна и демократическим путем — без военного переворота, а в результате выборов, — но

это девиация. Режим узурпации не устоит долго и с неизбежностью падет перед представительной демократией, которая ориентирована на консенсусы и коалиции.

Почему представительная демократия надежнее? Потому что она покоится на базовых идеях, соответствующих природе человека. Она удерживает общество в большей безопасности для домохозяйств, признает человеческое разнообразие, свободу выбора и ограничивает фантазии о гегемонии, тем самым предохраняя общества от насилия над соседними народами и самими собой.

И вот Джей Ди Вэнс выступил с лекцией о демократии, чье содержание пугающе напомнило о тех концепциях, которые укрепились в Европе в 30-е годы XX века как результат радикальной критики парламентаризма.

В прошлой каденции Трампа мы прислушивались к тому, что говорит Стив Бэннон. Но он выглядел экзотическим идейным маргиналом. Сейчас мы прислушиваемся к тому, что говорят Питер Тиль, Илон Маск, Кертис Ярвин, и возникает впечатление, что внутри мира современных венчурных инвесторов и стартаперов, этих сверхзвезд-миллиардеров, укрепились концепция альтернативного модерна, то есть иное представление о благоустройстве мира людей вообще.

Звучат слова «неореакция», «Темное просвещение». Перед нами интеллектуальное движение, не только подвергающее ревизии схему «демократия против авторитаризма» второй половины XX века, но и опрокидывающее всю логику социального развития, начиная с эпохи Просвещения. Значительная часть американских граждан проголосовала за людей, которые считают, что многочисленные проблемы, порожденные развитием человечества на планете Земля, — интенсивная миграция, непрерывное нарастание регулирующей роли государства в экономике, разбухание университетов как центров глобального образования и др. — это результат чьего-то злого умысла, а не результат глобализации. Здесь началась игра, хорошо опознаваемая по европейскому прошлому: якобы мы — «народ», а вредит «истеблишмент». Якобы внутри истеблишмента есть «глубинное государство». И самое главное: «мы» и есть политическое большинство, и у нас есть теперь мандат от большинства до скончания времен, потому что наше большинство обладает истиной, а не высказывает мнение.

Демократия – это сложное взаимодействие между выборной и исполнительной властью

Значительная часть американских граждан проголосовала за людей, которые считают, что проблемы, порожденные развитием человечества – это результат чьего-то злого умысла, а не результат глобализации

Для российского слуха тема «демократии, опирающейся на подавляющее большинство» звучит особо зловеще, поскольку на этой концептуальной рамке стоял СССР и режимы восточного блока. Получив власть, правящая группировка может поставить себе цель непрерывно конструировать «политическое большинство» в свою поддержку. Цифровые инструменты позволяют вести эти манипуляции гораздо более эффективно, чем это было в прошлом.

Коварство этой игры заключено в том, что опора на манипулятивно созданное «большинство» на первом такте ведет к интенсивному переживанию «общественной солидарности», а на втором такте — к насилию. «Дружно ударим по антинародному истеблишменту!» — на первом такте, «Враг не сдастся!» — на втором такте, и это приводит к большой войне.

Вот почему в первой половине 2025 года так тревожно: то, с чем выходят на мировую сцену новые лица американской политики, не предполагает никакого «гражданского общества», а предполагает «большинство». Не предполагает «представительства разных мнений», а предполагает представительство «истины» (которой якобы обладает большинство).

Безусловно, многие элементы представительной демократии за 6–7 десятилетий после Второй мировой войны требуют обновления. Необходима интеллектуальная ревизия многих институтов. Однако следует понимать, что эта интеллектуальная работа в сфере политической философии не является общей для США и Европы.

Дональд Трамп публично демонстрирует пренебрежение к Европе, Евросоюзу, к истории послевоенной европейской солидарности

В силу принципиальной разницы моделей представительной демократии в США и в «старых демократиях» Европы искажения демократии и угрозы там тоже разные.

Сейчас, в эти дни, Дональд Трамп публично демонстрирует пренебрежение к Европе, Евросоюзу, к сложной истории послевоен-

ной европейской солидарности. Но это не значит, что мы в Центральной Европе должны радостно последовать за той риторикой, которая производится сегодня борцами с истеблишментом в США. Либеральная демократия как модель благоустройства жизни дорого далась европейским обществам, пережившим в прошлом и нацизм, и сталинизм.

Неудача постсоветского транзита России, сохраняющиеся политические различия двух Германий после объединения, искушение Италии «берлусконизацией», многочисленные последствия глобализации, стягивающие население в мегаполисы и усиливающие контраст между «глобалами» и «локалами» внутри европейских демократий, — все это и многое другое очень остро ставит вопрос о том, как мы будем жить в Центральной и Восточной Европе в ближайшие десятилетия.

Николь Айзенман (Nicole Eisenman). Процессия. 2019

Но все эти, как принято говорить, «вызовы XXI века» не решаются за счет отказа от либеральной демократии. Во всяком случае, мы не те, кто должен взять на себя авторство этого отказа и энергично примкнуть к релятивизму, который уравнивает путинскую модель манипулирования большинством с европейской моделью демократии, сложившейся после Второй мировой войны. Давайте будем той частью русскоговорящего мира, остающегося в контуре политической философии, который предполагает представительную демократию в ее связи с культурным разнообразием, свободой мнения и рациональной способностью ценить сложность, а не вливаться в ряды сторонников простых решений на почве «подавляющего большинства», якобы обладающего «истиной».

TABLE OF CONTENTS

No. 1 (96) 2025

TO THE READER

Vladimir Ryzhkov 5

FEATURE ARTICLE

The Future Will Wait
Andreas Bummel 7

King Donald and the New Right
Fredrik Eriksson 12

The End of Progress?
Joseph Stieglitz 18

HISTORIC EXPERIENCE

The History of Russia as an Unfinished
Transition from an Asiatic Tradition
to Modernity
Konstantin Merzlikin 21

Why Did Gorbachev Fall Short? The
Perestroika Experience vs. Today
Alexey Gusev 43

Dark Times Lie Ahead
Vasily Zharkov 61

CIVIC SOCIETY

The Fight for Democracy
Hakan Altınay, Lisbeth Pilegaard 70

COLONISATION

History Repeating Itself
Maxim Kurnikov 84

Tashkent in Commerce and Industry
Vladimir Kuznetsov 97

PREVIEW

Post-Russia
Vadim Shtepa 109

BOOKS

A Normal Anomaly
Andrey Simbirtsev 113

The Counterpoint
Maxim Goryunov 117

NOTA BENE

Schengen is Alive! To Honour
the 40th Anniversary
of the Schengen Agreements
Zelimkhan Yakhikhanov 125

The Menace of a “Dark Enlightenment”
Alexander Morozov 128

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНСТИТУТЫ, МЕЖДУНАРОДНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ

Наши авторы:

Глеб Богуш

Валдис Биркавс

Максим Горюнов

Алексей Гусев

Владислав Иноземцев

Василий Жарков

Кирилл Коротеев

Максим Курников

Ян Левченко

Джон Ллойд

Мари Мендрас

Леонид Мерзликин

Адам Михник

Диана Пинто

Славомир Сераковский

Андрей Симбирцев

Константин фон Эггерт

ISSN 2592-897X

Просвещение – это выход человека из состояния
своего несовершеннолетия... причина которого
заключается не в недостатке рассудка,
а в недостатке решимости и мужества
пользоваться им без руководства кого-то другого.
Sapere aude! – имей мужество пользоваться
собственным умом! – таков, следовательно,
девиз Просвещения.

Иммануил Кант
“Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?”
